

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 4 (83)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2012

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
**Читинский государственный универси-
тет**

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

**Журнал рекомендован ВАК РФ для
публикации результатов исследо-
ваний на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук**

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»

www.arpk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18

E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

Web: www.journal.zabgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандро-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.

Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор
ЗабГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент,
проректор по научной и инновационной работе
ЗабГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн.
наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Забай-
кальского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук,
профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита),
И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р
техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П.
Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд.
техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук,
профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита),
Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, про-
фессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита),
А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р
физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И.
Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко,
д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн.
наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент
(Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный де-
ятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии
(Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волго-
град), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов,
д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук,
профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук,
профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита),
К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, до-
цент.

**Утверждено и рекомендовано к изданию решением редак-
ционно-издательского совета ЗабГУ.**

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 4 (83). – Чита: ЗабГУ, 2012. – 139 с.

Chita State University Journal. № 4 (83). – Chita St. Univ. Pr. 2012.

Культурология

УДК 008

Гомбоева Маргарита Ивановна
Margarita Gomboyeva

**ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА
МИРОУСТРОЙСТВА НАРОДОВ
ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

**EXPLICATION OF THE WORLD
ORDER IMAGE OF THE PEOPLES
OF INNER ASIA AND ITS SIGNIFICANCE
FOR CULTURAL KNOWLEDGE**

Традиционное мировоззрение народов региона рассматривается в контексте цивилизационного единства кочевых культур Внутренней Азии

This paper considers the traditional worldview of the peoples of the region in the context of civilization unity of the nomadic cultures of Inner Asia

Ключевые слова: экспликация, образ мироустройства, региональная культура, народы Внутренней Азии, традиционная культура, культурная семантика, мифоритуальная практика, природные факторы этногенеза, культурные взаимовлияния этногенеза

Key words: explication, world order image, regional culture, peoples of Inner Asia, traditional culture, cultural semantics, myth and ritual practices, environmental factors of ethno genesis, ethno genesis cultural interactions

В мировом пространстве формируются новые социокультурные образования: трансграничные регионы, культурно-хозяйственные ареалы, международные корпоративные объединения [1]. Их образование подчинено собственным закономерностям и имеет достаточно убедительные и уходящие в ретроспективу историко-культурные предпосылки. Изучению культурных и мировоззренческих основ региональных или глокальных единств посвящена данная работа. Философско-культурологическое обобщение семантики культурного наследия народов, проживающих на трансграничной территории и имеющих общность условий жизни, отражает интегративные качества региона как целостного историко-культурного, природно-эволюционного и актуально существующего системного образования [2].

Изучение ментальных основ образа мироустройства людей на современном этапе становится все более актуальным. До настоящего момента анализ данной проблемы сводился либо к рассмотрению локальной практики взаимодействия общества с природой, когда объектом изучения становился тип культуры, сформированный в номадической экономике. Природный фактор является не единственным фактором формирования образа мироустройства. В целом научным сообществом приобретен значительный опыт в изучении природно-экологического и общественно-экологического аспектов бытования традиционных культур, в том числе народов Внутренней Азии. Для получения общей картины культурно-исторического развития образа мироустройства требуется изучение сопряжения и взаимовлияния природных и культурных

условий, в совокупности формирующих уникальный облик мировоззрения народов кочевой культуры.

Несмотря на наличие значительного объема литературы о народах, проживающих во Внутренней Азии, мировоззренческие основы их культуры по-прежнему остаются малоизученными. Большинство работ носят описательный характер. Важнейшие элементы образа мировосприятия не нашли освещения в науке: лишь немногие авторы уделяют внимание семантике мифоритуальных, обрядовых аспектов культуры как способов взаимодействия человека, природы и культуры, а ведь именно они выступали и выступают основными регуляторами жизнеобеспечивающих видов деятельности народов. Накоплен значительный материал, который создает возможность экспликации содержания основных концептов образа мироустройства народов Внутренней Азии. Данный логико-методологический приём позволит раскрыть содержание культурного и мировоззренческого единства семантики обрядов народов Внутренней Азии.

Основным методологическим подходом к исследованию темы является историко-философская концептуализация мировоззренческого единства обширного наследия культуры народов региона.

Ведущим принципом исследования является сравнительно-культурологическое обобщение этнографических, исторических данных, которое позволяет выявить своеобразие индивидуальной жизни народа, зафиксированной в общих смыслах региональной культуры разной национальной идентичности, и, тем самым, выйти на универсальные доминанты образа мироустройства. Такой способ исследования историко-культурного явления помогает культурологии выйти на глубинные уровни понимания культурного текста, выявить цивилизационное единство и различие региональных, собственно этнических особенностей культуры, показать историко-культурную преемственность в истории этнической культуры. В данной работе использованы логический, исторический,

проблемно-хронологический, компаративистский методы исследования.

Ведущим приемом является метод экспликации, когда такой феномен, как духовное протокультурное единство культурной семантики народов Внутренней Азии, рассматривается в широком цивилизационном контексте. Экспликация позволяет выявить семантическое единство культурного смысла мифоритуальных аспектов культуры, в результате раскрывается цивилизационное единство, при котором различия в процессе эволюции получили самостоятельность и могут быть отличены друг от друга. Сравнение основных мировоззренческих компонентов образа мироустройства, характерных для исторических этапов развития культуры народов региона, т.е. синхронный и диахронный сравнительный анализ их в обрядах и раскрытие их семантических значений в народной культуре. Использованная нами методика исследования основана на экспликации мировоззренческой основы протокультуры бурят, произведенная посредством метода интертекстуального анализа обрядовых текстов на примере выявления единства символики хори-бурятской культуры с другими народами сибирского региона. Интертекст обрядовой семантики представляет собой множественность текстов, связанных синтагматической и парадигматической связью, единством мироустройства. Обращение к обрядовым метафорам, ритуальным смыслам и контекстам проводилось с целью выявления повторяющихся типических образов и их смыслов в разных культурах.

Влияние культурной семантики центрально-азиатской цивилизации на семантику мифоритуальной обрядности народов региона проявляется во многих аспектах. Кочевнический тип хозяйственной деятельности, символ Неба и тэнгрианское мировоззрение, культурная и хозяйственная общность в устройстве социальной организации свидетельствуют о цивилизационном единстве и комплиментарности процессов этногенезиса в этом регионе. Типичным является кочевнический образ мироустройства, отражающий глубинные связи челове-

ка с миром космоса, природы, социума [3].

Для данного образа характерно монистическое и нетеистическое мировоззрение, метафоры, образы которого характерны для традиционного культурного наследия современных народов Внутренней Азии. Оно проявляется в традиционных представлениях о всеединстве форм бытия мира, сущности и целях исторического процесса, целостном образе мироустройства, определении места человека в мире, словом, как определенная система взглядов на мир [3].

Необходимость введения данного понятия, характеризующего ментальное единство и своеобразие народов, проживающих на трансграничных территориях, представляется плодотворным для разработки комплекса региональных научно-практических проблем. Концепция влияния архаической семантики, выявляемых учеными в практических знаниях, навыках и мифоритуальных традициях старожильческих народов, проживающих на данной территории, на изучении цивилизационного единства культур, позволяет обобщить интегративное качество культурогенеза, определить влияние протоцивилизационных факторов на развитие современной российской цивилизации, воздействие типических, коллективно признанных и устойчивых доминант тюркско-монгольской ментальности на принципы восприятия устройства, выявить предпосылки и системный характер обусловленности образа мироустройства образом жизни, интегрированным в биоценоз и культурогенез. Актуализация тэнгрианского мировоззрения, имеющего важное значение в осмыслении культурного наследия народов региона, представляет интерес для понимания евразийских оснований российской культуры [3].

В статье поставлена цель – преодолеть дисперсность представлений о мировоззренческих основах традиционных культур коренных народов региона, показать некоторые научные стереотипы, устоявшиеся представления о природе, истоках мировоззренческих оснований традиционной культуры народов данного региона.

Поскольку длительное время в этног-

рафии в качестве традиционного мировоззрения народов региона рассматривалось шаманское миропредставление, то именно данный научный стереотип и подвергается в статье ревизии и опровержению. Исследования последних лет [4] показали, что шаманский образ миропонимания является глубоко специфическим, по своей природе является экстатическим феноменом. По своему происхождению «шаманизм» – конструкт, научно-идеологический дискурс, который содержит ряд интерпретаций, полученный российской этнографией [5] посредством сегментации исходно целостного мировоззрения на отдельные фрагменты, в том числе экстатический магико-ритуальный. С конца XIX, в первой половине XX вв. представления ряда авторов неоправданно экстраполированы на общую характеристику мировоззренческой основы традиционной культуры народов, имевших в культуре данный сегмент. Изучение шаманизма шло в направлениях его концептуализации, то есть осмысления роли в культуре народов, у которых он практиковался. Как никакое другое культурное явление, шаманизм подвергся неправомерному обобщению в науке и искажению. В данный период истории изучения магико-ритуальных практик народов Сибири возникло искушение объяснить все явления культуры народов шаманской природой. Неслучайно еще в ранних своих работах С.А. Токарев (в 1947 г.), понимая ограниченность такой интерпретации шаманизма, писал, что изучение традиционных взглядов народов Сибири тормозится тем, что «еще в XVIII в. в литературе установилась традиция рассматривать шаманство как понятие, покрывающее все религиозные представления и обряды народов Северной Азии» [6; С. 139]. Именно эти представления стали классическими в советской и российской этнографии. Между тем, светское, социально значимое, целостное и нетеистическое мировоззрение, характерное для древних народов данного региона, должно рассматриваться в качестве мировоззренческой основы образа мироустройства древних народов данного региона.

Для анализа мировоззренческой основы этнических культур народов региона являются важными работы историков, этнографов, археологов, изучавших различные аспекты истории и культуры народов центрально-азиатской цивилизации. Ценными представляются работы литературоведов, фольклористов, писателей, впервые обративших внимание на ментальное единство образа мироустройства народов, принадлежащих к разным культурам, но имеющих единый этногенетический источник. Одним из них был народный писатель Казахстана Олжас Сулейменов. Он впервые ввёл в научный оборот понятия «тэнгрианская философия», «тэнгрианская эпоха», впервые акцентировал внимание на культах – Неба, предков, объединяющих мировоззрение кочевых народов Центральной Азии и аккумулировавших принципы номадической культуры [7].

Ряд принципиальных для развиваемой концепции идей и положений обоснованы такими исследователями, как Д. Банзаров, Ч. Валиханов, Л. Н. Гумилёв, Д. С. Дугаров, Ц. Жамцарано, С. Г. Кляшторный, Е.И. Кычанов, Н. Э. Масанов, Н.Ф. Федоров, А. М. Хазанов.

Мировоззренческие вопросы традиционной культуры этноса рассматривались в этнографическом, социально-антропологическом и культурологическом дискурсах. И, по преимуществу, в традиционных темах: «традиционная культура», «религиозные и традиционные верования», «шаманизм», в контексте этноэкологической. Вопросы природно-экологической и социально-экономической взаимообусловленности компонентов культуры изучаемых народов в контексте номадического хозяйства рассматриваются в публикациях Е.И. Кычанова, Н.Э. Масанова, А.М. Хазанова и др.

Анализ мировоззрения осуществлен у авторов, разработавших основы структуралистской и постструктуралистской методологии; понимающей социологии А. Шюца; идей акционизма А. Турена, А. Гарфинкеля, П. Бергера, Т. Лукмана [8].

Использование комплекса методов по экспликации символики культурных смыс-

лов эффективно для понимания данной процедуры как социально и исторически санкционированной деятельности авторов по производству и воспроизведению символического капитала изучаемых смыслов. Привлечение с этой целью литературных (О. Сулейменова) и фольклорных текстов, текстов ритуальных практик позволяет проанализировать явление тэнгризма в различных этнокультурных, социальных средах, культурных текстах, религиозных измерениях. Особо следует подчеркнуть значение «теорий культурной истории» [9; с. 9], междисциплинарного гуманитарного знания, развиваемого в исследовательских программах, интерпретирующих явление, с опорой на синтез методов антропологии и народных культурных традиций и их эндогенных интерпретаций в контексте конкретного этнокультурного и этноисторического опыта.

Изучением степной культуры в контексте экосистемы региона, роли мифоритуальных практик занимались многие китайские исследователи, такие как Ван Кэлинь, Ван Цзяньгэ, Су Юн, У Эн, У Цинхуа и др. [11].

Богатый методологический опыт представляют кросс-культурные исследования «национального характера», «когнитивных структур ментальности», «базовой личности», «моделей репрезентации мира» традиционных культур американских и западноевропейских антропологов и этнопсихологов: М. Мид, Г. Деверо, А. Кардинер, Дж. Хонима, М. Коуэл, М. Вартофски, У. Липпману и других. Культурные исследования о взаимоотношениях между массовой, национальной, этнической, глобальной культурами, об изучении воздействий смыслов культуры на жизнь человека, об особенностях восприятия образа мироустройства чужой культуры, об этнических историях в социальном, научном и политическом контекстах оказались плодотворными для реконструкции мировоззренческих основ традиционной культуры старожильческого населения Байкальского региона.

Анализ литературы свидетельствует о том, что фактически отсутствует концеп-

туально целостное осмысление мировоззрения бурятского этноса как духовно целостного образования, не предпринимался систематический концептуальный анализ ценностных параметров сознания в этнотрадиционной культуре бурят. В литературе различаются и неравнозначно изучены образ мировосприятия, с одной стороны, сформированный под влиянием светских европейских представлений о мире, буддийской рефлексии, с другой стороны, несущий влияние шаманских мифологем.

Шаманизм в культуре народов региона представлен самым богатым интердискурсом, в котором наиболее последовательно представлены самые разнообразные дискурсы — история изучения явления, его развитие, включая анализ процессов возрождения, обновления, реконструкции, новаторского творчества. Не менее интересной представляется и история такого феномена как изучение процесса изучения шаманизма — «шаманологии». На данный период развития произошло сужение операциональной значимости понятия «шаманизм», возникшего в XIX в. в европейской антропологии колониального периода развития науки и ныне используемого для характеристики лишь части экстатически выраженных верований народов Сибири и Севера. В настоящее время понятие рассматривается как рабочий термин для обозначения комплекса представлений о мире народов, в том числе изучаемого региона, архаических экстатических форм сознания, изменённых состояний сознания культурных практик. (М. Балзер, М. Таусенд, В.С. Токарев, В. Тэрнер, К. Хюбнер, В.И. Харитонов).

Роль буддизма в культуре бурят рассматривалась в работах бурятских ученых разных школ и исторических эпох Л.Л. Абаевой, Б. Барадина, Г.Р. Галдановой, К.М. Герасимовой, А. Доржиева, Ц. Жам-

царано, Л. Линховойна, Г.Д. Нацова, Р.Е. Пубаева и других авторов. Особый интерес представляет история изучения буддизма представителями бурятских школ, сравнительно-сопоставительный анализ текстов указанных авторов, описание историко-культурных предпосылок, интеллектуальных мотиваций. Типологический анализ единства («тождественности») западно-бурятской ментальности и социально-философских доминант христианства и буддизма (С.П. Нестёркин, И.С. Урбанаева), взаимопроникновения (синкретизма) и преемственности шаманских и буддийских мировоззренческих феноменов (К.М. Герасимова) представлен достаточно убедительно.

Среди всего массива этнографических работ мировоззренческой ориентацией отличается коллективный труд новосибирских исследователей «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» [1994, 1995, 1997], посвященный целостности, системной организованности традиционной картины мира и традиционного мировоззрения.

Анализ исследовательской литературы показал актуальность систематизации, обобщения основных традиционных мировоззренческих доминант, духовных оснований этнической культуры региона, которые интенционально присутствуют в исторически различных типах национального образа мироустройства. Выбор темы исследования определен необходимостью изучения цивилизационного единства образа мироустройства, мировоззренческих доминант народов Байкальского региона Центральной Азии, системных связей внутри данного этнокультурного образования, где бурятский этнос занимает определенное место, выполняет собственную историко-культурную миссию.

Литература

1. Толстых В.И. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации. М., 2003.

2. Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. Иркутск, 2001.
3. Гомбоева М.И. Образ мироустройства хори-бурят. М., 2002.
4. Харитонов В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект. – ЭО. – 2010. – № 3.
5. Marjorie M. Balsler. Shamans as Healers, Rebels and Philosophers: Exploring Cultural Repression and Resilience in Siberia. Baston, 1998; Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: ИВ РАН, 2010. Siikala Anna-Leena. Siberian and Asian Shamanism. – Helsinki, 1998.
6. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
7. Сулейменов О. Аз и Я. Записки благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1974.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995
9. Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
10. Скрынникова Т.Д. Божества и исполнители обрядов у монголоязычных народов // Сибирь: этносы и культуры (Традиционная культура бурят): вып. 3. М.; Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 1998. С. 106-161.
11. Ван Цзяньгэ. Скотоводческий образ жизни: традиции // История географии Китая. – 2003. – № 2; Жэнь Цзичжоу. Словарь «Степное хозяйство» // Сельское хозяйство Китая. 2008. У Эн. Развитие кочевой культуры евразийской степи // Археология Китая. – № 4. – 2002. – С. 3-4. Су Юн. Древненациональные традиции в Хулунбуирской степи // Внутренняя Монголия. Национальное издательство, 2008; Дэн Бо. Диссертация «Исследование экосистем и способности обеспечения продолжительного развития степной области» // Гоньсу: Университет сельского хозяйства, 2004. ЛюЛичэн. Диссертация «Хулунбуирские леса. Исследование пространственно-временной динамики степной экологии» // Пекинский лесотехнический университет, 2008.
12. Басилов В. М. Избранники духов. М., 1984; Грофф С., Хел Беннет. Холотропное сознание. М., 1999; Харнер М. Путь шамана. М., 1996; Marjorie M. Balsler. Shamans as Healers, Rebels and Philosophers: Exploring Cultural Repression and Resilience in Siberia. Baston, 1998; Криппнер Ст. Психоделическое состояние, гипнотический транс и творческий акт. Измененные состояния сознания. М., 2003.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Гомбоева М.И., д-р культурологии, профессор, кафедра теории и истории культуры, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

M. Gomboeva, Doctor of Culturology, professor, theory and history of culture department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: культурная политика, стратегии сохранения культурного и природного наследия, межкультурная коммуникация

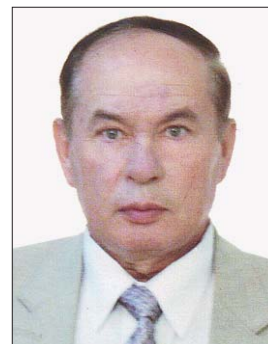
Scientific interests: cultural politics, strategy of preserving cultural and natural heritage, intercultural communication

Науки о Земле

УДК 622.464

Герасимов Виктор Михайлович
Victor Gerasimov

ПРИМЕНЕНИЕ ВОЛОКНИСТЫХ ПОЛИМЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ФИЛЬТРОВАНИИ ОБОРОТНЫХ И СТОЧНЫХ ВОД НА ГОРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

APPLICATION OF THE FIBROUS POLYMERIC MATERIALS IN FILTERING TURNAROUND AND SEWAGE AT THE MOUNTAIN ENTERPRISES

Представлены теоретические зависимости процесса фильтрования волокнистыми полимерными материалами загрязненных вод горных предприятий, а также результаты натурных испытаний трубчатых фильтров

Theoretical dependences of process of filtering by fibrous polymeric materials of the polluted waters of the mountain enterprises, and also results natural test of tubular filters are presented

Ключевые слова: оборотные и сточные воды, фильтрование

Key words: turnaround and sewage, filtering

Разработка месторождений полезных ископаемых открытым способом на горных предприятиях производится с использованием горно-гидротехнических сооружений, возводимых из местных материалов и вскрышных пород. К таким сооружениям относят дамбы, плотины, с помощью которых создаются отстойники, хвостохранилища. При гидромеханизированной и дражной разработках россыпных месторождений каскад отстойников позволяет осаждать взвешенные твердые частицы гравитационным способом, тем самым осветляя промышленные стоки. Очищенная вода из пионерного отстойника возвращается в оборотный цикл или сбрасывается в естественные водотоки.

Эксплуатация отстойников показывает, что концентрация взвешенных грубодисперсных частиц размерами 5...80 мкм

в водах пионерного отстойника превышает допустимые природоохранные нормы [1; 2; 3]. Введение в воды отстойников коагулянтов и флокулянтов интенсифицирует процесс осаждения взвешенных частиц, но требует значительного расхода дорогостоящих химических реагентов [4].

В соответствии с требованиями природоохранного законодательства крупность взвешенных частиц, сбрасываемых в природные водотоки, не должна превышать 20...25 мкм. Поэтому в технологический цикл целесообразно вводить дополнительную очистку оборотных и сточных вод способом механического фильтрования, что эффективно способствует осветлению воды и снижает затраты на возведение многочисленных отстойников.

Из большого спектра фильтровальных материалов [5] волокнистые полимерные

материалы, изготовленные иглопробивным способом, в последнее время нашли широкое распространение благодаря высокой прочности, задерживающей способности, технологичности и небольшой стоимости [6]. Синтетические волокна диаметром 10...30 мкм образуют пористую структуру полимерного материала с размерами пор 40...100 мкм в одном слое. Многослойное объемное строение волокнистой среды способствует уменьшению размеров капилляров. Вследствие этого струя жидкости при прохождении сквозь волокнистый слой разбивается на мелкие, которые движутся по многократно меняющему направлению траекториям, что ведет к отложению твердых частиц крупностью более 20 мкм как за счет механического заклинивания в капиллярах, так и за счет адсорбции [7].

Под действием сжимающей нагрузки волокнистые полимерные материалы упруго деформируются до 75 % деформации с повышением плотности в 4 раза и

уменьшением размеров пор в 2 раза и более. Изменяя степень сжатия волокнистых полимерных материалов в упругой зоне деформации, можно регулировать плотность, пористость и размеры пор [8].

Учитывая потребность промышленности в волокнистых полимерных материалах, разработан ассортимент фильтров для жидкостей, суспензий и аэрозолей с использованием как волокон одного типа, так и смесей волокон (табл. 1) [9].

Объемная плотность фильтровальных материалов находится в диапазоне 50...200 кг/м³, что позволяет подобрать фильтры с различной влагонепроницаемостью.

Коэффициент фильтрации волокнистых полимерных материалов в продольном направлении составляет 0,003 м/с (250 м/сут), а в поперечном направлении (в плоскости полотна) – 0,0002 м/с (20 м/сут), что объясняется направленностью расположения волокон [10].

Таблица 1

Фильтры на основе полимерных волокнистых материалов

Наименование фильтровального материала	Структурный состав		Поверхностная плотность, кг/м ²	Высота слоя, мм	Назначение
	вид волокон	содержание, %			
Полотно иглопробивное (артикул 934403)	Полиэфирные Полиамидные	50 50	0,35...0,7	2...3	Разделение суспензий, аэрозолей
Полотно иглопробивное (артикул 934403)	Полиакрилонитрильные	100	0,35...0,7	2...3	Разделение суспензий, аэрозолей
Полотно иглопробивное (артикул 934403)	Лавсан	100	0,33	6,5...7	Разделение суспензий, аэрозолей
№ 330/1 (с пропиткой)	Лавсан	100	0,33	1,3	Жидкостный
СЮНТ-120Ф	Нитрон, капрон, вискоза	30 40 30	0,12	1,5...2	Жидкостный
СЮНТ-160Ф	Нитрон, капрон, вискоза	30 40 30	0,16	2...2,2	Жидкостный

В направлении, перпендикулярном плоскости фильтровального материала, коэффициент фильтрации близок к значениям в продольном направлении. Вследствие этого волокнистые полимерные материалы в фильтровальных устройствах можно

размещать поперек тока жидкости и вдоль тока жидкости. В первом случае создается фильтровальная перегородка, во втором – фильтровальный рулон.

Фильтровальные перегородки (мембраны) по форме контура могут быть круг-

лыми или прямоугольными, по типу опирания — без опоры, с нижней сетчатой опорой, с верхней и нижней перфорируемыми опорами. Расположение фильтровальных перегородок в устройствах горизонтальное или вертикальное. Фильтровальные перегородки могут устанавливаться в съемную рамку, что позволяет оперативно производить замену использованной фильтровальной перегородки.

Конструкции фильтров с фильтровальными рулонами по форме контура могут быть круглыми, прямоугольными, овальными. Фильтровальные рулоны размещаются без зазоров в жестком или гибком корпусах, образуя трубчатые, коробчатые устройства, которые выполняются сплошными или разъемными. Расположение таких фильтров относительно уровня промышленных стоков в отстойниках позволяет выделить три типа движения жидкости: напорный, безнапорный, капиллярный [11].

Испытания волокнистых материалов на скручивание в рулоны показали, что происходит сжатие слоев в упругой стадии деформации, так как при разгрузке наблюдается полное восстановление начальных размеров.

Эффективность очистки стоков в фильтровальных рулонах трубчатых фильтров зависит от объемной плотности волокнистого полимерного материала, геометрических размеров фильтров и типа движения жидкости.

Результаты натурных исследований в напорном режиме, проведенных с использованием трубчатого фильтра на гидромеханизованном месторождении «Спорный», показали эффективность очистки промышленных стоков из пионерного отстойника [11]. Содержание взвешенных веществ и химических элементов: ртути, меди, железа, сульфатов, хлоридов, алюминия снизилось в сточных водах в 1,5...2 раза. Создавая каскад трубчатых фильтров, можно добиться качества воды, соответствующей нормам ПДК.

Движущей силой процесса фильтрования является напор жидкости у входной части трубчатого фильтра. Для установив-

шегося потока жидкости вдоль волокнистого пористого материала коэффициент проницаемости K_{np} определяется по формуле

$$K_{np} = \frac{Q \cdot \mu \cdot L}{\tau \cdot F \cdot \Delta P}, \text{ м}^2, \quad (1)$$

где Q — объем фильтрата, м³;
 μ — вязкость фильтрата, Н·с/м²;
 L — длина волокнистого фильтра, м;
 τ — время фильтрования, с;
 F — площадь сечения рулона, м²;
 ΔP — разность давлений, Н/м².

Коэффициент фильтрации K_{ϕ} и коэффициент проницаемости K_{np} связаны известным соотношением

$$K_{\phi} = \frac{K_p \cdot \gamma}{\mu}, \quad (2)$$

где γ — объемный вес жидкости, Н/м³.

В зависимости от фазового состава взвешенных частиц в фильтрате и требований к очищаемым стокам в трубчатых фильтрах можно установить волокнистые рулоны из полимерного материала плотностью 70...150 кг/м³. Процесс отложения твердой фазы в волокнистом рулоне носит неравномерный характер, наибольшей задерживающей способностью обладает локальный участок, расположенный у входа фильтрационного потока, где осаждаются твердые частицы, близкие по размерам с размерами пор. По мере движения фильтра к выходной части трубчатого фильтра объем осаждаемых частиц значительно снижается, поэтому большая часть рулона не участвует в фильтровании, в то же время создавая дополнительное сопротивление потоку жидкости.

Для повышения производительности трубчатых фильтров в напорном режиме целесообразно размещать волокнистые рулоны в каркасе фильтра не по всей длине, а на отдельных участках, что позволяет повысить эффективность фильтрования. Длину таких участков трубчатых фильтров следует принимать не более 0,3 м.

При глубинном заполнении твердыми частицами всего объема участка трубчатого фильтра длиной L объем фильтрата определяется по формуле

$$Q_{\phi} = \frac{F \cdot L \cdot P_0 (1 - P_T)}{X_0}, \text{ м}^3, \quad (3)$$

где P_0 – начальная пористость фильтровального материала;

P_T – пористость твердого осадка в фильтровальном материале;

X_0 – отношение объема осадка к объему фильтрата.

Время, затраченное на глубинное отложение твердых частиц до заполнения, можно определить по формуле

$$\tau_{\phi} = \frac{\gamma \cdot L \cdot Q_{\phi}}{2\Delta P \cdot K_{\phi}}, \text{ с}, \quad (4)$$

где γ – объемный вес фильтрата, Н/м³.

После глубинного заполнения пор твердыми частицами появляется поверхностный слой осадка, скорость фильтрования при этом значительно снижается.

Так как каждый участок трубчатого фильтра длиной L_i имеет сопротивление фильтрованию R_i , то при расчетах трубчатых фильтров следует учитывать снижение давления ΔP на каждом участке. Для момента глубинного заполнения пор во всех участках трубчатого фильтра общее сопротивление

$$R_{\phi} = \frac{8 \sum_{i=1}^n L_i}{\sum_{i=1}^n r_i^2 \cdot P_T \cdot F}, \quad \text{с/м}^3, \quad (5)$$

где r_i – средний радиус пор, м.

Чтобы обеспечить непрерывность процесса напорного фильтрования, необходимую разность давления на входе и выходе

трубчатого фильтра следует определять по формуле

$$\Delta P = \mu \cdot R_{\phi} \cdot \mathcal{G}_3, \text{ Н/м}^2, \quad (6)$$

где \mathcal{G}_3 – скорость фильтрования при заполнении пор, м³/с·м².

Учитывая высокую заполняемость первого участка трубчатого фильтра взвешенными частицами, следует использовать фильтровальный волокнистый материал разной плотности на участках. Например, на первом участке фильтровальный рулон имеет плотность 70 кг/м³, на втором – 90 кг/м³, на третьем – 110 кг/м³ и т.д. При высоких давлениях напора на каждом участке трубчатого фильтра устанавливают опорные пластины.

В трубчатых фильтрах следует установить разъемы для смены заполненных твердыми частицами фильтровальных рулонов. В этом случае фильтровальный рулон размещается в кассете, которая позволяет производить быструю смену фильтровального материала.

Результаты натурных испытаний показали правомерность приведенных аналитических зависимостей и конструктивных особенностей трубчатых фильтров [11].

Комбинированная система очистки загрязненных вод включает трубчатые и мембранные фильтры, установленные последовательно.

Опытно-промышленные испытания показали высокую задерживающую способность фильтровальных материалов из полимерных волокон, поэтому их применение в очистке оборотных и сточных вод на горных предприятиях необходимо.

Литература

1. Зубченко Г.В., Сулин Г.А. Рациональное использование водно-земельных ресурсов при разработке россыпей. М.: Недра, 1980. 238 с.
2. Кисляков В.Е. Расчет отстойников оборотного водоснабжения при разработке россыпей. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.
3. Герасимов В.М. Перспективные направления повышения экологической безопасности золотоносных россыпей: доклады науч.-практ. семинара «Добыча золота. Проблемы и перспективы» / Под ред. Ю.А. Мамаева, В.Г. Крюкова. Хабаровск: ИГД ДВО РАН, 1997. С. 41-45.
4. Шорохов С.М., Зуйков А.А., Зубченко Г.В. Предохранение рек от загрязнения при разработке россыпных месторождений. М.: Недра, 1980. 207 с.

5. Скобеев И.К. Фильтрующие материалы. М.: Недра, 1978. 200 с.

6. Нетканые текстильные полотна: справоч. пособие / Е.Н. Бершев, Г.П. Смирнов, В.В. Заметта [и др.]. М.: Легпромбытиздат, 1987. 400 с.

7. Герасимов В.М. Прогнозирование использования волокнистых материалов при очистке промышленных стоков горных производств с учетом механических свойств // Междунар. конф. «Забайкалье на пути к устойчивому развитию: экология, ресурсы, управление»: тез. докл. Чита: ЧитГТУ, 1997. Ч. 1. С. 20-22.

8. Герасимов В.М. Исследование деформирования волокнистых материалов при растяжении и сжатии // Вестник ЧитГТУ: вып. 7. Чита: ЧитГТУ, 1997. С. 116-123.

9. Герасимов В.М. Волокнистые полимерные материалы в геотехнологии: монография. Чита: ЧитГУ, 2010. 207 с.

10. Синтетические текстильные материалы в транспортном строительстве / В.Д. Казарновский [и др.] / Под ред. В.Д. Казарновского. М.: Транспорт, 1984. 159 с.

11. Рашкин А.В., Субботин Ю.В., Герасимов В.М. [и др.]. Повышение экологической безопасности разработки россыпей Забайкалья // Горный журнал. 1996. № 9-10. С. 31-35.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Герасимов В.М., д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой механики, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-72-57

V. Gerasimov, Doctor of Engineering Sciences, professor, Head of mechanics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: геотехнология, геоэкология, механика волокнистых сред

Scientific interests: geotechnology, geoecology, mechanics of fibred environments

УДК 622.132.345:625

Мязин Виктор Петрович
Victor Myazin

ГЕОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ ОБОГАТИТЕЛЬНЫХ ФАБРИК И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ КОМПЛЕКСОВ

GEOSYSTEM APPROACH TO CLASSIFICATION OF CONCENTRATING FACTORIES AND PROCESSING COMPLEXES

Проведен анализ существующих классификаций ОФ и ПК и дана оценка основных недостатков.

Вскрыты характерные факторы, определяющие эффективность классификационных признаков ОФ и ПК.

Предложена новая классификация ОФ и ПК как сложной геосистемы на основе комплекса характерных признаков

Ключевые слова: геосистема, обогатительные фабрики, перерабатывающие комплексы, классификация, охрана окружающей среды, критерийные факторы

Existing classification of enrichment plants and processing complexes were analyzed and an assessment of the major limitations was provided.

The characteristic factors that determine the effectiveness of classifications signs of enrichment plants and processing complexes were detected.

A new classification of enrichment plants and processing complexes, as complex geosystems, based on a set of characteristic features was proposed

Key words: geosystem, enrichment plants, processing complexes, classification, environmental protection, criterion factors

Обогатительные фабрики (ОФ) и перерабатывающие комплексы (ПК) относятся к числу основных объектов горнодобывающих и перерабатывающих предприятий, определяющих эффективность освоения минерально-сырьевых ресурсов страны. Поэтому их классифицирование имеет важнейшее научное и практическое значение.

До настоящего времени для классификации ОФ и ПК в большинстве своём используют частные геолого-технологические классификации (от лат. *classis* – разряд, группа, класс и *facio* – делаю [1]) по типу перерабатываемого минерального сырья и преобладающих основных технологических процессов с целью получения на выходе готовой продукции (табл. 1).

В информационных источниках также используется и более узкая классификация, основанная на учете организационных принципов выделения ОФ и ПК по назначению, расположению и размещению, к примеру, угольные и другие фабрики в составе горно-обогатительного или горно-химического комбината как одинарного, так и группового размещения [2; 3]. Для характеристики транспортно-обогатительных фабрик (ТОК) на практике широко используют классификации на основе учета особенностей рабочих органов перемещения и блочно-модульного переноса отдельных агрегатов с учетом взаимосвязи машин и оборудования в технологической системе [4].

Таблица 1

Преобладающие методы извлечения ценного компонента из минерального сырья в продуктивную фракцию

Характерная группа металлов	Основной ценный компонент минерального класса	Основные методы перевода ценного компонента в продуктивную фракцию	
		первичная стадия основных процессов обогащения	доводка черновых концентратов и переработка промпродуктов
Черные металлы	Железо, марганец, хром, титан	Магнитная сепарация сухая и мокрая, гравитация, флотация, обогащение в тяжелой суспензии	Доводка черновых концентратов и переработка промпродуктов
Цветные металлы	Медь, цинк, свинец, сурьма, олово, кобальт, ртуть, никель	Флотация, гравитация, обогащение в тяжелых суспензиях, специальные методы	Флотация, специальные методы
Благородные	Золото, серебро	Гравитация, флотация, цианирование	Цианирование, амальгамация
Легкие	Литий, бериллий, магний	Флотация сортировка, термическое обогащение, магнитная сепарация	Флотация, химическое обогащение, магнитная сепарация
Редкие и малые	Вольфрам, молибден, висмут, цирконий, тантал	Гравитация, флотация	Флотация, гидрометаллургия
Флюсы	Плавиновый шпат (флюорит), фтор, кварц, кальцит	Гравитация, флотация, обогащение в тяжелой суспензии	Флотация
Агрономическое сырьё	Апатит, P_2O_5 (фосфоритная мука), KCl (калийные соли)	Флотация, химическое обогащение, магнитная сепарация, обогащение в тяжелых средах, специальные методы	Флотация, магнитная сепарация
Горючее	Уголь	Флотация, гравитация, магнитные, электрические, специальные	Флотация

Среди других классификаций ОФ и ПК международная патентная (МПК) [5] является наиболее совершенной. Она базируется на выделении основных разделов техники (Е – горное дело, В – технологические процессы, С – химия, металлургия) на основе использования методологии системного анализа от общего к частному для отдельно входящих элементов в систему. Однако группировать ОФ и ПК по этому признаку весьма трудоёмко и сложно, так как она не ориентирована на целостное рассмотрение системы, последняя, как известно, может включать совокупность многих разделов техники. Поэтому реше-

ние такой задачи становится сложным и практически невозможным. Следует особо подчеркнуть, что ОФ и ПК, как объекты в составе сложных геосистем, тесно связаны с транспортируемыми массопотоками перемещения минерального сырья, жидкой фазы, биогенной миграцией выделяемых в технологических процессах токсичных и потенциально-токсичных химических элементов, большими объёмами накопления отходов производства [6].

Выполненный анализ классифицирования ОФ и ПК позволил заключить, что группировка их по совокупности выделения тех или иных признаков сыграла поло-

жительную роль и получила широкое признание, сохранив своё значение до наших дней.

Основные недостатки предложенных классификаций сводятся к следующему:

1) используемый частный учет определенных геолого-технологических и организационных критериев в такой сложной геосистеме, к которым относятся ОФ и ПК;

2) отсутствие характерных критериев, учитываемых жесткую взаимосвязь системы на выходе с особенностью вещественного состава обогащаемого сырья, а на выходе с количеством получаемых продуктов и образуемых хвостов;

3) отсутствие комплекса надежных критериев для целостной оценки системы;

4) невозможность объединения всевозможного разнообразия ОФ и ПК с учетом всех особенностей сложных взаимосвязанных геосистем с компонентами окружающей природной среды;

5) обязательное присутствие в геосистеме опасных элементов (гидротехнических сооружений и хвостохранилищ) указывает на особую значимость учета этого фактора с позиции экологической безопасности окружающей среды и здоровья человека;

6) несоблюдение требований к проектированию ОФ и ПК с позиции выполнения не только рабочего проекта, но и раздела «Охрана окружающей среды» (разработка природоохранных мероприятий).

Предлагается новый подход к классифицированию ОФ и ПК, основанный на использовании комплекса характерных признаков (рис. 1), учитывающий, наряду с геологическими особенностями месторождения полезных ископаемых и технологическими особенностями выделения

ценных компонентов из минерального сырья, взаимосвязи потоков вещества и энергии с загрязнением компонентов природной среды. При этом ОФ рассматривается как отдельный природный промышленный комплекс (ППК), размещенный в зоне горно-строительной площадки.

Для удобства практического пользования классификацией с учетом выделенных характерных признаков они сгруппированы в четыре блока — геологический, технологический, организационный, экологический. Обогащение и переработка металлических и неметаллических полезных ископаемых на ОФ и ПК (группа) тесно увязана с условиями образования месторождения и видами сырья (подгруппа) (табл. 2). Причем подгруппа, в свою очередь, подразделяется на отдельные разновидности сырья. Характерный пример формирования разновидности подгруппы по металлическим и неметаллическим полезным ископаемым показан в табл. 2. Полные сведения по полезным ископаемым с учетом особенности сырья представлены в [7].

В качестве определяющего признака классифицирования ОФ и ПК выделяется совокупно целостное состояние геотехнологической системы (класс), а затем следует подкласс, сформированный по назначению, размещению, расположению и исполнению ОФ и ПК. При этом все разновидности использования преобладающих основных технологических процессов для выделения ценных компонентов из обогащаемого сырья представлены в системе как определенный тип (табл. 4). Количество образуемых на ОФ и ПК отходов (хвостов) и степень их опасности для окружающей среды и безопасности жизнедеятельности человека учтены через подтип геосистемы.

Таблица 2

Содержание полезных ископаемых с учетом образования месторождений (группа) и разновидности сырья (подгруппа)

Группа	Подгруппа
Металлические и неметаллические полезные ископаемые: – континентальные; – шельфовые (прибрежно-шельфовые); – морские	Вид сырья *: – рудное; – металлургическое и теплоизоляционное; – химическое;

Окончание табл. 2

Группа	Подгруппа
	– агрохимическое; – техническое; – драгоценные камни; – пьезооптическое; – поделочные и цветные камни; – строительные материалы; – горные породы

* – использована классификация по Н. Ермолаеву с дополнениями В. Смирнова

Причем подгруппа в свою очередь подразделяется на разновидности сырья, табл. 3.

Таблица 3

Пример формирования разновидности сырья в подгруппе с учетом особенностей получаемой продукции

Сырьё	Полезные ископаемые
Рудное	Черные металлы (Fe, Ti, Cr, Mn); Легкие металлы (Al, Li, Be, Mg); Цветные металлы (Cu, Zn, Pb, Sb, Ni); Редкие и малые металлы (W, Mo, Sn, Co, Hg, Bi, Zr, Cr, Nb, Ta); Благородные металлы (Au, Ag, Pt, Os, Ir); Радиоактивные металлы (U, Ra, Th); Рассеянные элементы (Sc, Ga, Ge, Rb, Cd, In, Hf, Re, Te, Ac); Редкоземельные элементы (La, Ce, Pr, Nb, Pm, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu)
Агрохимическое	Апатиты, фосфориты, калийные соли, селиты, бораты, датолит, глауконит

В качестве основного приема технического совершенства используемых материальных (минерально-сырьевых) ресурсов использованы подходы, развиваемые на системном анализе в ранее выполненных фундаментальных работах.

С учетом изложенного (табл. 4) все виды отходов ОФ и ПК разделены на три отдельные группы: многоотходные, малоотходные и безотходные. Расшифровка каждой группы, используемой автором, приведена далее.

Многоотходные (экологически грязные) группы – базируются на использовании традиционных технологических процессов и устройств для их осуществления, которые не обеспечивают комплексности использования сырья и требований минимизации образования отходов производства.

Малоотходные группы – предусматривают рациональное использование полезных ископаемых и разработку природоохранных мероприятий по защите окружающей среды от загрязнения, направленных на реализацию ресурсной кон-

цепции – максимально возможного выделения ценных компонентов из сырья при минимальном ущербе окружающей среды образуемыми отходами. Предложенная концепция должна базироваться на разработке природоохранных циклов, направленных на минимальное количественное образование твердых и жидких отходов. Разработку мероприятий для многократного использования технологической воды в обороте, резкого снижения выбросов в атмосферу.

Безотходные группы – реализуют концепцию создания экологически чистого производства с учетом требований эффективного ресурсосбережения. Направлены на разработку систем повышения качества продукции (петля качества) и охраны окружающей среды в соответствии с требованиями международных стандартов серии 9000. Основное направление – максимальное извлечение ценного компонента из обогащаемого сырья на фабриках при минимально возможном ущербе окружающей среде.

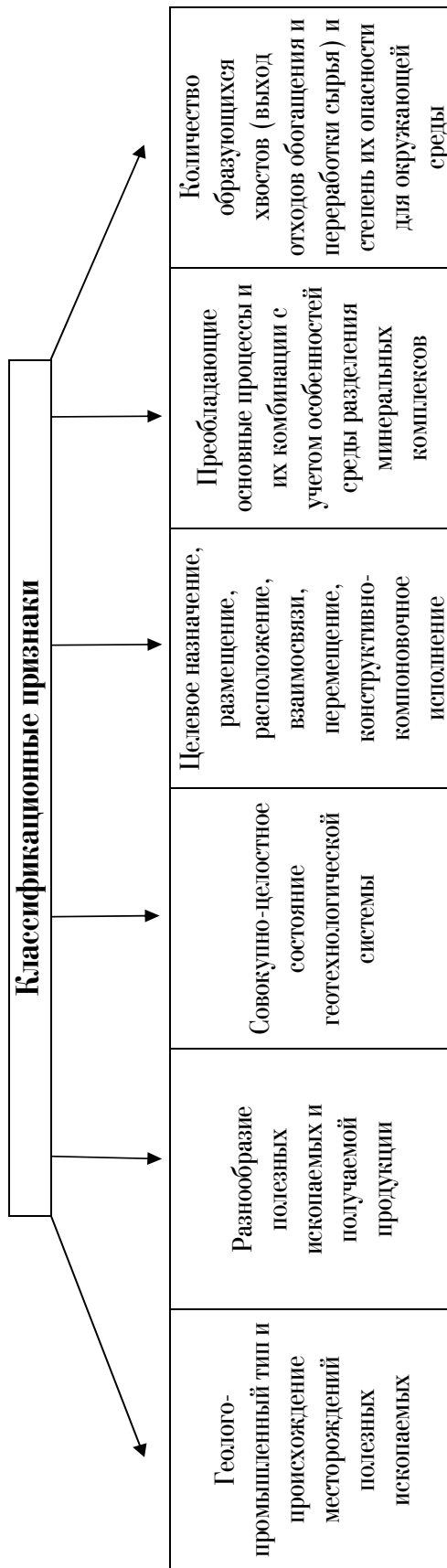

Схема основных признаков, заложённых для классификации ОФ и перерабатывающих комплексов как объектов сложной геотехнологической системы

Таблица 4

Системная классификация ОФ и ПК

Группа	Подгруппа	Класс	Подкласс	Тип	Подтип
Континентальные шельфовые (прибрежно-шельфовые), морские	Металлические и неметаллические ПИ. Горючие ископаемые Металлические ПИ: — черных металлов (железа, марганца, хрома); — цветных металлов (меди, свинца, цинка, никеля, алюминия, магния); — редких металлов: (молибдена, вольфрама, олова, висмута, ванадия, кобальта, ниобия, тантала, циркония и др.); — благородных металлов (золота, серебра, платины); — радиоактивных металлов (урана, радия, тория и др.) Неметаллические ПИ: — неметаллические элементы и соединения, строительные, керамические, абразивные и другие материалы Горючие ископаемые: (используемые в качестве топлива или химического сырья)	Стационарные, нестационарные	Однородные, групповые, центральные, агломерационные, окомковательные, агломерационные, в составе ГОКов, ГМК, ГХ, транспортно-обогатительные комплексы: — переносные, — передвижные, — плавучий горно-обогатительный комплекс (драга) для разработки материковых россыпей, морские драги для разработки россыпей залегающих в прибрежной или глубоководной зоне акваторий морей и крупных озер	Технологическая, классификация, используемая для получения товарной продукции Например, гравитационные, флотационные, гравитационно-флотационные, магнитно-гравитационные, промывочные, дробильно-измельчительные, комбинированные и др., сухого и мокрого обогащения	По количеству образующихся отходов: многоотходные, малоотходные, безотходные II, III, IV, V классов опасности для окружающей среды

Таблица 5

Критерии и классы опасности отходов ОФ для окружающей природной среды

Степень вредного воздействия на компоненты ОПС	Критерии отнесения отходов к классу опасности для ОПС	Класс опасности отходов для ОПС
Высокая	Экологическая система сильно нарушена. Период восстановления не менее 30 лет после полного устранения источника вредного воздействия	II класс – высокоопасные
Средняя	Экологическая система нарушена. Период восстановления – не менее 10 лет после снижения воздействия от существующего источника	III класс – умеренно-опасные
Низкая	Экологическая система нарушена. Период восстановления – не менее трех лет	IV класс – малоопасные
Очень низкая	Экологическая система не нарушена	V класс – практически не опасные

Класс опасности отходов ОФ и ПК, как интегральный критерий оценки опасности размещаемых объектов, определяет-

ся расчетным и аналитическим путём.

Частые примеры классифицирования ОФ и ПК [9; 10] приведены в табл. 6.

Таблица 6

Частные примеры практического использования предложенной классификации для ОФ и ПК

Особенности минеральных ресурсов полезных ископаемых	Классификация ОФ и ПК, отражающая их группировку в соответствии с характерными признаками
Металлические	Стационарные магнитные фабрики для обогащения сильно- и слабомагнитных руд IV-V классов опасности для окружающей среды. Стационарные гравитационно-флотационные фабрики (различной комбинации) для обогащения свинцово-цинковых руд. Стационарные флотационно-гидрометаллургические фабрики для обогащения медистых песчаников III класса опасности для окружающей среды
Неметаллические	Нестационарный дробильно-измельчительный комплекс для получения строительных материалов IV класса опасности для окружающей среды. Плавающий гравитационный комплекс для обогащения горных пород IV класса опасности для окружающей среды. Нестационарный транспортно-обогащительный комплекс по промывке металлоносных песков IV класса опасности для окружающей среды. Нестационарные фабрики флотационного обогащения неметаллических полезных ископаемых (фосфоритовых, апатитовых и др.) IV класса опасности для окружающей среды

Таким образом, выполненный системный анализ по классифицированию ОФ позволяет заключить, что на сегодняшний день не разработан комплексный критерий, позволяющий учитывать в ППК как технологические, так и экологические особенности эксплуатируемых объектов переработки и обогащения минерального сырья. Предложен новый подход к классифицированию фабрик, отражающий их группировку в соответствии с признаками с позиции требований экологической безопасности

по степени их опасности для окружающей среды. Разработан алгоритм практического использования предложенного нового геосистемного подхода к классифицированию фабрик, позволяющий научно-обоснованно давать оценку объектам на предпроектных, проектных производственных стадиях работ. Выделять среди них по интенсивности загрязнения окружающей природной среды опасные, умеренно-опасные, малоопасные и практически неопасные объекты горно-обогащительного производства.

Литература

1. Горная энциклопедия // Гл. ред. Е.А. Козловский. Ред. кол.: М.Ш. Агошков, Л.К. Антоненко, К.К. Арбиев и др. М.: Сов. энциклопедия. Т. 3. 1991.
2. Справочник по обогащению руд: в 3-х тт. Т. 3 // Гл. ред. О.С. Богданов «Обогатительные фабрики». Отв. ред. Ю.Ф. Ненарокомов. М.: Недра, 1974. 408 с.
3. Абрамов А.А. Собрание сочинений: Т.1: Обоганительные процессы и аппараты: учебник для вузов. М.: Издательство Московского горного университета «Горная книга», 2010. 470 с.
4. Мязин В.П., Черкасов В.Г. Обратное водоснабжение транспортно-обоганительных комплексов: учеб. пособие. Чита: ЧитГУ, 2006. 280 с.
5. Лизункин В.М., Мязин В.П., Романова Н.П. Методология научного творчества: практич. пособие для магистрантов и аспирантов. – Чита: ЧитГУ, 2001. – 215 с.
6. Павленко Ю.В., Мязин В.П., Сергеенко Е.Н. О проблемах экологической безопасности при переработке руд цветных, редких и благородных металлов // Горный журнал. 2010. № 5. С. 57-59.
7. Ласкорин Б.Н., Барский Л.А., Персиц В.З. Безотходная технология переработки минерального сырья. Системный анализ. М.: Недра, 1984. 334 с.
8. Мязин В.П., Мязина В.И., Насоловец Н.Б. Проектирование горно-обоганительного производства (охрана окружающей среды): учеб. пособие. Чита: ЧитГУ, 2004. 198 с.
9. Мязин В.П. Системный анализ уровня развития техники и технологии золотодобычи в Забайкалье. Технические и экологические проблемы // Вестник Забайкальского центра РАЕН. 2008. № 1. С. 87-93.
10. Мязин В.П. Проблемы промышленной и экологической безопасности и рационального использования минеральных ресурсов // Вестник МАНЭБ. 2000. № 10. С. 83-90.

Коротко об авторе

Мязин В.П., д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой обогащения полезных ископаемых и вторичного сырья, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
maysinvpchita@mail.ru

Научные интересы: техника и технология обогащения полезных ископаемых. Экология горного производства, поиск новых способов обогащения упорных руд, кучное выщелачивание

Briefly about the author

V. Myazin, Doctor of Technical Sciences, professor, head of minerals' enrichment and recyclable materials department, Zabaikalsky State University

Scientific interests: technique and technology of minerals' enrichment, ecology of mining, research of new ways of rocks' enrichment, dense leaching-out

Педагогические науки

УДК 37.016:502/504

Горлачев Валерий Павлович
Valery GorlachevЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯECOLOGICAL EDUCATION IN THE CONTEXT
OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Рассматриваются причины кризиса современного образования и необходимость экологизации учебных предметов. Приводятся факты, негативно влияющие на качество экологического образования

Ключевые слова: кризис современного образования, экологизация учебных предметов, экологическое образование, устойчивое развитие

The reasons of crisis of modern education and need of an ekologization of subjects are considered. The facts which are negatively influencing quality of ecological education are given

Key words: crisis of modern education, ekologization of subjects, ecological education, sustainable development

Признание реальности глобального экологического кризиса и быстрых темпов его развития резко ограничивает выбор стратегии дальнейшего развития. Главный вопрос заключается в том, хватит ли времени человеку в полной мере осознать новую экологическую парадигму и реализовать экологический императив.

Образованию отводится авангардная роль в формировании современного миропонимания. Поэтому экологическое образование, наряду с экономическим, информационным, гуманитарным, должно быть фундаментальной основой всей системы образования.

Долгое время все мы считали, что отечественное образование как советское, так и российское, занимало передовые позиции в мире. Однако в конце прошедшего — начале нынешнего столетия передовые позиции отечественного образования стали стремительно сдаваться. Достаточно определенно по этому вопросу выразился президент России Дмитрий Медведев в своем послании Федеральному Собранию Россий-

ской Федерации в начале 2008 г. «Сегодня, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, положение дел в образовании оставляет желать лучшего. Надо прямо сказать: с передовых позиций мы уже откатились. И это становится самой серьезной угрозой нашей конкурентоспособности». А в век глобального взаимодействия всех экономик мира потерю конкурентоспособности можно рассматривать как наиболее серьезную угрозу потери национальной безопасности. Такова цена современного образования.

При этом необходимо иметь в виду, что объективно роль образования растет вместе с возрастанием сложности социальных связей, увеличением информации и стремительной информатизацией общества, появлением совершенно новых технологических решений — нанотехнологий, обострением экономических, социальных и политических проблем. Переход от индустриального общества к постиндустриальному привел к возрастанию научного знания в социуме, к усилению значимости «человеческого капитала». Микроэлектронная революция на

наших глазах создает единое мировое интеллектуальное пространство, в котором каждый индивидуум имеет возможность почти мгновенно получать необходимую для него информацию. Электронная революция оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Существенные преобразования происходят во всем строе культуры и современной цивилизации, технологические новшества оказывают влияние на социальную структуру общества. По существу, мы становимся свидетелями и участниками рождения нового цивилизационного уклада, в котором принципиально иной будет сфера интересов, сфера труда, управления, культуры.

В этих условиях все более очевидным становится несоответствие современного образования задачам сегодняшнего и завтрашнего дня, — несоответствие, принимающее характер затяжного кризиса всей системы образования.

Многие, как у нас в России, так и за рубежом, считают, что в основе этого кризиса лежит нехватка материальных ресурсов, материальная необеспеченность всей системы образования. Безусловно, финансовая обеспеченность является важным условием функционирования системы образования, однако не финансовые и не материальные факторы являются главными причинами кризиса образования.

Анализируя состояние образования еще на рубеже веков, Б.С. Гершунский писал: «Общемировой кризис образования, о котором так много говорили и писали в последние годы и который в тех или иных формах проявляет себя во всех странах мира, связан отнюдь не только с недостаточной эффективностью образования, с точки зрения его прагматически понимаемой экономической отдачи, низким качеством знаний, умений и навыков учащихся на разных ступенях образования, и даже не только с действительно недопустимыми упущениями в нравственном воспитании и умственном развитии детей и молодежи. Эти проблемы, в конце концов, могут быть решены в рамках самой системы образования, с помощью собственно педагогических

средств и опорой на заинтересованную в развитии образования социальную среду.

Подлинная сущность мирового образовательного кризиса состоит в беспомощности и неэффективности современного образования перед лицом глобальных проблем цивилизационного масштаба» [2; С. 38].

Индустриальная эпоха развития человеческой цивилизации во многом истощала себя именно в плане создания более достойных, комфортных условий жизни человека, ограничив его существование мощным воздействием техники и технологии, предав забвению духовные запросы человека, его социальный прогресс.

Индустриальная эпоха подчинила культурное развитие человека и человечества прагматическим потребностям экономики, оторвала личность от природы, общества, от самой себя.

Несоответствие образования общественному прогрессу привело к принижению его роли государством, что нашло отражение в остаточном принципе финансирования многих образовательных систем со стороны государств и к увеличению доли коммерческого образования.

Весьма определенно по этому поводу высказался А. Тоффлер. «То, что изучается в нашей образовательной системе сегодня даже в лучших школах и колледжах, является безнадежным анахронизмом. Родители смотрят на образование как на способ подготовить своих детей к жизни в будущем. Учителя предупреждают, что недостаток образования уменьшает шансы ребенка в мире будущего. Министерства, церковь и средства массовой информации — все уговаривают молодых людей остаться в школе, так как сейчас как никогда раньше все наше будущее зависит от полученного нами образования. И все-таки, несмотря на всю эту риторику по поводу будущего, наши школы поворачиваются назад, к исчезающей системе, а не движутся вперед к возникающему новому обществу. Их значительная энергия направлена на подготовку индустриальных людей, экипированных для выживания в системе, которая перестанет существовать раньше, чем они. Чтобы

помочь избежать футурошока, мы должны создать супериндустриальную систему образования. И чтобы сделать это, мы должны искать цели и методы в будущем, а не в прошлом» [3; С. 325].

Как видно из этих высказываний, подлинная сущность системного кризиса образования заключается в беспомощности и неэффективности образования перед лицом нарастающих глобальных проблем, в отсутствии не только готовых решений, но и возможного преодоления проблем в ближайшем обозримом будущем. Поэтому формирование эффективной современной системы образования является одной из важнейших проблем мирового общественного развития.

По этому вопросу многие отечественные и зарубежные авторы [5; 1; 6; 2] обращают особое внимание на усиление фундаментальности образования, укрепление математического и естественнонаучного образования как основу повышения его качества и эффективности. Соглашаясь с позицией этих авторов, необходимо подчеркнуть, что современные знания, новые образовательные и производственные технологии должны не только соответствовать уровню развития современного общества, но и потребностям самой личности и потребностям сохранения биосферы как среды обитания человека. Именно поэтому глобальная экологизация общественного сознания наряду с укреплением математического, естественнонаучного и гуманитарного образования должна стать краеугольной основой современного образования. Без всесторонней, поистине глобальной экологизации общественного сознания вопрос о совершенствовании образования теряет смысл, потому что дальнейшее развитие цивилизации за счет разрушения биосферы неминуемо и быстро приведет к исчезновению на земле человека как биологического вида.

Новая экологическая парадигма уже созрела, она привлекает к себе все больше сторонников. Но для массового овладения людьми идее экологического мировоззрения необходима стройная система

экологического образования, которая пока окончательно не оформилась ни в России, ни во многих других развитых странах. Формирование такой системы идет крайне медленно. Это связано с тем, что мир долгое время не задумывался над тем, что природа не может выдержать того воздействия, которое достигнуто на современном этапе цивилизации. Если человечество в целом и дальше будет так относиться к природе, то это приведет к значительному углублению кризиса, увеличится качество и характер экологических проблем, их глубина и характер последствий будут неуклонно возрастать, потому что компенсаторные возможности человека по мере нарастания экологического кризиса будут неуклонно разрушаться.

Поскольку экологическая проблематика, являясь ядром глобальных проблем, начинает играть решающую роль в формировании самосознания общества и человека, то фактически она начинает формировать основные цели будущего.

Обосновывая экологическую парадигму как фундаментальную основу образования на рубеже цивилизации, необходимо подчеркнуть, что она направлена не только на сохранение природы и человека, но и на понимание сущности жизни, ее смысла.

В рамках экологической парадигмы общая позиция по значению экологического образования, экологической культуры в деле формирования нового цивилизационного уклада определена достаточно четко. Суть этой позиции заключается в том, что эпоха естественно-исторического стихийного развития цивилизации, основанная на безоглядном потреблении природных ресурсов, закончилась, и появилась экстренная необходимость «вписать» общество в природу, в биосферу с целью обеспечения его устойчивого развития в ближайшей и отдаленной перспективе. Для этого необходимо, чтобы экологическое образование охватило все возрастные группы людей независимо от специальности, характера работы или учебы, независимо от места их проживания. Эти принципы постепенно начинают находить понимание и подде-

ржку во всех развитых и развивающихся странах, хотя темпы реализации этих принципов заставляют желать лучшего.

Благодаря работам как отечественных, так и зарубежных ученых, таких, как Н.М. Мамедов, В.И. Данилов-Данильян, А.Д. Уреул, И.П. Смирнов, С.Н. Глазачев, Г.А. Ягодин и многих других, разработаны концептуальные основы содержания экологического образования; в их основу положено представление о так называемом «устойчивом развитии», переход к которому может обеспечить решение глобальных проблем, в том числе и проблем образования, наиболее гуманным и системным образом.

Термин «устойчивое развитие», появившийся в конце 80-х гг., получил международное признание после Всемирного саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Устойчивое развитие понимается как развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Фактически конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и принятая «Повестка дня на XXI век» представляют попытку принятия и реализации Всемирным сообществом стран принципов устойчивого развития. Однако, как показал Йоханнесбургский саммит, состоявшийся в 2002 г., многие ранее принятые мировым сообществом решения по оздоровлению природной среды и предотвращению экологического кризиса носят декларативный характер: какого-либо улучшения окружающей среды не произошло, характер экологических проблем обостряется и угроза глобального экологического кризиса возрастает.

В.И. Данилов-Данильян подчеркивал, что обе глобальные конференции – в Стокгольме и в Рио-де-Жанейро – потерпели неудачу, если не сказать – провал. Факты свидетельствуют о том, что ни одна из целей, поставленных на конференции, не была достигнута. Более того, стремительно ухудшается разрыв между богатыми и бедными странами и людьми. Оказалось, что человечество в настоящее время и в бли-

жайшем будущем не готово отказаться от наращивания материальных благ, не видно альтернативных путей социально-экономического развития, кроме преобладания тенденции к наращиванию и увеличению все более разнообразного набора материальных благ, независимо от национальных особенностей и территориального расположения. Происходит глобализация образа жизни и стереотипа поведения.

Можно констатировать, что как конференция в Стокгольме и в Рио-де-Жанейро, так и саммит в Йоханнесбурге, декларируя необходимость преодоления глобального экологического кризиса, не предложили новых путей развития общества, а пытались решить экологические проблемы в рамках парадигмы индустриального общества на базе реализации ресурсной концепции развития мировой системы.

Однако сама концепция устойчивого развития не только не была отвергнута, но нашла свое развитие во многих работах, и принимается многими аналитиками, по существу, как главная и безальтернативная новая цивилизационная парадигма развития.

Изменилось понимание самой концепции устойчивого развития и оценка роли образования в реализации этой концепции. Устойчивое развитие понимается как развитие общества, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества [4].

Во многих основополагающих документах – Всемирном форуме по вопросам образования, саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г., в решении 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по десятилетию 2005–2014 гг., декады образования в интересах устойчивого развития – образование объявляется ключевым фактором перемен, при этом экологическое образование объявляется основным средством гармонизации человека и природы.

Россия, как и другие государства, включилась в реализацию концепции ус-

тойчивого развития. В концепции модернизации российского образования на период до 2010 г., в Экологической доктрине и других основополагающих документах формирование целостного мировоззрения и формирование экологической культуры закреплены в качестве приоритетов национальной образовательной системы, интенсивно разрабатываются методологические основы теории и практики отечественного экологического образования и многое другое. Тем не менее, признать состояние экологического образования в России на данный момент удовлетворительным нельзя. Из всего разнообразия фактов, негативно сказывающихся на качестве экологического образования, наиболее существенным, на наш взгляд, являются следующие:

- отсутствие целенаправленной и последовательной государственной и региональной политики по экологическому образованию и воспитанию населения;

- отсутствие государственных и региональных образовательных стандартов экологического образования на всех уровнях и направлениях экологического образования, начиная с дошкольного экологического образования и образования в семье и заканчивая поствузовским образованием, в том числе в сфере профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников предприятий, учреждений и органов управления;

- отсутствие государственного заказчика на экологическое образование;

- отсутствие системы управления, координации и финансирования организации экологического образования на федеральном, региональном и местном уровнях;

- слабое научно-методическое обеспечение экологического образования, теоретических и методических основ его организации;

- необходимость координации и управления системой экологического образования, создания дидактических комплексов, соответствующих методик;

- экстенсивные подходы к образованию, преимущественно репродуктивный характер экологического образования, стремление к существенному увеличению объемов учебных курсов при перегрузке современных учебных планов практически по всем специальностям и направлениям подготовки специалистов;

- слабая связь экологического образования с практикой;

- совершенно слабое внедрение современных образовательных технологий, неразработанность методов организации личностно-ориентированного экологического образования, внедрение развивающего обучения;

- отсутствие системы качества экологического образования, включающей прогнозирование целей и результатов, технологическое сопровождение, квалиметрию не только знаний и умений, но и личностных, духовных и гражданских качеств;

- неудовлетворительная подготовка педагогических и научных кадров системы экологического образования;

- слабая (а нередко и негативная) роль средств массовой информации в экологической информированности, образовании и воспитании населения;

- недостаточные адаптация и использование международного опыта в области экологического образования.

Решение этих и других проблем будет способствовать активизации и коренному улучшению непрерывного экологического образования, без которого устойчивое развитие невозможно.

Литература

1. Аносов Д.В. Реформа школы: за и против // Образование, которое мы можем потерять. М.: МГУ, Ин-т компьютерных исследований, 2002. С. 25-38.
2. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М.: Футуршок; СПб: Лань, 1997. 464 с.

3. Тоффлер А. Футуршок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
4. Данилов-Данильян В.И. Переход к устойчивому развитию как научная проблема // Наука и образование в интересах устойчивого развития. М.: МГАДА, 2006. С. 20-24.
5. Садовничий В.А. Пока не поздно – уже опаздываем // Образование, которое мы можем потерять. М.: МГУ, Ин-т компьютерных исследований, 2002. С. 93-104.
6. Филиппов В.М. На первом месте – качество образования // Реформа образования. 2002. № 7 (18).

Коротко об авторе

Briefly about the author

Горлачев В.П., д-р пед. наук, профессор, кафедра экологии и экологического образования, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
rector@zabspu.ru

V. Gorlachev, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Ecology and ecological education department, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: экологическое образование

Scientific interests: ecological education

УДК 378

Дугарова Дулма Цырендашиевна
Dulma Dugarova

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ОЦЕНКИ ГАРАНТИИ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

INNOVATIVE INFRASTRUCTURE OF THE EXTERNAL AND INTERNAL ASSESSMENT OF HIGHER EDUCATION QUALITY ASSURANCE

Дается аналитический обзор инновационных инфраструктур, обеспечивающих единый подход для внешней и внутренней оценки гарантии качества высшего образования на нескольких уровнях: государственном, общественном профессиональном с участием профессиональных сообществ (в том числе международных), институциональном на уровне системы менеджмента качества вуза, уровня образовательных программ и отдельных учебных дисциплин

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, качество высшего образования, образование, система менеджмента качества вуза, образовательные программы

Analytical observation of innovative infrastructure is presented. It creates a common approach for exterior and inner appreciation of higher education quality assurance on different levels: state, professional including professional societies (also international), institutional on the level of institute's quality management, on the level of educational programs and particular disciplines

Key words: innovative infrastructure, quality of higher education, education, system of institute's quality management, educational programs

Инновационные инфраструктуры создаются с учётом перспектив и основных направлений социально-экономического развития на долгосрочный период для реализации приоритетных направлений государственной политики в сфере повышения качества высшего образования, интеграции системы образования отдельных стран в международное образовательное пространство, более полного удовлетворения образовательных потребностей граждан.

Инновационную инфраструктуру составляют системы институциональных взаимоотношений обобщённых групп субъектов деятельности в сфере образования, провайдеров образовательных услуг (образовательные учреждения), потребителей услуг (работодатели, обучающиеся и члены

их семей) и заказчиков (работодатели, общественные организации, органы исполнительной власти).

Институциональный подход к исследованию взаимоотношений субъектов деятельности в сфере образования означает рассмотрение в качестве предмета исследования прежде всего тех норм, которые определяют устойчивые взаимодействия, задают правила, рамки и структуру побудительных мотивов деятельности взаимодействующих элементов, представленных субъектами деятельности — агентами институциональных изменений.

Таким образом, система взаимоотношений субъектов деятельности в сфере образования представляет собой комплекс институциональных отношений триады субъектов деятельности: заказчиков, про-

вайдеров и потребителей — агентов институциональных изменений, взаимодействующих между собой в рамках устойчивых формальных и неформальных социальных отношений, определяющих правила, рамки и структуру деятельности [1]. Соответственно оценка качества образования, являясь одним из видов деятельности в сфере образования, упрощённо представляется в трёх основных проекциях со стороны субъектов образовательной деятельности — провайдера, потребителя и заказчика. При этом речь идёт об отношениях заинтересованных субъектов деятельности к качеству образования как к «предмету», «продукту» или «объекту» в рамках сложившихся норм устойчивых формальных и неформальных социальных отношений.

В соответствии с определением, приведённым в Словаре иностранных слов, институт:

1) в социологии — определенная организация общественной деятельности и социальных отношений, воплощающая в себе нормы экономической, политической, правовой, нравственной и т.п. жизни общества, а также социальные правила жизнедеятельности и поведения людей;

2) в праве — совокупность норм права, регулирующих какие-либо однородные обособленные общественные отношения.

Под нормами права понимаются правила поведения людей в обществе, выраженные в законе или ином акте государственной власти, юридические правила.

В рамках категориального аппарата в области качества высшего образования, разработанного специалистами Исследовательского центра проблем качества профессионального образования [2], различается понятие «качество высшего образования» в широком и узком смыслах. В широком смысле понятие «качество высшего образования» трактуется:

— как сбалансированное соответствие высшего образования (как результата, как процесса, как образовательной системы) многообразным потребностям, целям, требованиям, нормам (стандартам), условиям;

— как системная совокупность иерархически организованных, социально значимых сущностных свойств (характеристик, параметров) высшего образования (как результата, как процесса, как образовательной системы).

В узком смысле понятие «качество высшего образования» есть качество подготовки специалистов с высшим образованием», оно рассматривается:

— как сбалансированное соответствие подготовки специалистов с высшим образованием (как результата и как процесса) многообразным потребностям (государства, общества, личности), целям, требованиям, нормам, стандартам;

— как системная совокупность иерархически организованных, социально значимых сущностных свойств (характеристик, параметров) подготовки специалистов с высшим образованием (как результата и как процесса).

Обеспечение гарантий качества образования играет ключевую роль в определении точек взаимодействия между образовательными системами разных стран, во взаимопонимании образовательных учреждений и рынка труда, в регулировании отношений образования с государством и обществом. Это комплексная многоаспектная проблема, в решении которой участвуют многочисленные государственные и общественные российские и международные организации, образовательные учреждения, специалисты. Всё возрастающая важность данной проблемы обусловлена повышением открытости процессов и результатов образования, что является следствием демократизации общества и повышения активности различных заинтересованных сторон [3].

Независимо от того, являются ли образовательные учреждения государственными или частными, они должны быть уверены, что могут продемонстрировать доказательства своей состоятельности предоставлять образовательные услуги требуемого качества. Качество в данном случае означает, что обучающиеся гарантированно приобретают компетенции, необходимые им для само-

определения, трудоустройства, карьеры и развития, для гармоничной и комфортной жизни, и это отвечает ожиданиям общества и государства.

Традиционно оценкой качества в большинстве стран занимались национальные органы управления образованием. Целью оценки являлось определение степени выполнения задач государственной политики в области образования и правильности расходования выделяемых на это средств. В последнее время ситуация изменилась в связи с глобализацией международных отношений, в особенности экономических, в связи с развитием демократических институтов, отстаивающих интересы личности и различных общественных групп, создающих инновационную инфраструктуру оценки качества высшего образования.

Европейские министры образования ещё на встрече в Праге в 2005 г. признали важную роль систем контроля качества в обеспечении высоких стандартов качества и совместимости квалификаций на всём европейском пространстве. Ими одобрены любые действия по распространению лучших методов оценки и аккредитации/сертификации, а также разработка сценариев взаимного признания и механизмов оценивания и аккредитации. Особую роль призваны сыграть Европейская сеть по контролю качества в высшем образовании – European Network of Quality Assurance in Higher Education – ENQA и международная сеть аккредитационных агентств [4].

Европейская ассоциация гарантии качества в высшем образовании (The European Association for Quality Assurance in Higher Education – ENQA) учреждена на основании Рекомендации Европейского совета от 24 сентября 1998 г. В марте 2000 г. Генеральная ассамблея сети приняла нормативные акты и план действий. С этого момента сеть ENQA стала основной организацией, координирующей работу по обеспечению качества высшего образования в рамках Болонского процесса.

Членство в ENQA открыло для агентств гарантии качества из стран, подписавших Болонскую декларацию. К настоящему

времени членами ENQA являются 41 агентство и организации из 21 страны (Болонская декларация подписана 46 странами). ENQA имеет два типа членства: полноправное и членство в статусе кандидата. Полноправными членами ENQA являются 35 агентств, статус кандидата имеют 6 организаций.

Сбор и распространение информации о текущем состоянии и новых разработках по теории и практике в области оценки, улучшения и поддержки качества в системе высшего образования осуществляет Международная сеть агентств гарантии качества в высшем образовании – INQAAHE. Она была образована в 1991 г. Сеть INQAAHE является старейшей и наиболее признаваемой организацией, занимающейся вопросами оценки качества высшего образования в мире. Сеть объединяет аккредитационные агентства, а также другие организации, заинтересованные в высоком качестве деятельности учреждений послешкольного образования или образовательных программ.

В состав INQAAHE входят 166 организаций из 69 стран мира. Членство в сети может быть трёх видов: полноправное, ассоциированное или аффилиативное. Полноправными членами являются организации, ответственные за оценку качества вузов и/или программ (агентства гарантии качества, университеты, аккредитующие другие образовательные учреждения, органы, занимающиеся признанием деятельности аккредитационных агентств). Ассоциированные члены – органы, заинтересованные в результатах оценки качества, но не задействованные в процедуре оценки высшего образования (например, вузы). Аффилиативные члены – это физические лица, интересующиеся проблемой гарантии качества. Все члены сети могут быть избраны в состав органов управления и участвовать в работе Генеральной ассамблеи, но только полноправные члены имеют право голоса при принятии решений.

В настоящее время в составе INQAAHE 119 полноправных, 39 ассоциативных и 8 аффилированных членов. На сайте сети

опубликован полный перечень членов INQAANE с указанием названий организации, web-сайтов и другой контактной информации.

Евразийская сеть обеспечения качества образования является сетью организаций (органов), осуществляющих внешнюю оценку качества образования на национальном или региональном уровне в странах СНГ и Балтии.

Решение о создании Евразийской сети обеспечения качества образования – ЕСОКО принято в г. Алматы (Казахстан) в октябре 2004 г. Английский вариант названия сети – the Eurasian Quality Assurance Network – EAQAN.

Членство в сети ЕСОКО открыто для организаций, осуществляющих внешнюю оценку качества образования на национальном/региональном уровне.

В состав сети входят: Департамент контроля качества образования Министерства образования Республики Беларусь, Национальный аккредитационный центр Республики Казахстан (НАЦ РК), Госинспекция по лицензированию и аттестации учреждений образования при Министерстве образования Кыргызской Республики, Центр оценки качества высшего образования (Латвия), Управление аккредитации высших учебных заведений Республики Молдова, Национальное аккредитационное агентство в сфере образования (Россия), Эстонский центр аккредитации высшего образования.

Азиатско-Тихоокеанская сеть гарантии качества (The Asia-Pacific Quality Network – APQN) создана при содействии международной сети агентств гарантии качества в высшем образовании (INQAANE) и при финансовой поддержке Всемирного банка при получении гранта на развитие возможностей (a development grant facility – DGF).

Сеть APQN создана в Гонконге в январе 2003 г. Организация имеет устав, является независимым юридическим лицом, зарегистрированным в Австралии, и функционирует как региональная сеть INQAANE.

Согласно Критериям о членстве, агентствам, входящим в состав сети APQN, может быть присвоено четыре типа членства: полноправное, кандидат в полноправные члены, ассоциированное и членство в качестве наблюдателя. В состав сети APQN входят 35 организаций из 23 стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В настоящее время в сети APQN шестнадцать полноправных членов из Австралии, Гонконга, Индии, Индонезии, Новой Зеландии, Камбоджи, Китая, России, Таиланда, Филиппин и Японии. Семь агентств имеют статус кандидата в полноправные члены (Вьетнам, Гонконг, Мальдивы, Монголия, Пакистан, Самоа, Шри-Ланка). Шесть ассоциативных членов (Бангладеш, Вьетнам, Иран, Камбоджа, Лаос, Таиланд). Две организации являются наблюдателями (Австралия, Великобритания).

Международные ассоциации гарантии качества образования представляют собой инновационные инфраструктуры оценки качества образования, объединяют профессиональные сообщества, которые обеспечивают независимую экспертизу и рецензию деятельности вузов, образовательных программ и учебно-методических работ.

Примерами профессиональных сообществ обеспечения качества образования в России могут быть учебно-методические объединения по направлениям и специальностям, Высшая аттестационная комиссия по присуждению учёных степеней и званий, Аккредитационная коллегия, регистр экспертов, Ассоциация независимой экспертизы высшей школы Санкт-Петербурга, Ассоциация инженерного образования, Агентство по общественному контролю качества образования и развитию карьеры АККОРК (Москва).

Агентство АККОРК создано в феврале 2005 г. как некоммерческая организация. Деятельность Агентства базируется на принципах социального партнёрства с вузами, органами управления образованием федерального и регионального уровней, ассоциациями работодателей, а также потребителями образовательных услуг. Работа

Агентства направлена на совершенствование механизмов системы общественно-профессиональной аккредитации в России, обеспечение системности процесса получения и оценки объективных данных образовательной деятельности вузов. Агентство:

- анализирует и оценивает качество образовательных услуг, предоставляемых вузами;

- оказывает вузам помощь и содействие в повышении эффективности, конкурентоспособности и устойчивости в различных направлениях их образовательной деятельности;

- принимает ответственность по заверению общественности, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки и органов управления образованием на местах в качестве образования в отдельно взятом вузе.

Инновационные инфраструктуры по оценке высшего образования в России в разной степени участвуют в официальной структуре гарантий качества образования. Высшая аттестационная комиссия по присуждению учёных степеней и званий в России создаётся при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки. Рецензия учебно-методических объединений по направлениям и специальностям подготовки специалистов обязательна для получения лицензии и аккредитации образовательной программы.

Аккредитационная коллегия и регистр экспертов – общественно-профессиональные структуры при государственных структурах управления. Однако с другими организациями партнёрские отношения вузов чаще всего строятся на добровольной инициативной основе. Такая структура взаимоотношений позволяет обеспечить широкое участие заинтересованных сторон в обеспечении гарантий качества образования и одновременно сохранить ведущую роль государства.

Поскольку на уровень вуза переносится главная ответственность за качество образования, ЗабГГПУ использует добровольную модель обеспечения гарантий качества и его соответствующие процедуры оценки:

- системы менеджмента качества вуза, основанные на процессной модели, изложенной в международном стандарте ISO 9001 (реализуются самооценка, внутренний и внешний аудиты и сертификация);

- федеральные, региональные и ведомственные конкурсы по качеству, основанные на процедурах независимой экспертизы;

- внешний аудит в соответствии с положениями стандартов ENQA;

- самооценка и публичный отчёт вуза.

Система менеджмента качества стала неотъемлемой составной частью деятельности вуза. Распространение единого подхода к созданию систем менеджмента качества на основе требований стандарта ISO 9001 позволило получить международное признание системы управления вуза на основе процедуры сертификации (установления соответствия требованиям стандарта), выполняемой независимой организацией – органом по сертификации. Один из принципов этой системы – принятие решений на основе фактов – предполагает процедуры оценки результатов и параметров процессов для последующей корректировки отклонений.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет на основе процедуры сертификации (установления соответствия требованиям стандарта) получил в 2009 г. сертификат Ассоциации Франции по нормам (AFNOR), европейского лидера стандартизации, участника международного проекта ЕС по сертификации преподавателей PROCERTU. Сертификат AFNOR за № 2009/34874 удостоверяет, что система менеджмента качества ЗабГГПУ для следующих областей деятельности: разработка и предоставление услуг в области высшего и дополнительного образования, учебно-воспитательная и научная работа, осуществление международной деятельности – проверена и признана соответствующей требованиям стандарта ISO 9001:2008.

По результатам независимой экспертизы, проведённой Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки в

рамках конкурса 2010 г. Министерства образования и науки Российской Федерации «Системы качества подготовки выпускников образовательных учреждений профессионального образования», ЗабГГПУ стал дипломантом конкурса.

Внешней гарантией качества ЗабГГПУ выступили инновационные инфраструктуры оценки качества: Европейская ассоциация гарантии качества в высшем образовании и Федеральное агентство по надзору в сфере образования и науки. Единый подход в обеспечении качества высшего образования в ЗабГГПУ обеспечивается системой оценки гарантии качества образования, которая включает несколько уровней:

– государственный – лицензирование и аккредитация;

– общественно-профессиональный – участие профессиональных сообществ, работодателей, общественных организаций, в том числе международных;

– институциональный – система менеджмента качества вуза;

– уровень образовательных программ и отдельных программ учебных дисциплин.

Стандарты гарантии качества ENQA для внешней экспертизы и управления улучшениями стали требованиями для повышения качества образования в вузе.

Литература

1. Кирдина С.Г. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества [Электронный вариант]: Режим доступа: URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=213.

2. Новое качество высшего образования в современной России. Концептуально-программный подход / Под науч. ред. Н.А. Селезневой и А.И. Субетто. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1995. 199 с.

3. Лицензирование и государственная аккредитация образовательных учреждений профессионального образования: сб. закон. и норм. прав. док.: в 3 ч. Ч. 3. Болонский процесс. Гарантии качества образования. Йошкар-Ола: учеб.-консульт. центр, 2010. 156 с.

4. Стандарты и руководящие принципы обеспечения качества в европейском высшем образовании: пер. с англ. яз. Ю.Б. Сазоновой; под общ. ред. Б.А. Сазонова. М.: ФИРО, 2007. 52 с. (Вып. 2. Проблемы зарубежной высшей школы: аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования).

Коротко об авторе

Дугарова Д.Ц., д-р пед. наук, профессор, заместитель директора института управления развитием образования Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского
dissovet@zabspu.ru

Научные интересы: инновации в образовании, качество высшего образования

Briefly about the author

D. Dugarova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Vice-director of the Institute of education development management of Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Scientific interests: innovations in education, quality of higher education

УДК 378

Мальшев Евгений Анатольевич
Eugene Malyshev

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ФОРМИРОВАНИЯ САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНОВ

EDUCATION AS A BASIS OF FORMING SELF-DEVELOPING REGIONS

Рассмотрены вопросы саморазвития региональных социально-экономических систем и роль профессионального образования в данном процессе. Среди качественных показателей саморазвития выделен такой комплексный показатель, как «обеспеченность экономического развития знаниями». С этих позиций рассмотрено повышение институциональной роли высшей школы и науки в региональном саморазвитии. Предложены принципы новой концепции подготовки кадров. Выделены характерные роли, которые вузы играют в регионах, специфика этих ролей рассмотрена на примере Забайкальского государственного университета. В заключение раскрыто место университетов в процессе взаимодействия образования, науки и бизнеса, проведен сравнительный анализ новых институциональных форм межсекторного взаимодействия

Ключевые слова: саморазвитие регионов, обеспеченность экономического развития знаниями, институциональная роль высшей школы

The questions of self-development of regional social-economical systems and the role of professional education are observed in the article. Among quality indicators of self-development such complex indicator as «economic development supply by knowledge» is pointed out. From this point of view the increase of institutional role of higher school and science in regional self-development is viewed and principles of new concept of staff education are presented. Characteristic roles, which regional institutions play are pointed out, the specification of these roles is suggested on the example of Zabaikalsky State University. In the conclusion the place of universities in the process of interaction of education, science and business is shown, comparative analysis of new institutional forms of intersectoral cooperation is given

Key words: regional self-development, economic development supply by knowledge, institutional role of higher school

Роль высшего профессионального образования в саморазвитии регионов

Под саморазвитием социально-экономической системы любого масштаба понимается настройка его экономики на достижение устойчивого состояния самосовершенствования, т.е. саморегулирование при практическом отсутствии внешнего воздействия.

Будем исходить из того, что саморазвитие — это, прежде всего, стратегически устойчивая способность региона в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта (ВРП)

за счет собственных доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и приоритетов, так и внутрирегиональных макроэкономических целевых установок системного характера [9; С. 59-66]. В этой связи будем выделять уровень саморазвития региона, с одной стороны, и качество саморазвития, с другой стороны.

Под уровнем саморазвития будем понимать определенное состояние региона, обусловленное совокупностью внутренних закономерностей саморазвития и выражаемое количественными показателями. В свою очередь, качество саморазвития реги-

она – это набор характеристик, отражающих специфику и целевую направленность процесса саморазвития. Качество саморазвития характеризуется качеством жизни населения, качеством финансовой обеспеченности. Среди качественных показателей саморазвития выделяется такой комплексный показатель, как «обеспеченность экономического развития знаниями».

В конце XX – нач. XXI вв. в научном диспуте по проблемам обозначившихся к этому времени фундаментальных сдвигов в самих основах экономик развитых стран особую актуальность приобрела проблема новой экономики. Новая экономика рассматривается как непосредственная основа информационной эпохи, в которую вступила современная цивилизация. Структурно «новая экономика» включает отрасли с высоким удельным весом нематериального, человеческого капитала, такие, как информационно-коммуникационные технологии, образование, наука и интеллектуальные услуги (консалтинг). Новая экономика – это экономика знаний и информационных технологий, обеспечивающих лидерство и конкурентоспособность любой социально-экономической системы (национальная экономика, регион, предприятие).

Ключевым проявлением процесса саморазвития социально-экономической системы в условиях нового типа экономики является ускорение темпов инвестирования в нематериальные активы и создание условий для постоянного воспроизводства знаний и их воплощения в новые высокотехнологичные продукты и услуги. Тем самым наука и образование приобретают совершенно новую роль и значимость.

Так, экономика США обеспечивает на 60...70 % прирост национального дохода за счет темпов прироста знаний и образования. На трансформацию современного общества в «общество знаний» и, соответственно, на повышающуюся роль высшей школы в «обществе знаний» обращается внимание в Болонской Декларации (1999). Подчеркивается «ключевая роль образования в подготовке профессионалов и в экономическом развитии общества знаний» [2; С. 269-274].

Уже в ходе появления этих новых возможностей и задач большинство развивающихся стран и стран с переходной экономикой продолжают бороться с трудностями, связанными с тем, что высшая школа этих стран не смогла предложить адекватные решения для ряда старых нерешенных проблем. К их числу относятся необходимость поиска сбалансированных и устойчивых способов расширения охвата населения высшим образованием, неравенство в доступе к образованию и результатов обучения, проблемы качества и соответствия образования современным потребностям, а также отсутствие гибкости в структурах и методах управления.

Анализ данных тенденций в изменении роли знаний и образования в социально-экономическом развитии позволил сделать вывод о фундаментальном изменении функции социального института образования в материальном и духовном воспроизводстве условий жизни общества и человека: образование «перемещается» из «сферы услуг», обслуживающую производство, хозяйственную деятельность, жизнь граждан, в «базисный слой» экономики, оно становится «базисом базиса экономики и бытия общества» в условиях роста их наукоемкости, интеллектоемкости, образованиемкости и темпов изменений [14].

Высшее образование оказывает непосредственное влияние на производительность национальной экономики, что во многом определяет уровень жизни в стране и ее способность участвовать в глобальной экономической конкуренции. Высшие учебные заведения вносят вклад в реализацию стратегии экономического развития на основе знаний и в борьбу с бедностью за счет:

а) подготовки квалифицированной и гибкой рабочей силы, включая высококвалифицированных ученых, специалистов, технических работников, учителей системы базового и среднего образования, а также будущих руководителей государственных органов, государственной гражданской службы и предприятий;

б) формирования новых знаний;

в) создания возможностей для получения доступа к имеющейся базе глобальной информации и ее адаптации к применению внутри страны.

Высшие учебные заведения обладают уникальной способностью интегрировать эти три функции и обеспечивать их синергизм. Устойчивое преобразование и развитие экономики в целом невозможны без инновационной системы высшего образования, способствующей формированию потенциала страны.

Доказав значимость образования и, прежде всего, высшего для саморазвития социально-экономических систем, выберем показатель, который будет свидетельствовать о наличии указанного условия саморазвития в регионе. Таким показателем может выступить *доля занятых с высшим образованием в общей структуре занятых в экономике*. Данный показатель характеризует результативность высшего

образования, его вовлеченность в процессы промышленного производства, интеллектуализации сферы услуг и в целом в механизм экономического развития.

Высокая доля занятых с высшим образованием говорит о высокой производительности занятого населения. В настоящее время в России каждый третий занятый имеет высшее образование, тем не менее, среднегодовой показатель за период 2000...2010 гг. составляет 24,1 %. Размах значений показателя по регионам России составляет 12,5...44,3. В этой связи нормой обеспеченности экономического развития знаниями было выбрано значение 20 %, т.е. каждый пятый занятый в экономике имеет высшее образование. Значение показателя более 20 % имеет 56 регионов, значение более 25 % – только 11 регионов.

Роль высококвалифицированных специалистов в саморазвитии регионов очень велика и постоянно будет расти (см. рисунок).

Схема стратегических приоритетов саморазвития территории

В связи с этим следует подчеркнуть, что саморазвитие объективно требует разработки *новой концепции подготовки кадров*. В ее основу должны быть положены следующие принципы:

– становление, развитие и самореализация творческой личности;

– постоянная нацеленность на генерацию перспективных научно-технических нововведений и изыскание путей и методов их практической реализации в инновации;

– ориентация на подготовку высококвалифицированных и высокоинтеллектуальных специалистов, системных менедже-

ров инновационной деятельности;

– рассмотрение обучения и подготовки кадров как составной части производственного процесса, а расходов на подготовку кадров – не как издержки на работников, а как долгосрочные инвестиции, необходимые для процветания предприятий, отраслей и регионов;

– обучение управлению социальными и психологическими аспектами процесса создания наукоемких нововведений, использованию творческого потенциала коллектива ускоренному широкомасштабному внедрению в практику инновационных разработок;

– создание системы непрерывного обучения и повышения квалификации кадров, интегрированной в систему производства инновационной продукции;

– сотрудничество университетов и других вузов региона с передовыми предприятиями региона, реализующими инновационные проекты, и их совместную деятельность в области разработки учебных программ, издания учебников и монографий по инновационным технологиям, системам машин и оборудования в деле подготовки специалистов высшей квалификации по новым профессиям и перспективным научно-инновационным направлениям.

Однако в настоящее время отечественная система высшего профессионального образования переживает кризис, что, в частности, проявляется в нехватке востребованной квалифицированной рабочей силы при одновременном росте безработицы. В силу своей инертности система образования не успевает оперативно реагировать на изменения рынка труда и его потребности, часто осуществляет подготовку по уже неактуальным специальностям, заранее обрекая выпускников учебных заведений на вынужденную безработицу или работу не по специальности. Несогласованность профессионально-квалификационной структуры выпуска специалистов с потребностями рынка труда становится важнейшей проблемой, оказывающей негативное воздействие на возможности саморазвития регионов. Периодическое перенасыщение

рынка труда специалистами определенных направлений и недостаточная подготовка по отдельным, ставшим по этой причине дефицитными профессиями и специальностями, приводят к разбалансировке спроса и предложения на рынке труда, а в результате проигрывают и работодатели, и потенциальные работники.

Россия занимает одно из лидирующих мест по удельному весу людей с высшим образованием в численности экономически активного населения, величина которого составляет 23 %. Лишь в США, Норвегии и Нидерландах этот показатель выше; в Японии, Канаде, Испании и Великобритании он несколько уступает российскому. В Германии данный показатель составляет 16 %, в Португалии и Австрии – 8 %. По формальным признакам российская рабочая сила представляется одной из наиболее образованных. Тем не менее, обладая высоким образовательным потенциалом, наша страна существенно отстает от большинства стран по уровню экономического развития [11; С. 38-42].

В условиях становления саморазвивающихся систем необходимо использовать все возможные направления развития человеческого капитала. В связи с этим необходимо поэтапно осуществлять модернизацию системы профессионального образования, которое должно быть ориентировано на удовлетворение социально-экономических потребностей региона. При этом важно осознавать, что создание, использование и развитие высоких технологий, распространение компьютерной и информационной техники предполагают наличие трудовых ресурсов нового, творческого типа. Поэтому решение проблем воспроизводства кадрового потенциала целесообразно рассматривать в контексте совершенствования системы подготовки кадров высшей квалификации по приоритетным направлениям развития общества, науки, техники, технологий.

На микроуровне необходимо формирование эффективной системы внутрифирменного обучения, отвечающей перспективным целям и задачам компании.

В рамках разработанной системы следует сформировать двухуровневые программы: образовательные, основывающиеся на обучении отдельных категорий персонала, и инновационные, ориентированные на решение актуальных проблем совершенствования производства, управления знаниями и их применение при разработке новых видов продукции.

В заключение подчеркнем, что проблема развития человеческого капитала носит системный характер. Следовательно, ее решение возможно лишь при наличии эффективного взаимодействия всех элементов региональной социально-экономической системы, регулирующей воспроизводство человеческого капитала: потенциальных работников, работодателей, образовательных учреждений, профсоюзов, региональных и муниципальных органов.

Тем не менее, *подход органической увязки стратегии развития территории со стратегией развития системы профессионального образования во многих документах государственного, федерального и муниципального уровней пока отсутствует.*

Изменение институциональной роли высшей школы и науки в региональном саморазвитии

Становление рыночных отношений инициировало процессы регионализации системы образования. Значительное влияние на формирование нового облика европейского университета оказывает политика государств и европейского сообщества, направленная на выравнивание уровней экономического развития регионов. На университеты государством возлагается социальная ответственность за свой регион и стимулируется активное взаимодействие с местными властями, общественными организациями и промышленностью. Возможности университета по развитию региона рассматриваются в трех направлениях:

1) вклад университета как крупного работодателя в региональное развитие;

2) технологическое развитие промышленности региона через трансфер техноло-

гий (технопарки, инкубаторы, консультационная деятельность);

3) профессиональное образование и переподготовка, повышение квалификации и т.п. [16].

Региональные системы образования осуществляют подготовку кадров исходя непосредственно из потребности регионов; именно на региональном уровне происходит взаимодействие рынка образования и рынка труда. Вузы, выполняя свои образовательные задачи, формируют образовательный потенциал региона и оказывают влияние на социальную структуру населения, увеличивая контингент с более высоким уровнем образования.

Вовлечение регионов в управление высшим образованием позволяет организовывать более эффективное взаимодействие университетов с локальными рынками труда и региональными сообществами. В регионах (в штатах в США, в землях Германии, в сообществах Бельгии, в провинциях Канады и Австралии) создаются специализированные органы (Министерство, Совет, Комитет, Комиссия), отвечающие за политику региона в сфере высшего образования. В одних случаях за такими структурами закрепляются функции координирования, а в других – функции управления высшими учебными заведениями (конечно, с учетом определенной законодательством автономии вузов).

Одним из серьезных опасений, высказываемых по поводу регионализации высшего образования в России, является разный уровень финансового положения субъектов Российской Федерации. Надо отметить, что и в развитых странах мира разница расходов на высшее образование может различаться между регионами в 2...3 раза (например, в США разброс государственных субсидий на высшее образование в разных штатах колеблется 100...300 долл. в пересчете на душу населения) [17].

Однако разница расходов на высшее образование для субъектов РФ с учетом их доходов в настоящее время может достигать существенных различий – в 7...10 раз. Поэтому очевидно, что на данном этапе со-

циально-экономического развития страны возможно большее вовлечение субъектов РФ в управление высшими учебными заведениями, но при сохранении решающей доли финансирования вузов из федерального бюджета [1].

Все российские университеты связывают в той или иной степени свою миссию с региональными задачами, проблемами и перспективами социально-экономического, культурного развития регионов. *Можно выделить следующие характерные роли, которые вузы играют в своем регионе и рассмотреть их на примере Забайкальского государственного университета.*

1. Университет как организационная и методическая основа интеграции и оптимизации региональной системы образования.

Забайкальский государственный университет является крупнейшим научно-исследовательским и образовательным комплексом, доминирующим в рамках читинской урбанизированной зоны и в Забайкалье в целом. Процесс присоединения к нему второго по значимости вуза региона (ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского) определяет концентрацию финансовых и административных ресурсов, что в рамках Программы развития ЗабГУ позволит осуществлять эффективную координацию в системе «федеральный центр – регионы Забайкалья», сформировать уникальный научно-образовательный центр мирового уровня, способный обеспечить подъем экономики и решение проблем в социальной сфере, в том числе, учитывая традиционную, исторически сложившуюся роль вузов, вошедших в ЗабГУ, создать эффективную площадку межконфессионального, межэтнического диалога, обеспечить подготовку региональных элит для приграничного взаимодействия.

2. Университет – основа региональной системы непрерывного образования. Годы реформ отбросили далеко назад, если не сказать, разрушили производство во многих отраслях народного хозяйства. И в этих процессах регионов-исключений просто нет. Одновременно ушла в прошлое

и прежняя отраслевая система повышения квалификации и переподготовки кадров. Возрождение экономики, техническое и технологическое перевооружение, глобализация рынков и конкуренция поставили перед обществом задачу создания системы непрерывного, продолженного пожизненно (LLL – Life Long Learning) образования. В регионах России университеты играют центральную роль в решении этой задачи.

Так, Забайкальский государственный университет реализует самый широкий спектр необходимых для региона специальностей и направлений подготовки технического, естественнонаучного и гуманитарного профилей. Созданы и реализуются программы сквозной профессиональной подготовки, увязывающие программы высшего профессионального образования в университете с программами среднего профессионального образования в Забайкальском горном колледже, Лесотехническом колледже и Читинском техникуме отраслевых технологий и бизнеса, а также лицее университета. Для обеспечения качественной подготовки абитуриентов работает центр довузовского образования, включающий лицей ЗабГУ, гуманитарно-технический колледж, лицейские классы города и края, подготовительные курсы. Выпускники университета имеют возможность продолжить обучение по 35 специальностям аспирантуры и 7 специальностям докторантуры. Университет осуществляет повышение квалификации и переподготовку специалистов. На базе вуза действует Региональный учебный центр, который реализует около 20 программ повышения квалификации и 14 программ профессиональной переподготовки. Программами дополнительного профессионального образования охвачены и студенты. Реализуются программы получения дополнительных квалификаций, дающие больше возможностей для трудоустройства выпускников. В университете ведется подготовка по 26 программам дополнительного образования.

3. Университет – важный фактор стабилизации экономики. Университеты во многих регионах выступают инициато-

рами сближения и взаимодействия с академической и отраслевой наукой, производственными предприятиями. Объединяя интеллектуальные усилия над решением актуальных технических, технологических проблем, участвуя в выработке научно-технической политики региона, университеты способствуют стабилизации экономики.

В Забайкальском государственном университете накоплен опыт такого сотрудничества. С первых лет существования вуза в университете выполняются научно-исследовательские работы по научно-техническим и инновационным программам федеральных министерств России, межотраслевым и региональным программам, по договорам на создание научно-технической продукции. По научному потенциалу Забайкальский государственный университет считается одним из крупнейших вузов Восточной Сибири и Забайкалья. На основе научных исследований, проводимых по 16 отраслям науки, в университете сформировано 31 научное направление, возглавляемые ведущими учеными университета. В университете сформировались и действуют известные в России и за рубежом научные школы.

К элементам научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры университета относятся 47 профильных научных лабораторий, центров и научно-производственных подразделений, прошедших в установленном порядке государственную общественную аккредитацию. На базе университета сформировано несколько академических центров. С целью создания в ЗабГУ среды, благоприятной для разработки и коммерческого освоения научных знаний, изобретений, наукоемких технологий и передачу их на рынок научно-технической продукции, в 2007 г. в университете был открыт технико-внедренческий парк (Технопарк). В структуру Технопарка вошли следующие подразделения: центр трансфера технологий, включающий отдел коммерциализации научных разработок; центр энергосбережения Технопарка; инкубатор малого бизнеса; научно-образовательный центр Технопарка; студенческое конструкторское бюро центра энергосбережения Технопарка; малые и средние предприятия, вышедшие из инкубатора, но пожелавшие остаться на территории Технопарка; предприятия, подписавшие с Технопарком договоры о сотрудничестве и находящиеся на его территории.

4. *Университет – инициатор информатизации регионов.* Стремительное развитие сети Интернет и новых информационных технологий, благотворно и стимулирующе сказавшееся на развитии экономики, науки и образования в индустриально развитых странах, совпало по времени с острыми социальными и экономическими преобразованиями на постсоветском пространстве. В этих условиях именно университетам выпала роль стать – при поддержке международных благотворительных организаций – локомотивом в развитии Интернета в России, в приобщении общества к новым информационным технологиям. В целом ряде регионов именно университеты стали источником инновационных подходов к организации деятельности библиотек, интегрируя разрозненные ресурсы на основе новых телекоммуникаций, органично встраивая их в учебный процесс и управление. В университетах создаются центры дистанционного образования и информатизации различных сфер собственной деятельности, что значительно расширяет спектр информационных услуг обществу.

5. *Университет – реальная сила гуманитаризации общественной жизни регионов.* Новые социально-экономические и политические реалии потребовали от университетов значительной мобилизации внутренних ресурсов и концентрации усилий для развития широкого спектра исследований и образовательных программ в областях, не востребованных ранее. Внутриполитические процессы и международные отношения стали играть важнейшую роль в процессах реформирования федерации, заметно обострились, потребовали изучения и осмысления. Оказалось, что многие гуманитарные аспекты жизни российского общества недостаточно прора-

ботаны для новых условий. Роль российских университетов в регионах в этом плане трудно переоценить.

ЗабГУ является единственным вузом в регионе, где научная, исследовательская, образовательная деятельность реализуется и через систему музейных выставочных экспозиций. К примеру, такой, как «История и культура народов Забайкалья», т.к. Забайкалье – край поликультурный, поликонфессиональный, представлен более ста народностями и всеми религиозными объединениями и конфессиями.

6. Университет – инициатор международного сотрудничества регионов и катализатор открытости.

С начала 90-х гг. XX в. минувшего века международное сотрудничество стало для университетов не только определенным способом привлечения дополнительных средств, но важным инструментом для развития новых направлений. Международный опыт развития крупных образовательных систем, а также анализ процессов в сфере образования в России свидетельствуют о стремительном нарастании интеграционных процессов и создании новых организационных форм образовательной деятельности.

Основным принципом международной деятельности университета является принцип сотрудничества, на котором строятся отношения с вузами стран СНГ, соседних региону стран и стран дальнего зарубежья. Приоритетными направлениями сотрудничества ЗабГУ с вузами зарубежных стран являются участие в совместных образовательных и научных программах; ежегодные студенческие обмены; стажировки преподавателей и аспирантов в зарубежных вузах.

Университет имеет прямые договоры и соглашения, а также поддерживает профессиональные контакты с Цицикарским университетом (КНР); Шаньдунским институтом технологий и бизнеса (КНР); Цилиньским педагогическим университетом (КНР); Национальным университетом

Кёнсан (Республика Корея); Монгольским государственным университетом (Республика Монголия); Европейским центром изучения английского языка (Мальта); языковым центром «SOL» (Великобритания); «SMILE Society» (Индия) и др. С 2005 г. университет является членом NA-FUP – форума ректоров университетов Северо-Восточной Азии.

Новые институциональные формы взаимодействия образования, науки и бизнеса

В настоящее время отечественные образование, наука и бизнес находятся на стадии поиска жизнеспособных форм интеграции. Интеграционные процессы являются закономерным этапом развития системы образования, представляют положительное явление, поскольку наращивают учебный и научный потенциал и расширяют возможности учебных заведений по оказанию образовательных, научных и иных услуг, способствуют более эффективному использованию ресурсов, а также реализации основных направлений модернизации образования. Интеграция вузов, научных институтов и бизнеса обеспечивает большую устойчивость вуза-участника на рынке образовательных услуг, увеличивает его ассортиментный портфель, усиливает социальную значимость предлагаемых проектов [2, С. 269-274; 10; С. 205-213].

На уровне регионов интеграция позволяет осуществлять целенаправленные совместные усилия нескольких регионов по целесообразному использованию выпускников, централизованно решать вопросы повышения квалификации и переподготовки специалистов и т.д. На территории региона формируется единое образовательное и научное пространство, устраняются межведомственные барьеры для решения вопросов развития образования, создаются университетские комплексы, организуется совместная деятельность учреждений профессионального образования разного уровня по учету региональных потребностей.

Таблица 1

Страновые отличия механизмов обеспечения производства перспективными идеями и технологиями

Страна	Особенности механизма	Возможности использования в России
США	<p>Развитая инфраструктура передачи технологий в масштабах государства. <i>Нормативно-правовая база</i> определяет не только механизмы технологического трансферта, но, по сути, и основу инфраструктуры для их реализации.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Закон Бая-Доула 1980 г. (Bayh-Dole Act), предоставляющий университетам, бесприбыльным организациям и фирмам малого бизнеса право передавать лицензии на коммерческое использование изобретений, сделанных в ходе исследования при финансовой поддержке правительства, промышленным компаниям. 2. Закон Стивенсона-Уайдлера о технологических инновациях 1980 г. (Stevenson-Wydler Act), направленный на активизацию участия федеральных лабораторий в процессах научно-технической кооперации с промышленностью, главным образом, за счет распространения информации о полученных в них научных результатах. 3. Закон об инновационных исследованиях малого бизнеса 1982 г. (Small Business Innovation Research Act), инициировавший специальную программу, обеспечивающую выделение всеми федеральными ведомствами с годовым бюджетом на НИОКР свыше 100 млн долл. не менее 1,25 % этого бюджета на проведение исследований и разработок силами малого бизнеса. Устанавливалась только обязательная нижняя граница ассигнований, верхняя не регламентировалась. 4. Закон о кооперативных исследованиях 1984 г. (Cooperative Research Act), который вывел за рамки действия антимонопольного законодательства создание на конкурентных стадиях НИОКР научно-исследовательских консорциумов с участием промышленных компаний и университетов. 5. Закон о передаче технологий 1986 г. (Federal Technology Transfer Act), касающийся в основном федеральных лабораторий, находящихся в оперативном управлении правительства. 6. Закон о национальной конкурентоспособности 1989 г. (National Competitiveness Act), касающийся государственных лабораторий под управлением неправительственных подрядчиков (университетов и промышленных фирм). Этот закон совместно с законом о передаче технологий 1986 г. определил, в частности, порядок заключения соответствующих лицензионных соглашений и разделения роялти, обеспечил промышленным компаниям правовые гарантии на использование интеллектуальной собственности, возникающей в результате соглашений о кооперативных исследованиях с федеральными лабораториями, и дали последним право на роялти от практического применения их изобретений, созданных в рамках подобных соглашений. 7. Закон о трансфере технологий в сферу малого бизнеса 1992 г. (Small Business Technology Transfer Act), усиливший эффективность механизмов передачи технологий малому бизнесу. <p>Таким образом, в США сформирована национальная инфраструктура актуализации технологий во всех сферах деятельности. Важнейшую роль среди институтов технологического трансферта играет <i>Консорциум федеральных лабораторий по передаче технологий</i> (1986 г.). Консорциум является общенациональной сетью федеральных лабораторий и обеспечивает форум по разработке и развитию стратегии и возможностям, которые связывают технологию с предназначением лабораторий и рынком. Консорциум включает свыше 100 организаций-членов, отличающихся от федеральных лабораторий, которые продвигают принципы и практику технологического трансферта от лица федерального правительства. Эти организации охватывают промышленность, академическую науку, профсоюзы, организации по экономическому развитию, организации штатов, региональные и местные организации</p>	<p>Принятие <i>ряда нормативно-правовых актов</i> по аналогии с американскими законами Стивенсона-Уайдлера о технологических инновациях, об инновационных исследованиях малого бизнеса, о кооперативных исследованиях, о трансфере технологий в сферу малого бизнеса.</p> <p>Создание <i>национальной сети по передаче технологий и консорциума отраслевых и академических институтов по передаче технологий</i></p>

Продолжение табл. 1

Страна	Особенности механизма	Возможности использования в России
<p>Великобритания</p>	<p>В начале 90-х гг. сформирована <i>Национальная сеть передачи технологий</i>, состоящая из головного национального и шести региональных центров, расположенных в разных частях страны. Созданная сеть имеет общегосударственное значение и оказывает необходимую помощь в передаче технологий всем другим заинтересованным ведомствам. В задачи Национального центра передачи технологий входит обеспечение доступа промышленных фирм к федеральным научно-техническим и технологическим ресурсам. С этой целью открыт бесплатный доступ к существующим базам данных, организована система поиска необходимой информации, издаются специальные справочники. Параллельно происходит ознакомление с механизмами передачи технологий и обучение их практическому применению. В дополнение к осуществлению общегосударственных функций региональные центры имеют собственные программы аналогичной направленности. Также существенная роль отведена программе «<i>Партнерство по освоению передовых технологий в обрабатывающей промышленности</i>», которая включает семь технологических центров, созданных в конце 80-х гг. Национальным институтом стандартов и технологий, аналогичную программу для штатов (State Technology Extension Program) и ряд центров содействия предприятиям обрабатывающей промышленности (Manufacturing Outreach Centers). Система включает около 100 различных центров, соединенных между собой электронными каналами передачи информации. Общее руководство ее развитием осуществляет Национальный институт стандартов и технологий</p> <p>Важнейшую роль в процессе обеспечения предприятий новыми технологиями играют следующие институты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Консорциумы (клубы) промышленных компаний, образовательных учреждений и научных лабораторий</i> для проведения совместных исследований на конкурентных стадиях НИОКР. Поскольку проводимые в клубах исследования не преследуют конкретных рыночных целей, проблем с правом интеллектуальной собственности на результаты НИОКР не возникает. Основные задачи подобных организационных структур – установление связей между университетами, научными лабораториями и заинтересованными промышленными компаниями, а также распространение информации о новых перспективных технологиях. 2. Важную роль в обеспечении процесса передачи технологий играют <i>технологические брокеры</i>, выступающие посредниками между продавцами и покупателями новых технологических разработок. Крупнейшей структурой такого рода является «<i>Британская технологическая группа</i>» (<i>British Technology Group – BTG</i>), созданная в 1981 г. как самоорганизация государственная организация и приватизированная по особой схеме в 1992 г. Основная сфера ее деятельности – содействие передаче новых перспективных идей и разработок из университетов, политтехникумов и различных исследовательских учреждений госсектора в промышленность на основе продажи лицензий. BTG проводит экспертизу экономической значимости предложенных ученых, финансирует на коммерческой основе некоторые наиболее перспективные инновационные проекты, осуществляет патентование за границей изобретений английских специалистов и защиту в Великобритании зарубежной интеллектуальной собственности. 3. Передачей в промышленность новых разработок, сделанных в рамках осуществления программ <i>министерства обороны</i>, занимается специальная компания «<i>Предприятия оборонных технологий</i>» (<i>Defence Technology Enterprises – DTE</i>). Она создана совместными усилиями министерства обороны и консорциума фирм, в который вошли инвесторы венчурного капитала и технологические брокеры. Работа DTE строится по принципу ассоциации или клуба промышленных компаний (более 200), заинтересованных в получении доступа к разработкам ученых и инженеров министерства обороны. Помимо установления контактов и продажи лицензий DTE проводит консультации, экспертизу новых коммерческих проектов и предоставляет малым фирмам венчурное финансирование 	<p><i>Консорциумы (клубы) промышленных компаний, образовательных учреждений и научных лабораторий</i> для проведения совместных исследований на конкурентных стадиях НИОКР, а также развитие <i>национальной и региональных сетей технологических брокеров</i></p>

Продолжение табл. 1

Страна	Особенности механизма	Возможности использования в России
Германия	<p>Функции технологических посредников между лабораториями и компаниями выполняют различные научные общества и совместные исследовательские ассоциации в промышленности. Ведущая организационная роль принадлежит Фраунгоферовскому обществу. Их деятельность финансируется за счет субсидий федерального правительства и доходов от выполнения контрактных исследований. Главной задачей общества является содействие внедрению в промышленность новых технологий и выполнение исследований общенационального значения. Для облегчения малым фирмам доступа к его услугам правительство предоставляет им субсидии в размере до 40 % полной стоимости заказываемых НИОКР. Большое участие в организации передачи технологий принимают местные органы власти, в первую очередь правительств земель. В частности, они вносят большой вклад в создание научных парков и инновационных центров, рассматривая эту деятельность как одно из важнейших направлений в решении проблем регионального развития</p>	<p>Ассоциативные формы интеграции науки и бизнеса с целью передачи технологий</p>
Франция	<p>С 1983 г. в Национальном центре научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique – CNRS – аналог Академии наук) создано подразделение, отвечающее за практическое использование полученных результатов. Оно применяет широкий спектр мер и стимулов для обеспечения более тесного сотрудничества ученых и промышленных предприятий. В каждом регионе существуют специальные представители CNRS, ответственные за выявление перспективных прикладных разработок и установление контактов с заинтересованными фирмами. Основной деятельностью выступает подход, особенностью которого является создание совместных лабораторий с промышленными компаниями на принципах равноправного партнерства, где ученые проводят исследования, а представители промышленности отвечают за разработки и их внедрение. Финансирование таких исследований совместно CNRS и фирмами. Контактная форма технологического сотрудничества сохраняется до настоящего времени, хотя акцент постепенно смещается в сторону крупных долгосрочных совместных проектов³. С середины 80-х гг. в стране существует разветвленная сеть специализированных региональных центров инноваций и передачи технологий (Centres Regionaux d'Innovations et de Transfert de Technologies – CRIT), организующих совместную работу всех участников данного процесса на региональном уровне. В 1967 г. во Франции создана особая юридическая форма для определения взаимоотношений между компаниями – Обьединение экономических интересов (ОЭИ) (Groupement d'Intérêt Economique – GIE). Эта форма позволяет образовывать юридические единицы без внесения взноса в капитал образующейся компании, имеет право заключать договоры, однако при этом партнеры в полной мере несут солидарную ответственность за принятые обязательства. Деятельность ОЭИ прозрачна для налоговых органов: все прибыли и убытки, полученные от деятельности ОЭИ, проходят по балансам основных компаний-партнеров. Пример французских ОЭИ оказался заразительным, и в середине 80-х гг. появляются первые Европейские объединения экономических интересов (ЕОЭИ)</p>	<p>Государственное стимулирование совместных лабораторий с промышленными компаниями на принципах равноправного партнерства (объединение экономических интересов), а также объединение разрозненных в настоящее время центров инноваций и передачи технологий в Национальную сеть передачи технологий</p>

Окончание табл. 1

Страна	Особенности механизма	Возможности использования в России
Япония	Япония приступила к реорганизации системы трансфера технологий в 1998 г. после принятия законодательного акта о трансфере технологий, предусматривавшего, в частности, создание при университетах структур по трансферу технологий, одобренных правительством. Правительство Японии предоставляет две трети средств на эксплуатационные расходы (без возмещения расходов, связанных с услугами патентного поверенного и выплат патентных пошлин) в пределах суммы, эквивалентной 300 тыс. долл. США в год сроком на пять лет. Одобренные центры представляют собой офисы по лицензированию технологии, которые могут заниматься передачей патентных прав, которыми владеет правительство Японии, а также результатами исследований и разработок, созданных в национальных университетах, междууниверситетских учреждениях, опытных и исследовательских организациях Японии и независимых административных учреждениях. Существует также несколько компаний, владельцами которых являются члены профессорско-преподавательского состава, ассоциированные с университетскими центрами трансфера технологий, оказывающие содействие в коммерциализации университетских технологий. В 2004 г. японское законодательство предоставило всем национальным университетам независимый юридический статус с тем, чтобы университеты могли принимать участие в инициативах, связанных с созданием центров трансфера технологий	<i>Возмещение эксплуатационных расходов центров трансфера технологий на определенный период при достижении эффекта по результатам мониторинга</i>

В этой связи заслуживает внимания и изучения сложившаяся в большинстве развитых стран система интеграции усилий по получению и использованию новых знаний между государством, крупными промышленными компаниями и малыми инновационными фирмами частного сектора, высшими учебными заведениями (университетами) и неприбыльными организациями (табл. 1). Один из ее центральных элементов – *постоянно совершенствующийся механизм* обеспечения производства новыми перспективными идеями и технологиями [7]. Проведенный анализ опыта зарубежных стран позволил выявить *перспективные инструменты интеграции образования, науки и инновационного бизнеса* (табл. 1) [4].

В российских регионах уже сформировались десятки научно-образовательных, учебно-научно-производственных комплексов, развивающих инновационные подходы к организации деятельности и социальном строительстве. Данное направление соответствует международной тенденции повышения интегративности системы образования в целях оптимизации сети образовательных учреждений, обеспечения внутренней преемственности между сегментами и уровнями системы, формирования новых типов многоуровневых учебных заведений – образовательных комплексов, которые могут максимально полно удовлетворить потребности в обучении с учетом специфики регионального рынка труда. Непрерывное многоуровневое профессиональное образование в образовательных комплексах реализуется посредством разработки сопряженных учебных планов по родственным специальностям различных уровней профессионального образования и преемственных рабочих программ учебных дисциплин.

В структуре управления программой развития университета для непосредственного руководства ходом реализации отдельной задачи создан кластер дирекции развития технико-внедренческого парка Забайкальского государственного университета (табл. 2).

Создание таких систем стало самостоятельным направлением образовательной практики в Забайкальском государственном университете. Основной инновационный потенциал ЗабГУ связан с формированием пяти научно-технологических кластеров на основе развития инновационной инфраструктуры университета по таким направлениям, как энергетика и энергосбережение; рациональное природопользование; биотехнологии, технологии живых систем, экологическая безопасность; информационные и телекоммуникационные технологии, устройства и системы; гуманитарные технологии и модели развития человеческого капитала [9; С. 59-66].

В заключение необходимо отметить, что обеспеченность экономического развития знаниями в виде профессионального образования, в том числе высшего образования, является *главным механизмом*

воспроизводства инноваций и науки, становится базисным условием экономической конкурентоспособности и саморазвития как национальной экономики, так и ее регионов.

Действительно, высшее образование имеет решающее значение для формирования интеллектуального потенциала, от которого зависят производство и применение знаний, а также для развития практики непрерывного обучения, необходимого для совершенствования знаний и навыков отдельных людей. Другим значимым результатом является создание вузов нового типа и появление новых форм конкуренции, что заставляет традиционные учебные заведения менять методы работы и предоставления услуг и использовать возможности, создаваемые новыми информационно-коммуникационными технологиями.

Литература

1. Акбердина В.В. Тенденции гуманизации технологического развития // Экономика знаний: институты регионального развития: колл. монография. Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2011.
2. Акбердина В.В., Малышев Е.А. Возможности взаимодействия государства, бизнеса и сферы образования в рамках модели «тройной спирали» // Экономика региона: научный информационно-аналитический журнал. Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2011. № 4 (28).
3. Болонская декларация. Совместное заявление европейских министров образования: пер. с фр. А.П. Ефремова, 1999. С. 7.
4. Гребенкин А.В., Акбердина В.В. Развитие инновационно-технологического бизнеса с использованием механизма S2B «science-to-business» // Экономика знаний: институты регионального развития: колл. монография. Екатеринбург: Изд-во Института экономики УрО РАН, 2011.
5. Дагаев А. Передача технологий из государственного сектора в промышленность как инструмент государственной инновационной политики // Проблемы теории и практики управления, 1999. № 2.
6. Клоев А.К. Структуры развития вузов: научно-образовательные центры // Университетское управление: практика и анализ. Екатеринбург, 2009. № 5. С. 64-70.
7. Краюхин Г.А., Шайбаков Л.Ф. Основы государственного управления инновационными процессами. СПб.: Изд-во СПб. Гос. инж.-экон. Академии, 1997.
8. Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В., Душин А.В., Сидорова Е.Н., Татаркин Д.А. Регионы России: классификация по признаку саморазвития // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 19. С. 2-15.
9. Малышев Е.А., Макарова Т.Б. Государственная образовательная политика в контексте мирового образовательного пространства // Вестник Читинского государственного университета (Вестник ЧитГУ). Чита: ЗабГУ, 2011. № 2 (81).

10. Малышев Е.А., Эрдынеева К.Г., Макарова Т.Б. Бизнес-образование как основной ресурс обеспечения развития региона в современных условиях (на примере Забайкальского края) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: науч. журнал. Т. 6. Экономика. 2012. № 1.

11. Орлов С.Н., Кучина Е.В. Проблемы развития человеческого капитала в условиях перехода к инновационной экономике // Регион в условиях формирования экономики знаний: Всероссийская науч.-практ. конф. Сборник науч. трудов. Курган: Курганский филиал ИЭ УрО РАН, 2008.

12. Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. Институты регионального развития экономики знаний // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 4. С. 2-7.

13. Смирнова В. Процессы и функции управления знаниями // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 8. С. 100-109.

14. Субетто А.И. Проблема качества высшего образования в контексте глобальных и национальных проблем общественного развития (Философия качества образования). Повторное издание. СПб. – М. – Красноярск: Изд-во Красноярского краевого центра развития образования. Исследовательский центр проблемы качества подготовки специалистов, 1999. 87 с.

15. Типовая методика оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения // Утверждено приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 октября 2009 г. № 406.

16. Cohen, W.M., Florida, R., Randazzese, L.P., and Walsh, J.: «Industry and the Academy: Uneasy Partners in the Cause of Technological Advance». In: R. Noll, ed., Challenges to Research Universities. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1998.

17. National Science Foundation (NSF): Science and Engineering Indicators, 2002.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Малышев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, зав. кафедрой экономики и управления на энергетических предприятиях, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
eamalyshev@mail.ru

E. Malyshev, candidate of technical sciences, associate professor, prorector on science and innovative work, Zabaikalsky State University

Научные интересы: менеджмент, экономика энергетической отрасли, бизнес-планирование, бизнес-образование

Scientific interests: management, economics of power engineering, business-planning

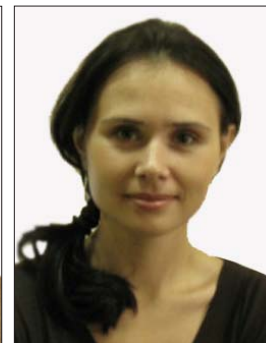

Политология

УДК 329.78

Иванова Юлия Валентиновна
Julius Ivanova

Крикунова Валентина Александровна
Valentina Krikunova

ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

TENDENCIES AND MECHANISMS OF YOUTH POLITICAL CULTURE INFLUENCE ON POLITICAL PROCESS

Статья посвящена изучению взаимодействия молодежной политической культуры и политического процесса в современной России. Молодежная политическая культура понимается как совокупность политических знаний, идей, ценностей, моделей политических действий молодежи. Рассмотрены функции молодежной политической культуры, тенденции преобразования политического процесса, механизмы влияния политической культуры на политический процесс

Ключевые слова: политика, политическая система, политический процесс, молодежь, молодежная политическая культура, субкультура

Article is devoted to study of interaction of youth political culture and political process in modern Russia. The youth political culture is understood as set of political knowledge, ideas, values, models of political actions of youth. Functions of youth political culture, a tendency of transformation of political process, mechanisms of influence of political culture on political process are considered

Key words: policy, political system, political process, youth, youth political culture, subculture

Противоречивый процесс модернизации российского общества определяет современный характер взаимодействия политики и культуры в нашей стране. Молодежная политическая культура как специфический круг явлений оказывает собственное воздействие на политический процесс, динамику изменений в сфере государственной власти, состояние действующих субъектов. Молодежную политическую культуру можно определить как совокупность политических знаний, идей, концепций, убеждений, традиций и ценностей, ментальности и коллективных

представлений, образцов политического поведения молодежи, а также моделей политических действий, вносящих определенный порядок и значение в политический процесс. Молодежную политическую культуру можно представить, с одной стороны, как часть общей культуры, а с другой — как некий синтез значимых политических характеристик молодежи.

Анализируя представления о генезисе молодежной политической культуры в политологии, подчеркнем, что формирование концепции молодежной политической культуры дает возможность выявить связи меж-

ду политическим поведением молодежи и «поведением» политической системы, проследить влияние молодежной политической культуры на политический процесс. Регулятивное воздействие молодежной политической культуры на политическую ситуацию в условиях борьбы мнений, политических доктрин, противоборства носителей различных идеологий позволяет обеспечивать определенную устойчивость политической системы. Взаимовлияние и взаимозависимость молодежной политической культуры и политического процесса наиболее четко проявляется через молодежную политику. Молодежная политика активно влияет на культуру через выработку соответствующей культурной политики, а культура определяет характер молодежной политики.

К наиболее устойчивым функциям молодежной политической культуры в политической жизни можно отнести следующие:

- идентификации, раскрывающую постоянную потребность молодежи в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании своих интересов;

- ориентации, характеризующую стремление молодежи к смысловому отображению политических явлений, понимание собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе;

- предписания (программирования), выражающую приоритетность определенных ориентаций, норм и представлений, задающих и обуславливающих особую направленность и границы конструирования поведения молодежи;

- адаптации, фиксирующую потребность молодежи в приспособлении к изменяющейся политической среде, условиям осуществления ее прав и властных полномочий;

- социализации, характеризующуюся обретением молодежью определенных навыков и свойств, позволяющих ей реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы;

- интеграции (дезинтеграции), обеспечивающую различным группам молодежи возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с молодежью в целом;

- коммуникации, обеспечивающую взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения.

В целом в процессе реализации своих функций молодежная политическая культура способна оказывать тройное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут воспроизводиться традиционные для общества формы политической жизни. В силу устойчивости ценностных ориентаций в период проводимых государством реформ молодежь может поддерживать прежние политические порядки, противодействуя новым целям и ценностям.

Во-вторых, молодежная политическая культура способна порождать новые, не традиционные для общества формы социальной и политической жизни. На уровне общества в целом такие инновационные методы воздействия на политический процесс осуществляются под влиянием выработанных в лоне молодежной политической культуры идеологий или заимствованных технологий, методик осуществления тех или иных задач (например, проведение избирательных кампаний).

В-третьих, молодежная политическая культура обладает возможностью комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства. Сохраняя базовые, характерные для правящего режима и большинства молодежи ценности и образцы поведения, она дает возможность имплантировать в социальную ткань конкретных обществ новые механизмы политического взаимодействия, обновлять и реконструировать текущие политические традиции.

В различных исторических условиях некоторые функции молодежной поли-

тической культуры могут угасать и даже прекращать свое действие. В частности, в условиях кризиса может значительно снижаться коммуникативная способность политических норм государственной жизни, в результате чего обостряется полемика между различными группами молодежи и особенно теми, которые придерживаются противоположных позиций относительно правительственного курса. С другой стороны, в переходных процессах нередко возрастает способность молодежной политической культуры к дезинтеграции систем правления.

Полагаем, что политический процесс преобразуется под воздействием молодежной политической культуры через ее поведенческие компоненты. Например, молодежная политическая культура органически связана с правовой культурой, нравственностью, идеологией. Политическая идеология, являясь ядром молодежной политической культуры, определяет содержание и объем права, выбор нравственных норм и принципов молодежи. Преобразование политических ценностей, норм и идеалов ведет к изменению образов поведения молодежи и модели ее действий.

К числу наиболее характерных тенденций преобразования политического процесса посредством молодежной политической культуры можно отнести следующие:

1) молодежная политическая культура, воздействуя на политический процесс, тем самым оказывает влияние на всю систему позиций и ориентаций участников данной политической системы. Взаимосвязь молодежной политической культуры с существенными характеристиками политической системы можно отразить в следующих составляющих: целенаправленность, осуществление властных функций в обществе, упорядочивающих воздействие на весь спектр социальных отношений. Каждый индивид в зависимости от уровня вовлеченности в политический процесс определяет для себя политические идеи и установки, на их основе выстраивая свое политическое поведение, свою политическую ориентацию. Вследствие этого трансформация

элементов молодежной политической культуры ведет за собой трансформацию политического процесса;

2) к числу наиболее действенных факторов политико-культурного влияния на политический процесс следует отнести печатные и электронные средства массовой информации, которые оказывают воздействие на политическое сознание и мировоззрение молодежи и становятся катализатором политического процесса. Получившее широкое распространение манипулирование информацией привносит в политическую культуру новые варианты политического поведения и моделей действий молодежи как участников политического процесса.

Основываясь на идеях В.Ф. Пенькова, анализирующего механизмы влияния политической культуры на политический процесс, укажем на три группы механизмов, выделенных в зависимости от доминирующего признака: политико-аксиологические (социальная селекция и утверждение определенных политических ценностей), политико-идеологические (формирование и формализация идеологий, программ политических партий, их состязательность, рекрутирование сторонников) и политико-правовые (избирательная система) [5; С. 280]. Указанные механизмы стоит кратко охарактеризовать.

1. Политико-аксиологические механизмы влияния. Ядро молодежной политической культуры составляет система ценностей, а его качественное насыщение во многом предопределяет уровень влияния на политический процесс.

2. Политико-идеологические механизмы влияния проявляются в формировании и формализации идеологий, находящих свое отражение в программах политических партий и движений, в документах общественно-политических организаций, предвыборных блоков, объединений и коалиций. Степень вовлеченности молодежи в политический процесс зависит от их конкуренции, а также набора новых сторонников.

3. Политико-правовые механизмы влияния. Успешное проведение выборов и при-

знание обществом их результатов – важный признак способности общества решать стоящие перед ним проблемы мирными политическими средствами. Укрепление принципов и механизмов реализации пассивного и активного избирательного права, а также права граждан на референдум в конституции России, закрепление правовых процедур, связанных с избирательным процессом и референдумом в законодательстве Российской Федерации и ее субъектов, основанных на традициях политической культуры гражданского участия, убеждает, что за годы реформ в государстве создан и признан в обществе политико-правовой механизм формирования легитимной власти. Первостепенное значение для утверждения легитимности власти имеет поддержка ее со стороны широких слоев населения. В этой поддержке находят свое выражение политические и гражданские традиции, принимаемые ценности и идеологии, организация государства и общества.

Выявление сущности политического процесса, степени воздействия на него факторов политико-культурного свойства, определение аксиологических компонентов проблемы представляет особый научный интерес. Как правило, ценности рассматриваются в качестве регуляторов (либо руководящих принципов) политической жизни и поведения людей. По Э. Дюркгейму, это «коллективные представления», возникающие в процессе сотрудничества и солидарности людей; по Т. Парсонсу, «объекты субъективного интереса» и предпочтений какого-либо способа действий, определяющие тип политических отношений.

Воспринятые молодежью ценности, являющиеся целями ее политических действий и основными средствами их достижения, тем самым приобретают функцию важнейшего регулятора индивидуального политического поведения. Как отражение фундаментальных интересов, ценностные ориентации проявляют субъективные политические позиции молодых людей, их понимание мира политики.

Рассмотрение основных тенденций развития современного политического про-

цесса в России, с методологической точки зрения, целесообразно провести с использованием совокупности «структурно-функционального», «конфликтологического» и «поведенческого» подходов. Их применение позволяет выявить особенности структурных компонентов процесса, специфику их функций, раскрыть противоречия между участниками политического процесса, поскольку понять реальные политические процессы можно лишь выяснив, кто обладает властью и как он/они ее используют [5; С. 93].

Для современного российского общества во многом характерной является некая переходность, что сказывается и на его политической системе, и на политическом процессе как ее функциональном проявлении. На характер политического процесса накладывает отпечаток политическая цель, которую можно рассматривать как предвосхищение результатов политических действий, ради которых эти действия совершаются. Формирование политической цели неотделимо от выработки системы ценностей, а точнее, цель должна исходить из ценностных ориентаций. Ценности, закрепленные традициями, культивируемыми в социуме, представляют собой важный компонент молодежной политической культуры, во многом определяющий сущность политического процесса. От молодежи невозможно требовать сбалансированного поведения в рамках политического процесса, если не определены ценностные параметры общества, если консенсус как основа демократического порядка не утверждается в политической системе, если ценности (а значит, и их носители) находятся в борьбе друг с другом [5; С. 98].

Важнейшим фактором формирования ценностей молодежи является социализация, которая может контролироваться государством, а может осуществляться бесконтрольно. В процессе реформирования политической системы постсоветского периода, с одной стороны, многие институты социализации оказались разрушенными, трансформировался характер информационного воздействия на молодежь со сторо-

ны государства. Система воспроизводства политических ценностей была разрушена. С другой стороны, предпринималась попытка радикально изменить саму систему ценностей — от государственно-социалистической к либерально-капиталистической. Место государства заняли такие неконтролируемые субъекты воздействия, как улица, телевидение, Интернет и другие СМИ. Неконтролируемое развитие информационных технологий, доступ к которым имела преимущественно молодежь, сделало практически неуправляемым процесс формирования пространства политических ценностей российской молодежи и его политическую составляющую. Следствием этого стало отчуждение молодого поколения, неприятие официальной политики, неверие в то, что активное участие в политике может повлиять на ее результаты. Но в то же время у молодого поколения формировались такие качества, как ориентация на индивидуализм, инициативу, предприимчивость, приоритет частного интереса, расчет на собственные силы, ценность богатства как цели [6].

Молодежная политическая культура способна оказывать влияние на различные свойства политического процесса: на его субъектную и объектную стороны, скорость развития, степень конфликтности и другие.

Влияние молодежной политической культуры на субъектную сторону политического процесса проявляется в том, что молодежная политическая культура формирует настоящих и будущих участников политического процесса, готовит его кадровый резерв, будущую политическую элиту страны. При этом молодежная политическая культура поставляет наиболее активных, пассионарных политических деятелей, поскольку молодежь — это наиболее энергичная часть населения, полная творческих замыслов и сил для их осуществления. Находясь на стадии формирования жизненных ориентаций, интересов, поиска, овладения социальными ролями, молодежь является самой активной группой населения.

В этом отношении большой интерес

представляют результаты исследования ценностных ориентаций и достигательских стратегий активистов молодежных движений, проведенного Фондом «Общественное мнение» и калининградским Фондом социальных и маркетинговых исследований в рамках проекта «Поколение-XXI: структура и “среды” достигательных стратегий» [2]. В исследовании отмечается, что молодежное движение создает уникальную среду, включающую как идеологию и организационную структуру, так и неформальное общение участников движения. Такая среда коренным образом отличается от других форм объединения молодежи — неформальных субкультурных образований или жестко организованных образовательных институтов (школ, вузов). Молодежное движение представляет собой своеобразный гибрид формальной структуры и единения на основе общих интересов, целей, устремлений. Таким образом, наряду с индивидуализмом, личной активностью, амбициями у активистов присутствуют чувства коллективизма и товарищества.

Для активистов молодежных движений характерны определенный образ жизни, жизненная позиция, определенные личностные качества. Жизненные планы и ценности молодых активистов формируются вокруг трех основных категорий человеческой жизни: профессия, образование и личная жизнь. Активисты нацелены на работу в общественно-политической сфере, органах власти, а также на занятие высоких постов — руководителей организаций, депутатов, министров и т.п. Такие цели соотносятся с желанием иметь высокий статус и материальный уровень, а также с желанием действовать на благо страны, способствовать решению насущных общественных проблем. При этом у представителей оппозиционных движений выражена также склонность к протесту, к борьбе против существующего политического режима.

Единственной возможностью достижения успеха, реализации своих целей активисты молодежных движений считают четкое планирование и понимание своих целей

и последовательное, планомерное движение к их реализации. Самым важным ресурсом для достижения цели оказываются личностные качества: трудолюбие, интеллект, воля, усердие. Помимо внутренних ресурсов в современных условиях немаловажны связи и знакомства. Отличительной чертой активистов молодежных движений является выделение в качестве значимого ресурса участия в движении или общественной организации, что может рассматриваться как одна из модификаций связей и знакомств. Согласно исследованию, молодежные активисты — это уникальная социальная группа в сравнении с молодежью в целом и студентами престижных вузов [2].

Влияние молодежной политической культуры на объектную сторону политического процесса проявляется в формировании проблемного поля, целей и направленности политического процесса. Молодежь вносит в политическую сферу свое видение проблем, ставит перед действующими политическими акторами актуальные для нее задачи, добивается их решения.

Как известно, современное российское общество, пережившее в конце прошлого века сложные трансформационные процессы, на современном этапе ставит перед собой задачи формирования дееспособного гражданского общества, строительства эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей. В этой связи актуально иметь обратную связь с теми, на кого ориентированы государственные реформы, узнать оценку, которую представители незащищенных и социально-уязвленных слоев населения, в частности молодежь, дают этим усилиям, как они характеризуют современное российское общество.

На основании проведенного в Иваново исследования В.Г. Борзенкова констатирует, что современная молодежь неоднозначно оценивает изменения, происходящие в российском обществе. Среди основных проблем современного российского общества, вызывающих озабоченность молодежи, можно отметить становление демократии, которая проходит сложный путь и находит

поводы для справедливой критики. Кроме того, выделяя ценности советской эпохи, молодежь отмечает социальные, культурные, нравственные достижения, примеры которых в современном российском обществе найти сложнее. Поэтому, характеризуя современное общество, молодежь в основном использует негативные качества [1].

Т.В. Павлова подчеркивает, что в современном обществе, для которого характерны процессы индивидуализации (включая сферу коллективного действия), изменение характера политики и власти, проникновения политики в повседневность, когда основная борьба за гегемонию в обществе перемещается в сферу культуры, смыслополагания, на первый план выдвигаются социокультурные аспекты, проблемы формирования коллективной идентичности в данном социокультурном и историческом контексте, способность новых социальных акторов предложить альтернативные проекты социальной организации и новых общественных институтов [4].

Влияние молодежной политической культуры на скорость разворачивания политического процесса заключается, как правило, в его интенсификации и ускорении. Молодежь, как правило, настроена на новации в окружающей действительности, на борьбу с косностью и объективно способствует ускорению социального прогресса.

Влияние молодежной политической культуры на степень конфликтности политического процесса обусловлено социальными функциями и психологическими особенностями молодого поколения (нежеланием идти на компромиссы, неопытностью и психологической неуравновешенностью, острым восприятием социальных проблем и несправедливости). Конфликтность отношения некоторой социальной группы к обществу в целом и активный протест против него фиксируется понятиями «нонконформизм» (несогласие, неприятие норм, ценностей, целей, доминирующих в конкретной группе или в конкретном обществе) и «контркультура». Молодежные контркультуры — это наиболее ра-

дикальные разновидности молодёжных субкультур, представляющих собой альтернативные системы социокультурных норм и ценностей, усваиваемых частью подростков и молодёжи в процессе социализации, выступающих индикатором уже имеющих и только намечающихся в обществе социокультурных тенденций.

Оценка окружающего мира представителями молодёжных контркультур абстрактна. Все контркультуры считают, что мир плох и несовершенен, однако вопрос «почему?» ими практически не ставится, чаще всего акцент делается на вопросе «кто виноват?», на поиске социальных сил и условий, которые препятствуют другой, более справедливой жизни. В.И. Красиков констатирует, что чем менее культурна и образованна среда, в которой возникла молодёжная контркультура, «тем более конкретно-адресно указание на «врага», тем более связана негация с «традиционными врагами» мелкобуржуазной и рабочей среды или же этнических гетто» [3; С. 357-366].

Например, панк-культура выражает молодёжный протест, направленный против власти старших возрастных групп, которая реализуется, прежде всего, в таких структурах, как государственная машина, корпорации и шоу-бизнес. Эти структуры, по мнению представителей контркультур, нормируют, подавляют, отравляют жизнь людей, особенно молодых. Унификация и бесцельность жизни человека в современном обществе гипертрофируется идеолога-

ми контркультур, вызывает их активный протест. Критическое отстранение от мира порождает у представителей контркультур ощущение собственной значимости. Из молодёжных контркультур лишь хиппи и панки разработали свои идеалы позитивной свободы, объявив ее своей высшей ценностью. Свобода понимается ими как возможность делать так, как хочется, идти куда заблагорассудится, быть открытым для новых опытов. Свобода нужна не сама по себе, а как условие персонального роста, внешняя свобода — путь к внутренней.

Молодежные контркультуры в концентрированной форме выражают эмансипационные запросы молодых, их стремление к свободе выбора, самоопределения, жизненного экспериментирования. Как видно из молодёжных лозунгов, молодым необходимы свобода, любовь и самореализация. Большинство молодёжных контркультур удовлетворяется вызывающим поведением и времяпрепровождением, что если и не приветствуется взрослым обществом, то терпится, потому что обычно проходит к зрелому возрасту. Первоначальный радикализм 60-х гг. нынче переведен в русло плюрализма и взаимной терпимости, и общество за это время изменилось в сторону большей толерантности по отношению к молодёжным контркультурам.

Итак, молодёжная политическая культура оказывает многостороннее воздействие на политический процесс в стране, и это воздействие взаимно.

Литература

1. Борзенкова В.Г. Взгляд современной молодёжи на российское общество. Тезисы доклада на III Всероссийском социологическом конгрессе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209045145.pdf.
2. Лебедев П.А. Ценностные ориентации и достижительские стратегии активистов молодёжных движений в России. Тезисы доклада на III социологическом конгрессе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208422557.pdf.
3. Красиков В.И. Каково это — быть молодым: молодёжные контркультуры и мировоззрение // Вызовы современности и философия: мат. «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО. Кыргызско-Российский Славянский университет / Под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек, 2004.

4. Павлова Т.В. Анализ социокультурного и исторического контекста социальных движений. Тезисы доклада на III Всероссийском социологическом конгрессе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210250425.pdf

5. Пеньков В.Ф. Политическая культура как фактор развития политического процесса в современной России: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02: защищена 21.06.2002: утв. 14.02.2002. М., 2002. 381 с. — Библиогр.: с. 355-381. С. 93.

6. Самсонова Е.А. Политические ценности российской молодежи в условиях социально-политических трансформаций 1990-х годов: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Саратов, 2008. 24 с.

Коротко об авторах _____ **Briefly about the authors**

Иванова Ю.В., д-р филос. наук, профессор, кафедры социологии и социальной работы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ) ivanovayuv@gmail.com

Y. Ivanova, Doctor of Philosophical Sciences, professor, Head of sociology and social work department, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: механизмы влияния политической культуры на политический процесс

Scientific interests: mechanism of political culture influence on political process

Крикунова В.А., канд. полит. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ) krikunova18@gmail.com

V. Krikunova, Candidate of Political Sciences, assistant professor of sociology and social work department, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: механизмы влияния политической культуры на политический процесс

Scientific interests: mechanism of political culture influence on political process

УДК 323. 2

Макарова Татьяна Борисовна
Tatiana Makarova

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В XXI в.: ФАКТОРЫ, СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

STATE EDUCATION POLICY DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE XXI c.: FACTORS AND CHARACTERISTIC FEATURES

Рассматриваются проблемы развития государственной образовательной политики России в XXI в., выделяются факторы, осложняющие ее интеграцию в мировое образовательное пространство, определяются сущностные характеристики государственной образовательной политики в области бизнес-образования с позиции государственного регулирования

Ключевые слова: государственная образовательная политика, мировое образовательное пространство, факторы, бизнес-образование, государственное регулирование, сущностные характеристики

State education policy development problems of Russia in the XXI-st century are considered in the article. The author points out the factors complicating Russia's integration into the world educational space and determines characteristic features of state education policy in the sphere of business education in terms of government control

Key words: state education policy, world educational space, factors, business education, government control, characteristic features

Иntenсивное интегрированное развитие бизнес-образования, во многом определяющего уровень конкурентоспособности российской образовательной системы и траекторию ее развития в условиях мирового образовательного пространства, оказывает непосредственное влияние на эффективность процесса модернизации и дальнейшего развития системы образования Российской Федерации.

Однако интеграция России в мировой рынок образовательных услуг осложняется целым рядом факторов, таких как раздробленность образовательного пространства, слабая связь между отечественными образовательными рынками, которые различаются не только по качеству, но и по количеству предоставляемых услуг и ценовой политике, что естественно не способствует появлению сильного и устойчивого национального рынка образовательных услуг.

Новая роль государства в глобальной системе основывается не только на вертикальных, но и на горизонтальных связях между различными элементами образовательной системы с целью формирования воспроизводства интеллектуального капитала через инновационную систему образования, структура которой способствует выявлению и продвижению всех перспективных элементов для производства знаний [15].

Российская система образования многофункциональна, элементы ее структуры находятся в сложноподчиненной зависимости, доказательством этого является явная мозаичность государственного регулирования бизнес-образования. Интеграция в глобальный рынок образовательных услуг потребовала от государственной образовательной политики адаптации к его требованиям как в части выполнения функций в области высшего образования, в целом, так

и бизнес-образования, в особенности, для решения проблем модернизации высшей профессиональной школы в рамках рыночной образовательной среды.

В процессе глобализации государственное регулирование российской системы образования претерпевает качественную трансформацию, включающую ориентированность современной образовательной системы на интеграцию, расширение образовательного пространства и количества его субъектов, повышение уровня открытости и возросшую информационность.

Следовательно, модифицируются и функции государственного управления, имеющие отношение к разработке стратегии образования, созданию и реализации концепций его развития и связанных с ними программ как на государственном, так и международном уровнях, определению приоритетных направлений; к вопросам правового регулирования передачи знаний, пересмотра перечня профессий и специальностей и внесения в него соответствующих изменений, к механизму финансирования образования, внедрению новых государственных образовательных стандартов и гарантий, развитию информационных технологий в системе образования и т.д.

В этой связи пересматриваются стратегические императивы развития российского образования, определяемые государством. Они формируют стратегический образ образовательного пространства, посредством которого происходит не только его освоение, но и присвоение результатов и последствий государственного регулирования в данной сфере, модифицирующего абстрактную модель образовательного пространства в конкретное его воплощение. Не менее важными в построении стратегического образа являются цели образовательной интеграции, выхода на мировой рынок образовательных услуг, разработка маркетинговых каналов внедрения долгосрочных стратегий по реализации преимуществ российского образовательного пространства в глобализирующемся рынке образовательных услуг.

Стратегия развития российской моде-

ли образования XXI в. изложена в таких официальных правительственных документах, как Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1, ст. 1, 2, Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период до 2025 г., Приоритетный национальный проект «Образование», Концепция проекта нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (протокол от 1 июня 2009 г. № 20), Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г., Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Послания Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию 2008 – 2011 гг. План действий по модернизации общего образования на 2011–2015 гг., утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 07.09.2010 № 1507-р, и в целом ряде других документов, включая ежегодные [1-11].

Эти документы были проанализированы в соответствии со следующими стратегическими направлениями государственного регулирования:

- а) проектно-целевое;
- б) интегрирование в систему высшего профессионального образования;
- в) финансово-распределительное;
- г) контроль и оценка качества образования.

В данных стратегических документах обозначен переход от определения образования как сферы, обладающей аксиологической характеристикой, к пониманию его как «открытой и единой государственно-общественной системы на принципах децентрализации управления между государством, топ-бизнесом, потребителями [5]. В Национальной доктрине образования в Российской Федерации на период до 2025 г. говорится, что на первоначальном этапе должен соблюдаться опережающий и преимущественно бесплатный характер образовательных услуг [2], который проявляется в «формировании в сознании граждан образа образования как высшей ценности», а в последующих документах стратегичес-

кое направление развития системы образования определяется как «приоритетная новая точка роста инвестиций в человеческий капитал» [5] и выход на международный рынок в качестве экспортера образовательных услуг с объемом до 3 млрд долл. [5].

«...Наш приоритет – это производство (а в перспективе – и экспорт) знаний, новых технологий и передовой культуры. А значит, достижение лидирующих позиций в науке, в образовании, в искусстве. Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни...» [8].

Однако ни в одном из документов не принимается во внимание неравномерность распространения образовательных услуг на рынке как в обеспечении потребностей в различных уровнях образования, так и по направлениям подготовки квалифицированных кадров или при определении региональных потребностей в специалистах.

Анализ программных документов не вызывает сомнения в том, что в них уделяется большое внимание вопросам модернизации государственного регулирования высшего профессионального образования в целом. Но практически не обозначены проблемы государственного регулирования бизнес-образования, т.к. до сих пор не существует единого мнения на этот счет, поскольку, с одной стороны, существует точка зрения, что участие государства в развитии бизнес-образования должно быть минимальным. Это подтверждается и западным опытом, где бизнес-школа – это не учебное заведение, в том смысле как это понимается в России, а структура, отвечающая потребностям бизнеса. Другой взгляд на бизнес-образование учитывает его прагматический характер, оно прямо зависит от бизнес-среды, которая определяет его качество, а также потребность в нем. Эта точка зрения основывается на таких характеристиках бизнес-образования, как дополнительность и непрерывность. Исходя из этого, необходимо усиливать государственное управление, обеспечивая бизнес-образованию государственные гарантии, разрабатывая систему лицензирования, государственной

аккредитации и т.д.

До начала 2012 г. в России государственное регулирование бизнес-образования велось через лицензирование высших учебных заведений и образовательных учреждений дополнительного профессионального образования по образовательной программе дополнительного профессионального образования МВА, через государственные требования к качеству бизнес-образования [12], контролируемые советом при Министерстве образования и науки, состав которого формируют члены Российской Ассоциации бизнес-образования, а организует процесс Академия народного хозяйства при правительстве РФ [13]. На начало 2007 г. лицензию на обучение по государственному стандарту МВА получили 80 высших учебных заведений из 1200, предоставляющих услуги бизнес-образования, к 2012 г. лицензию получили – 58, лидерами российского бизнес-образования являются 10 из них.

Государственное регулирование в сфере бизнес-образования не должно сводиться к процедурам лицензирования, аттестации и аккредитации [16], регулирующая функция государства в развитии системы образования должна изменяться как по интенсивности и форме, так и по содержанию. Тем более, что с 1 января 2012 г. в России прекращена государственная аккредитация бизнес-образования, выдача дипломов государственного образца, оставлена только функция лицензирования, а аккредитация и разработка образовательных программ и Госстандарта для бизнес-образования передана общественным объединениям.

По словам председателя совета директоров Ассоциации менеджеров С. Литовченко: «Бизнес-образование имеет хорошие перспективы в России благодаря умеренному участию государства в его регулировании. Многие регулятивные функции уже переданы в руки профессионального сообщества, которое теперь должно определиться с системой оценки качества образовательных программ, способных быть максимально эффективными для российского бизнеса и соответствовать междуна-

родным стандартам. Сегодня... повышение качества бизнес-образования, его максимальная приближенность к потребностям реального бизнеса являются серьезными факторами выживания и развития ... бизнес-школ...» [14].

Однако, на наш взгляд, подобная модернизация может усилить недостатки организации бизнес-образования, связанные с системой ценообразования в бизнес-образовании и утратой государством контролирующей функции.

Таким образом, государственная политика в области бизнес-образования с позиции государственного регулирования имеет следующие сущностные характеристики:

– в основу заложен принцип децентрализации;

– финансирование инновационных проектов ведется на конкурсной основе;

– государственное регулирование не принимает во внимание неравномерность доступа к качественной системе образовательных услуг;

– государственная аккредитация основывается, в основном, на количественных, а не качественных критериях, т.к. адаптирована к системе государственного задания, в котором лидирующие позиции занимают государственные вузы (прекращается с 1 января 2012 г.);

– большая фрагментация образовательного пространства в области бизнес-образования, которая только усиливается за счет выбора бизнес-школ Москвы и Санкт-Петербурга в качестве приоритетных для развития бизнес-образования России.

Литература

1. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1, ст. 1, 2.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период до 2025 г. (одобрена постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751).
3. Приоритетный национальный проект «Образование» от 5 сентября 2005 г.
4. Концепция проекта нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (протокол от 1 июня 2009 г. № 20).
5. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. (приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393).
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г., № 1622 – р.).
7. Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г.
8. Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г.
9. Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г.
10. Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г.
11. План действий по модернизации общего образования на 2011-2015 гг., утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 07.09.2010 № 1507-р.
12. Приказ Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Мастер делового администрирования – Master of Business Administration (MBA)» от 25 августа 2003 г. № 3381.

13. Приказ Минобразования РФ от 19 ноября 2004 г. № 113 «О переименовании Экспертного совета Минобразования России по программе «Мастер делового администрирования (МВА)», об утверждении положения о нем и его состава».

14. Каллиома Л. Не тому учились. Почему выпускники МВА не смогли уберечь мир от экономического кризиса // Российская Бизнес-газета № 699 от 28 апреля 2009 г.

15. Лашко С.И. Бизнес-образование в условиях глобализации // Вестник Краснодарского краевого Центра «ЮНЕСКО». 2002. № 3.

16. Шадриков В., Геворкян Е. О процедуре комплексной оценки вуза // Высшее образование в России, 2001. № 1. С. 29-38.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Макарова Т.Б., зав. кафедрой регионоведения Северной Америки, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
dnas.head@gmail.com

T. Makarova, head of North American studies department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: политика, бизнес-образование, управление, международные отношения

Scientific interests: politics, business-education, management, international relations

УДК 316.32

Родионова Антониды Кузьминична
Antonida Rodinova

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В РОССИИ

DEMOCRATIC PRACTICES IN RUSSIA

Осуществлен анализ роли идеологических начал в процессе утверждения демократических стандартов в России. Отмечено, что политические практики 1990-х гг. отличались чрезвычайной особенностью: образцы западной демократии (индивидуализм, рыночная экономика) не редко вступали в противоречие с ментальностью российского общества. Современный этап предполагает развитие оправдавших и целесообразных для российского общества и государства демократических практик

Ключевые слова: демократия, демократические практики, гражданское общество, идеология, реформы, федеративные идеи, сепаратизм, прямая демократия

The analysis of the role of ideological beginning in the process of setting democratic standards in Russia is presented. It is pointed out that political practice of 1990-s differs by extreme peculiarity: patterns of west democracy (individualism, market economy) often contradicted with Russian mentality. Contemporary stage suggests the development of authorized and useful for Russian society and state democratic practices

Key words: democracy, democratic practices, civil society, ideology, reforms, federative ideas, separatism, direct democracy

Политические практики развития государства связаны с представлениями о его развитии на основе конкретных концепций, с идеологическими началами (взглядами и идеями), с которыми идентифицирует себя политическая элита и разделяющая ее взгляды часть общества. «В процессе своей эволюции человечество постепенно пришло к осознанию необходимости политических (светских) идеологий» [1; С. 71]. Гражданское общество представляет собой формирующуюся в процессе исторического развития форму жизнедеятельности людей. «Гражданское общество относится к категории явлений, в осмыслении которых пока не достигнута необходимая теоретическая ясность» [2; С. 105]. Оно никогда не бывает абсолютно целостным по своим взглядам в силу внешних и внутренних факторов. Общество состоит из гражданских сообществ, формируемых на основе конкретных идей, интересов наклонностей людей,

социальных различий. Однако кроме узких гражданских интересов общество делит на группы и те глобальные идеи, которые касаются путей развития государства. Целесообразность конкретной идеологии, связанной с политическими, социальными, культурными установками, очерчивается и раскрывается в ходе политических дискуссий (благодаря декларируемой свободе слова) и политических практик с использованием административного и партийного ресурсов, масс-медиа, эксплуатации харизматических качеств политиков и лидеров государства и общественных движений. Концепт формируется идеологами, в роли которых выступают, как правило, ученые, некоторые политики, партийные деятели, обладающие необходимыми способностями. Именно ученые выдвигали в свое время теорию деидеологизации (отказ от идеологии взамен на доктрину позитивизма, прагматизма и технократизма), а затем пред-

ложили теорией реидеологизации, то есть теорию восстановления роли идеологии. В современном мире наиболее распространенными стали идеологии либерализма, демократизма.

Политические практики, связанные с реализацией идеологии демократического развития, чрезвычайно разнообразны. В России их особенность была обусловлена множеством причин, среди которых специфика институциональных основ государственной власти, ее персонифицированное восприятие населением, политической культурой, обновлением политико-правовой основы государства на основе международных стандартов, «догоняющей моделью» развития государства и общества, сформировавшейся со времен Петра, полинациональным составом российского общества и т.д. Эволюции политического развития России в условиях явных и/или скрытых демократических транзитов не характерна преемственность. Ритмы реформирования в России оказывались столь стремительными, что каждый из этапов эволюции фактически начинался с «революционных толчков», несмотря на то, что идеологии прогресса, увязываемые с утверждением демократических идеалов в российской политической жизни, могли довольно долго быть обсуждаемы в обществе.

Политические концепты, связанные с демократическим реформированием формы государственного устройства, возникли в обществах, созданных декабристами. Хорошо известны проекты федеративного устройства России Н.М. Муравьева, М.А. Дмитриева-Мамонова. Они связывали переустройство формы российского государства с реформами власти: участие населения в формировании органов власти путем предоставления прав на выборы, формирование государственного аппарата на принципе разделения властей, создание многоуровневой власти. Отмеченные и многие другие изменения в политической жизни страны, по мнению авторов, несли в своей основе демократические начала, которые утвердились в Европе и Америке и оцениваемые как не менее важные, чем

просто смена унитарной формы государства. Предполагалось включение в процесс формирования органов власти населения путем предоставления права на участие в выборах, реформирование государственного аппарата на принципе разделения властей, создание многоуровневой власти и др. Отсталость в социально-политическом развитии России от европейских стран влекло число сторонников федеративной формы устройства. Наиболее яркие представители федерализации государств — это А.П. Щапов, Н.И. Костомаров, М.П. Драгоманов.

Появление федеративных идей, как наиболее необходимых для российского государства, не разрушило уверенность другой части русской интеллигенции — унитаристов, увязывающей изменения в государстве демократического характера с укреплением унитаризма. Среди представителей унитаризма конца XIX — начала XX вв. были Б.Н. Чичерин, А.С. Яценко, М.М. Ковалевский. В последующем как то, так и другое течение будет пополняться новыми именами.

Как видно, стремление к демократическим началам жизнедеятельности общества и государства было той идеологией, которая повлекла новые идеи преобразования государства (идею федерализма), не исключая традиционные взгляды (унитаризма) российской интеллигенции.

Нельзя отрицать, что демократические идеалы (устранение классовых различий, равноправие народов и т.д.) были среди прочих целей, к которым стремилась партия большевиков. В Конституциях РСФСР были сформированы разделы, касающиеся не только раскрытия сущности советского государства, но и те, где были прописаны права и свободы советских граждан (с рядом оговорок). Федеративная форма государства была воспринята большевиками как единственно возможный вариант предотвращения распада государства и разрешения национального вопроса, предупреждения различных по форме и сущности социальных конфликтов. В первой Конституции РСФСР был закреплён принцип равноправия вошедших в федерацию субъ-

ектов, добровольность их вхождения обуславливалась стремлением народов к национальному самовыражению. Была создана многоуровневая государственная власть: Советы в территориальных и национальных единицах, федеральные органы – Всероссийский съезд Советов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов. В Конституции РСФСР 1918 г. было закреплено разграничение «предметов ведения и полномочий между образуемыми уровнями власти». Таким образом, оказался закрепленным демократический характер организации власти.

«Имплантирование идеологии осуществляется, как правило, насильственно, поскольку этот процесс предполагает вытеснение прежней, привычной, ставшей родной, что обычно происходит через ожесточенную борьбу и сопротивление объектов такой имплантации» [1; С. 71]. Идеология демократического развития России была поддержана практически большинством обществом, однако имела чрезвычайно субъективированные практики. В 1920-1930-е гг. в Якутии произошел антисоветское восстание, свобода совести фактически подменялась атеизмом, тоталитарный период 1930-х гг. станет продолжением центристских начал в управлении федерацией, заложенных в Конституции РСФСР 1918 г.

Идеи декабристов по демократизации российской Империи, как отмечает А.С. Яценко, были навеяны увлечением североамериканской конституцией [3; С. 139]. Усматривал целесообразность перенять опыт федеративного строительства США П.А. Кропоткин – председатель Лиги федералистов [4; С. 52]. Большевики в силу особенностей строительства социалистического государства не стремились к заимствованию зарубежного опыта преобразования России на федеративных началах. Таким образом, утверждая в конституциях демократические начала, советское государство, прописав права и свободы граждан, организационные начала федеративного устройства, фактически «догоняло» мировую практику демократического строительства. При этом следует заметить, что

не наблюдалось абсолютного копирования как в методах осуществления государственной власти, так и в полноте предоставляемых свобод и их гарантированности. Идеология демократического преобразования российского государства содержала как наработанный опыт зарубежных (и в первую очередь западных) государств, так и субъективированные практики.

Реформирование российского общества и государства в 1990-е гг. вновь проходило под лозунгом демократизации политической жизни России. Данный процесс приобрел масштабный характер. Республика Калмыкия без простого уведомления федерального центра создала оффшорную зону, прокручивая капитал более 200 коммерческих структур и банков, находящихся за пределами Калмыкии [5; С. 16]. Сепаратизм повлечет переход Татарстана, Якутии (Саха), Башкортостана, Чеченской Республики на одноканальную модель бюджетного федерализма, что предполагает полную экономическую самостоятельность членов федерации. Одноканальная модель была отрицательно оценена как российскими политиками, учеными, так и практиками [6; С. 21]. В 1993 г. Свердловская область в одностороннем порядке официально провозгласила себя Уральской Республикой. Возникли новые институты власти, опирающиеся на дружеское и родственное окружение. Политическая элита регионов сама принимала законы, регулирующие процесс выборов, поэтому в случае неудачи результаты выборов аннулировались, и деятельность прежних лидеров продолжалась [7; С. 62].

Б.Н. Чичерин не ошибался, отмечая, что «государство есть союз абсолютный, представляющий собой высшее сочетание противоположных начал общежития личного и общественного» [8]. Обращение к 1990-м гг. подтверждает мысль, что попытки утвердить демократию, как некий идеал – задача сложная. Предполагаемые траектории развития политических процессов, социальных систем российского государства оказались далеки от ожидаемых. Причина кроется в том, что гражданское

общество, поддерживающее идеологию демократизации, должно быть развитым, а следовательно, готовым к переменным и осознающим их ценность для себя и будущих поколений. Демократические идеи в западных государствах вытекали из длительных по времени и непростых по сути политико-социальных и экономических процессов: утверждения идей о частной собственности, ценности естественных прав человека и демократических свобод для формирования личности, построения правового и социального государства.

Обновление России на демократических началах западного образца активно поддерживалось и осуществлялось новой мобилизованной элитой и массами, настроенными радикально и ориентированными на осуществление необходимых модификаций в сферах экономики, и политическим управлением государством. При этом наблюдалось откровенное игнорирование провозглашаемых демократических тезисов. «В 1990-е годы на самостоятельную политическую роль, осуществляемую через выдвижение кадров, оккупацию звеньев представительной власти, лоббирование, доходившее до прямого диктата, претендовали так называемые олигархи — верхушка ряда группировок финансово-промышленного капитала» [9; С. 19].

Утверждение демократических начал в нашем государстве в 1990-е гг. осуществлялось в ходе политической риторики, политической практики, поиска приемлемых концептов демократии: «делегативной демократии», «суверенной демократии»; «консолидированной демократии» и др. [10-12]. Демократические западные стандарты (индивидуализм, рыночная экономика, конкуренция, защита прав частной собственности) не редко вступали в противоречие с историческими образами, традициями, самоидентификацией, т.е. ментальностью российского общества.

Политическая практика 1990-х гг. повлекла масштабную децентрализацию власти, «республиканизацию», «регионали-

зацию», сепаратизм [13, С. 54; 14, С. 3].

Приход к власти В.В. Путина изменил властную конфигурацию, ввел технологии монопольного государственного управления в целях сохранения и укрепления единства системы государственной власти и целостности России. В ситуации преобладания регионализма и сепаратизма утверждение в государственном управлении технологий централизма было оправдано.

Современный период — это период новых демократических практик и целей, которые четко обозначены в работах В.В. Путина — вновь избранного на пост Президента РФ. Отмечая трудности утверждения демократических образцов в 1990-е гг., В.В. Путин предложил пути развития демократических практик, направленных на децентрализацию государственного управления в связи с «изменившимися требованиями к власти». Пакет предложений направлен на развитие политической и партийной систем, предполагается, что политическая система должна улавливать и отражать интересы больших социальных групп, необходимо развитие саморегулируемых организаций, при определенных условиях должно быть обязательным рассмотрение в парламенте наиболее важных общественных инициатив, особое внимание должно быть уделено развитию прямой демократии, «демократии малых пространств» — местного самоуправления [15].

Не имея целью цитировать статью В.В. Путина, касающуюся развития демократии в России, нам бы хотелось отметить очень важную, на наш взгляд, особенность предложенного кейса. Не исключая трансформацию в российскую политическую жизнь оправдавших себя зарубежных демократических практик, предложено развивать те демократические практики, в которых нуждается российское общество и государство, которые (несмотря на трудности 1990-х и специфику 2000-х гг.) не отторгнуты как нечто чужеродное и неприемлемое, а стали восприниматься как жизненно необходимые для развития России.

Литература

1. Пляйс Я.А. Есть ли будущее у политических идеологий // Обозреватель. М., 2010. № 9.
2. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. М., 2000. № 3.
3. Яценко А.С. Русский федерализм // Федерализм. М., 1996. № 1.
4. Обращение Московской Лиги Федералистов о задачах Лиги // Вопросы философии. М., 1991. № 11.
5. Аринин А.Н. Российская государственность и проблемы федерализма // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1997. № 105.
6. Ковалева Г. Проблемы бюджетного федерализма в контексте российских реформ // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. М., 1995. № 1.
7. Шатилов А., Нечаев В. Региональные выборы. Особенности технологии и характер предпочтений // Свободная мысль. М., 1997. № 6.
8. Чичерин Б.Н. Наука и религия // Институт философии РАН. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/Chicherin_Nauka_i_religiya.html.
9. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. М., 2009. № 2.
10. О. Донелл Г. Делегативная демократия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm>.
11. Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2007. 48 с.
12. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Pt. I-IV. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996.
13. Саква Р. Российский регионализм, выработка политического курса и государственное развитие // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. М., 1999. № 4.
14. Саква Р. Республиканизация России: суверенитет, федерализм и демократическое устройство. Этажи демократии // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. М., 1997. № 4.
15. Путин В.В. «Демократия и качество государства» // Официальный сайт Председателя Правительства РФ В.В. Путина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/18006/>.

Коротко об авторе

Родионова А.К., д-р полит. наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Читинский институт ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права»
Служ. тел.: (3022) 28-25-67

Briefly about the author

A. Rodionova, Doctor of Political Sciences, professor, theory and history of state and law department Chita Institute, Baikal State University of Economics and Law

Научные интересы: политология; политико-правовые нормы, федерализм, государственная власть, демократия, государственное управление

Scientific interests: politology, political and law norms, federalism, state power, democracy, state management

Психологические науки

УДК 159. 922.2

Сараева Надежда Михайловна
Nadejda Saraeva

ОБЩЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОСТОЯНИИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА, ПРОЖИВАЮЩЕГО В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ

THE GENERAL THEORETICAL IDEA ABOUT THE CONDITION OF MENTALITY OF PERSON LIVING IN CONDITIONS OF ECOLOGICALLY UNSUCCESSFUL VITAL ENVIRONMENT

Дано обоснование изменения состояния психики человека вследствие длительного влияния экологического неблагополучия. Обозначена проблема сохранения потенциала психики в экологически деформированных условиях жизни в связи с экологическим кризисом, переживаемым в развитых странах

Ключевые слова: регион экологического неблагополучия, жизненная среда, система «человек – жизненная среда», состояние психики, психологический статус, снижение уровня психической активности, минимизирующая психологическая адаптация

Justification of change of a condition of mentality of a person owing to long influence of ecological trouble is given. The problem of preservation of potential of mentality in ecologically deformed living conditions in connection with the ecological crisis endured in the developed countries is designated

Key words: region of ecological trouble, vital environment, system «the person – the vital environment», mentality condition, psychological status, decrease in level of mental activity, minimizing psychological adaptation

Актуальность исследования определяет-
А ся необходимостью сохранения в усло-
виях глобального экологического кризиса
физических и психических возможностей
человека, составляющих, по большому сче-
ту, главный ресурс развития любой стра-
ны, основу и гарантию ее социальной бе-
зопасности. Более 60 % населения России
[5] проживает в регионах экологического
неблагополучия (РЭН). Последствия дли-
тельного воздействия на психику человека
деформированной природной среды на тер-
риториях, экологическое неблагополучие
которых связано с природно-климатичес-

кими условиями и профилем хозяйствен-
ной деятельности, нуждаются в специаль-
ном анализе.

Целью настоящей работы является те-
оретическое обоснование изменения состо-
яния психики человека, постоянно прожи-
вающего на экологически неблагополучной
территории.

При общем признании значимости за-
дачи выяснения последствий влияния эко-
логического неблагополучия на психику
человека исследователи решают ее на раз-
ных методологических основаниях, опреде-
ляющих и разные, порой противоречивые,

выводы исследований. Они фиксируют сам факт влияния (изменения, снижения показателей психической деятельности людей в РЭН). Но факторы, «мишени», степень и последствия влияния представляются исследователям по-разному. Не подвергая сомнению значимость проведенных исследований, отметим, что назрела необходимость в обобщении, объяснении имеющихся фактов, в создании общего представления о состоянии психики человека на территориях экологического неблагополучия.

Новые перспективы открываются за рамками как монофакторного, так и комплексного подходов на основе реализации принципа системности и методологии эконсихологического подхода к развитию психики человека (В.И. Панов [15]) при изучении последствий длительного воздействия на психику в целом экологически неблагополучной жизненной среды, т.е. среды, сочетающей и природные (физико-химические), и социальные факторы и условия.

Гипотеза исследования состояла в следующем: системное рассмотрение психики в ее связях с жизненной средой позволяет допустить, что на «загрязненных» территориях возможно возникновение негативной тенденции к изменению характеристик состояния психики — общему снижению психической активности населения, родившегося и постоянно проживающего в условиях экологического неблагополучия.

В разработке проблемы влияния на психику человека экологически неблагополучной среды можно условно выделить три направления. Самым «насыщенным» является то, которое изучает воздействие массивных и малых доз радиации различного генеза на психику человека [2; 8; 10; 23 и др.].

Второе направление составляют работы, исследующие влияние других конкретных «загрязнителей» или целостной (без выделения отдельных вредных агентов) экологически неблагополучной природной (физической) среды, особых климатических условий на: а) психические процессы, состояния человека [7; 14], а также на интегральные психические образования, на

пример, интеллект [6; 20]; б) личностные проявления и характеристики [12; 21].

Работы третьего направления посвящены изучению социально-психологических последствий проживания на экологически неблагополучной территории, в том числе и радиационно зараженной [22 и др.].

Отдельно можно назвать работы, выполненные на стыке биологии и психологии, медицины и психологии [9].

Как показали эмпирические результаты многих ранее выполненных исследований и результаты эмпирической части нашей работы [17], существует генеральное отличие характеристик психической деятельности людей, проживающих на территориях с отличающимися экологическими условиями жизненной среды. Оно заключается в том, что большая или даже преобладающая часть показателей разных видов психической активности людей, живущих в условиях экологического неблагополучия, смещена с границ так называемой «средней» психической, психологической нормы на переходные диапазоны между «средней» нормой и ненормативностью. Показатели этих диапазонов обычно называют показателями «сниженной нормы», «ниже среднего уровня», «слабыми», «пограничными» (например, в оценках результатов по тестам Д. Векслера, Р. Кэттелла, Дж. Равена и др.).

Ответ на вопрос, каковы возможные механизмы изменения состояния психики (общего снижения психической активности) детского населения, проживающего на территории экологического неблагополучия, по нашему мнению, следует искать в двух направлениях.

Первое направление — это анализ уровня общей активации психической деятельности людей, проживающих на экологически неблагополучных территориях. Из-за неравного «распределения» энергии, получаемой человеком в качестве открытой самоорганизующейся системы (осуществляющей обмен со средой энергией, веществом и информацией), между различными уровнями его системной организации, и недостаточного энергетического обеспечения

психологического и социального уровней общая активация психической деятельности человека, проживающего на территориях экологического неблагополучия, оказывается сниженной.

Известно, что в процессе адаптации к природным условиям при одновременном осуществлении репродуктивных и соматических функций происходит конкуренция за энергию, запасы которой всегда ограничены [5]. Такая же конкуренция происходит при выполнении биологических и психических функций. В условиях экологического «загрязнения» природной (физической) среды адаптация к ней, а значит, и к жизненной среде в целом, затруднена и требует большего энергетического обеспечения, больших энергетических затрат, прежде всего, на биологическом уровне системной организации человека для поддержания, в первую очередь, физических, физиологических оснований его жизнедеятельности. Это влечет за собой недостаточность энергетического обеспечения на других уровнях — психологическом и социальном (личностном). Нейропсихологи называют это явление «энергетическим обкрадыванием» психической деятельности (19; С. 45). В силу названных причин снижается уровень ее активации, что и составляет реальную основу снижения параметров психологического статуса человека.

Второе направление поиска ответа на вопрос о механизмах общего снижения психической активности людей, которые проживают в условиях экологически неблагополучной жизненной среды, — анализ общих законов и механизмов адаптации. В отношении природных влияний эти механизмы известны и достаточно подробно изучены в биологии и медицине, в психологии же — только в отношении отдельных экстремальных воздействий. Мы полагаем, что те же самые адаптационные механизмы и процессы реализуются и на территориях экологического неблагополучия — в условиях не экстремальных, но хронических влияний на психику здоровых людей не вполне адекватной, экологически деформированной природной среды (как части

среды жизненной). В этом аспекте адаптационные процессы и механизмы до сих пор не рассматривались.

Возможны два основных варианта влияния на человека неадекватной природной (физической) среды и, соответственно, последствий такого влияния. Они установлены, главным образом, для биологического уровня системной организации человека [16; 18]. Но те же направления средового влияния описываются и тогда, когда речь идет о психологическом уровне [7; 13]. По сути, эти варианты характеризуют два механизма участия психики в жизнеобеспечении человека, проживающего на территории экологического неблагополучия.

Первый вариант соответствует ситуации, когда человек родился и живет в условиях значительного экологического неблагополучия, то есть когда человек оказывается в негативных средовых условиях с момента его зачатия и далее весь перинатальный период. При этом изначально возникает дефицитарность, слабость филогенетических программ гомеостатирования. Вследствие этого и организм человека в целом, и его нервная система, в частности, исходно развиваются в направлении снижения уровня функционирования, хотя благодаря пластичности филогенетических программ и не достигая в большинстве случаев границ патологии. Негативные средовые влияния изменяют нормальный процесс формирования субстрата психических функций — мозга, его филогенетически более ранних участков. Исходные изменения влекут за собой изменения надстраиваемых над ним механизмов. В результате и в психогенезе на уровне высших психических функций можно наблюдать картину разлитых, хотя, конечно, не тотальных и не радикальных изменений.

Поскольку биологические программы и основы жизнеобеспечения человека исходно изменены (ослаблены), то, соответственно, функционирование и развитие двух других уровней системной организации человека — психологического и социального — будет также измененным. В негативных экологических условиях возни-

кает дефицитарность также психического и психологического в человеке, родившемся и живущем на «загрязненной» территории. Она и проявляет себя в снижении психической активности. Степень снижения показателей зависит от силы повреждающего средового фактора.

Известно, что при достаточном функциональном резерве кратковременное умеренное напряжение адаптивных систем в пределах физиологических реакций ведет к росту уровня функционирования, и лишь с дальнейшим повышением степени напряжения адаптивных систем снижается уровень функционирования организма [1]. В этом случае преобладает мобилизационная стратегия адаптации.

Мы ведем речь об ином варианте влияния на человека неадекватной природной (физической) среды: не о разовом «адаптационном ударе» (В.И. Медведев), но о длительном, малыми дозами, негативном воздействии на организм и психику хотя и не экстремально, однако значительно «загрязненной» среды.

В этих условиях возможна первичная слабость адаптационных ресурсов человека и первичная слабость биологического «компенсаторного фонда» [4]. Затрачивая большие усилия на адаптацию, организм и психика изначально обладают меньшими функциональными возможностями. Если воздействия повреждающих средовых агентов длительны и/или попадают на ранние этапы онтогенеза человека, то возможно ослабление напряженных адаптивных систем и снижение параметров психической активности, смещение ее показателей в диапазон, не достигающий границ «средней» нормы, находящийся между «средней» нормой и ненормативностью – нижненормативный диапазон. Подобная феноменология может свидетельствовать о том, что в общем комплексе психических реакций человека на негативные средовые воздействия существует известный «перевес» реакций депрессивного характера, определяемых пониженной (экономной) функциональной активностью, над реакциями оптимальными. Из-за нагрузки, связанной

с длительным негативным влиянием экологически неблагоприятной среды и напряжением изначально менее сильных адаптивных систем, люди, родившиеся и постоянно проживающие на соответствующих территориях, по состоянию своего организма и психики находятся ближе к нижнему пределу адаптационной нормы популяции, чем те, кто проживает на экологически благополучных территориях. Они ближе к истощению своих возможностей. Между тем, известно, что в этих случаях организм переходит на режим минимизации функций [3; 11]. При превращении любого стресса в хронический энергозатратная стратегия становится весьма расточительной и уступает место трофотропной, энергосберегающей. Это своего рода щадящий режим, реализующий принцип минимизации потерь. Он и является реальной биологической основой общего снижения психической активности (выявляемого по параметрам психологического статуса) человека в условиях экологического неблагополучия.

Сниженные показатели психологического статуса людей, проживающих на территориях экологического неблагополучия, – это проявление процесса минимизирующей адаптации. Такое состояние организма и психики – это особая форма адаптации и мера адаптированности человека к условиям длительного экологического неблагополучия с вынужденной высокой ценой за сохранение жизнедеятельности.

Известно [7], что существуют три основных стратегии адаптации, то есть общей направленности адаптивного ответа, способа достижения приспособительного эффекта:

- а) стратегия компенсации (гомеостатирования);
- б) эксплуатативная (мобилизационная) стратегия, обеспечивающая новые возможности адаптации за счет перестройки гомеостатических систем;
- в) стратегия минимизации, или избегания, ухода, ареактивности.

В общем снижении психической активности людей, родившихся и живущих на территориях экологического неблагопо-

лучия, часто проявляет себя третья стратегия адаптации.

Таким образом, еще одно объяснение возникновения тенденции к изменению состояния психики людей, родившихся и живущих на территориях экологического неблагополучия, заключается в необходимости соблюдения принципа энергосбережения и минимизирующей адаптации.

Второй вариант влияния на психику человека неадекватной природной (физической) среды возникает тогда, когда человек, родившийся здоровым в условиях экологического благополучия, переезжает на значительно «загрязненную» территорию и живет здесь длительное время. Его базовые филогенетические программы изначально нормальны, и психическое развитие также соответствует норме. В условиях хронического негативного влияния экологически неблагополучной среды существующие у человека системы адаптации работают с напряжением, поначалу обеспечивая привыкание [13]. Наличие в организме напряженной системы, естественно, изменяет целостную деятельность всех других систем, что заставляет и психику, составляющую системное единство с жизненной средой, функционировать, хотя и в параметрах нормы, но часто не в границах «средней» нормы, а ниже нее, поскольку многие биологические и психические процессы оказываются слишком «затратными». Хронические негативные воздействия неадекватной физической среды требуют постоянного напряжения адаптивных систем. Их длительная работа с напряжением может вызвать истощение существующих программ жизнеобеспечения. Тогда они перестают быть оптимальными. Предупреждая истощение и срыв адаптации, организм снижает параметры своего функционирования. На выше лежащих психологическом и личностном уровнях это также проявится изменением (общим снижением) психической активности, которое может быть установлено по параметрам психологического статуса человека.

В контексте общих закономерностей адаптации *первый вариант* изменения (об-

щего снижения) психической активности, и, соответственно, показателей, составляющих параметры психологического статуса людей, следует трактовать в позитивном ключе: как адаптацию к данным средовым влияниям, как проявление на психологическом уровне компенсации изначального органического ослабления нервной и других систем организма. Общее снижение психической активности, проявлением которого служат сниженные психические и личностные показатели психологического статуса, выполняя компенсирующую функцию, является целесообразным для конкретных условий территории экологического неблагополучия.

В сниженных показателях, составляющих параметры психологического статуса коренных жителей территорий экологического неблагополучия, необходимо видеть позитивное проявление адаптационных процессов. Эти сниженные показатели есть вариант региональной нормы, позволяющей людям пусть и не в самых оптимальных пределах, но адаптироваться к исходно не вполне адекватным условиям среды. Такова цена (в том числе энергетическая) психологической адаптации людей на данных территориях.

Механизм снижения показателей психической деятельности человека, родившегося на «чистой» территории, но затем после периода нормального функционирования оказавшегося в условиях длительного экологического неблагополучия, иной, чем в первом варианте, и трактовать это явление уже необходимо как негативное, как тенденцию к декомпенсации, истощению психических сил человека в неадекватных условиях. Второй вариант больше характерен для взрослых людей зрелого возраста.

Поскольку адаптивной нормой существования человека является социальная среда, то негативные последствия воздействия экологически неблагополучной природной (физической) среды могут быть усилены или компенсированы в зависимости от того, в какой социальной среде находится человек.

В случае социальной компенсации

люди и в психологическом плане способны справиться с негативными воздействиями экологически неблагоприятной среды, осуществляя все необходимые виды деятельности (правда, о продуктивности этой деятельности все же следует говорить особо).

Системное единство психики с деформированной жизненной средой (в состав которой входит среда социальная) означает, что возможность человека быть активным без нарушения психического, психологического гомеостаза зависит не только от степени экологического «загрязнения» территории, имеющих функциональных резервов, но и от обученности его рациональному расходованию и восстановлению энергии в процессе деятельности.

Сформулируем ряд выводов по материалам статьи. На основе применения эконсихологического подхода к развитию психики сформулировано общее теоретическое представление о состоянии психики людей, родившихся и постоянно проживающих на территориях с экологически неблагоприятной жизненной средой.

Генеральным следствием длительного влияния на психику экологического неблагоприятия является возникновение тенденции к изменению ее состояния — общему снижению психической активности людей, родившихся и проживающих на территориях с деформированной жизненной средой.

Названная тенденция проявляется в психологическом статусе людей, проживающих в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды. По ряду своих параметров он отличается от психологического статуса людей, проживающих в условиях экологического благополучия. Наблюдается асимметрия распределения показателей психической активности испытуемых, проживающих на территориях экологического неблагоприятия: смещение («дрейф») показателей с границ так называемой «средней» психической, психологической нормы в нижненормативные диапазоны (диапазоны «сниженной нормы», «ниже среднего уровня», «слабые», «пограничные»).

Объяснить этот сдвиг можно двояким

образом. Во-первых, общим снижением активности психической деятельности вследствие «неравного распределения» энергии, получаемой человеком в качестве открытой самоорганизующейся системы, в пользу биологического уровня системной организации человека для поддержания в первую очередь физических, физиологических оснований его жизнедеятельности; изначальной дефицитностью филогенетических программ гомеостатирования человека, родившегося и живущего в условиях экологического неблагоприятия жизненной среды. Вследствие этого и развитие психики происходит на измененной (ослабленной) биологической, физиологической основе, что проявляется в сниженных показателях психической активности.

Во-вторых, из-за нагрузки, связанной с длительным негативным влиянием экологически неблагоприятной среды, и напряжением изначально менее сильных адаптивных систем люди, родившиеся и постоянно проживающие на соответствующих территориях, по состоянию своего организма и психики находятся ближе к нижнему пределу адаптационной нормы популяции, чем те, кто проживает на экологически благополучных территориях. Они ближе к истощению своих возможностей. В таких случаях организм переходит на режим минимизации функций. Это щадящий режим минимизирующей адаптации. Он и является реальной биологической основой изменения (снижения) показателей и психического функционирования.

С позиций адаптологии это изменение состояния психики населения, родившегося и живущего на экологически неблагоприятной территории, следует трактовать позитивно: как вариант региональной нормы, позволяющей людям пусть и не в оптимальных пределах, но адаптироваться к исходно неадекватным условиям среды. Такова цена психической, психологической адаптации людей на данных территориях.

Сила тенденции к изменению состояния психики людей на территориях с деформированной природной (физической) среды, степень подверженности изменению

различных сфер психики различна в силу ее возможностями социальной компенсации, что адаптивной нормой существования человека является социальная среда с

Литература

1. Баевский Р.М., Берсенева А.П. Донозологическая диагностика в оценке состояния здоровья // Валеология: диагностика, средства и практика обеспечения здоровья. СПб.: Наука, 1993. С. 33-48.
2. Богданов Е.Н., Иванов Г.П., Чикалов Н.А. Влияние условий радиационной загрязненности местности на психическое развитие старшеклассников // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 19-25.
3. Викулов А. О. Доктрина диагноза, хронические заболевания и гипотеза минимизирующей адаптации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: // <http://www.avikulov.ru/list.htm> (дата обращения: 05.05.2006).
4. Выготский Л. С. История развития высших психических функций: собр. соч.: в 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
5. Гичев Ю.П. Загрязнение окружающей среды и экологическая обусловленность патологии человека. Новосибирск, 2003. 136 с.
6. Грищенко П.А. Интеллектуальный потенциал подростков, проживающих в различных экологических условиях: дис. ... канд. психол. наук. М.: РГБ, 2005. 165 с.
7. Дзятковская Е.Н. Когнитивная сфера ребенка: обусловленность климато-экологическими факторами // Сибирский психологический журнал. 1998. № 7. С. 56-58.
8. Екимова В.И. Особенности психического развития школьников в условиях экологического неблагополучия: дис. ... д-ра психол. наук. М.: РГБ, 2003. 281 с.
9. Ибрагимова Г.Р. Психофизиологический мониторинг чувствительности подростков к химическим загрязнителям атмосферы: дис. ... канд. биол. наук. М.: РГБ, 2005. 151 с.
10. Изучение психологических особенностей школьников, проживающих в зоне Чернобыльской аварии. Брянск, 1994. 90 с.
11. Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.
12. Лысенко Л.В. Комбинированные методы специализированной психологической помощи подросткам, проживающим в экологически неблагоприятной среде: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2003. 167 с.
13. Медведев В.И. О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. Л., 1984. С. 3-16.
14. Михайлова О.П. Умственная работоспособность младших школьников, проживающих в условиях экологического неблагополучия, и пути ее оптимизации: дисс. ... канд. психол. наук. Иркутск: ИГПУ, 2007. 150 с.
15. Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с.
16. Патологическая физиология: учебник / Под ред. А.Д. Адо, М.А. Адо, В.И. Пыцкого, Г.В. Порядина, Ю.А. Владимирова. М.: Триада X, 2000. 574 с.
17. Сараева Н.М. Психологический статус человека, живущего на экологически неблагоприятной территории (в Читинской области): монография. М: ЛКИ, 2008. 176 с.
18. Саркисов Д.С., Пальцев М.А., Хитров Н.К. Общая патология человека. М.: Медицина, 1997. 608 с.
19. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учеб. пособие. М.: Генезис, 2005. 319 с.

20. Суханов А.А. Влияние экологически неблагоприятной среды на интеллектуальное развитие детей: дис. ... канд. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2005. 150 с.

21. Терещенко Э. В. Психологическая оценка влияния эколого-химических факторов на личностно-характерологические особенности подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2002. 21 с.

22. Хащенко Н.Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2002. 21 с.

23. Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М.: МГП «ВОТУМ – Ψ», 1992. 253 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Сараева Н.М., д-р психол. наук, профессор, кафедры теоретической и прикладной психологии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
dissovet.@zabspu.ru

N. Sarayeva, Doctor of Psychological Sciences, professor, theoretical and applied linguistics department, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: психологический статус человека, живущего на экологически неблагоприятной территории

Scientific interests: psychological status of man, living at ecologically unbalanced territory

Филологические науки

УДК 316.7

Ахметова Галия Дуфаровна
Gallia Ahmetova

РОССИЙСКИЕ ДЖУНГЛИ: ЕСТЬ ЛИ ПУТЬ К СВЕТУ? (ЮРИЙ БУЙДА. КНИГА «ЖУНГЛИ»)

RUSSIAN JUNGLE: WHETHER THERE IS A WAY TO LIGHT? (YURY BUYDA. BOOK «ZHUNGLI»)

Анализируется книга Ю. Буйды «Жунгли», на материале которой раскрываются противоречия современной жизни в России. С одной стороны, это темнота, с другой, — стремление к свету

Ключевые слова: джунгли, свет, Россия, традиции, живое слово

Y. Buyda's book «Zhungli» which reveals material contradictions of modern life in Russia is analyzed. On the one hand, it is darkness, on the other hand, — aspiration to light

Key words: jungle, light, Russia, traditions, living word

Жунгли» — это не роман, не сборник рассказов и повестей. «Жунгли» — это книга. И, как и положено, среди частей этой книги есть «Закон Жунглей». Противоречивость книги обусловлена несомненной противоречивостью самой жизни. Формально, графически противоречивость выражается странным написанием названия, отражающим просторечное произношение.

Автор, чуткий к языку, употребляет странные, на первый взгляд, слова, но обладающие, по мнению героев книги, настоящим смыслом. Язык, живое слово — вот главное достояние любого народа: «Верочка страстно ненавидела этот дом, ревновала Ивана к матери, легко затевала сцены, без которых, кажется, и жизнь ей была не жизнь. «Кста», — презрительно отозвалась однажды о ней Лета Александровна. Что означало это междометие — «кста» — она, впрочем, и сама не знала. Набор звуков. Взрыв сухих согласных, разрешающийся бескостной гласной мягкотью. Другими ругательствами она не пользовалась.

— Единственное, что мы создали подлинно своего, это язык, — заметила она как-то с усмешкой. — Все остальное — колесо, кирпич или там телеграф — могли создать и немцы. Если мы чем-то миру интересны, то лишь своим языком».

Есть ли здесь аллюзия к современному графическому (и, возможно, устному) сокращению «кста» (т.е. «кстати»), сложно сказать. Но наталкивает на эти мысли. Приведем примеры из Интернета: «Кста, новогодняя я»; «Кста, в названии темы как минимум две ошибки»; «Кста, кто знает, что белые пятна на фото?»; «Кста, забыла написать» и др.

Подобным образом используется сокращение «нра» — от «нравиться»: «Мне это больше нра»; «Это не пиар, мне правда нра»; «Мне это не нра»; «А мне нра это слово»; «Раньше мне нра».

Очевидно, подобные сокращения появились в результате интенсивной SMS-переписки, когда приходится отвечать быстро и — по возможности — экономно. Может быть, имя собственное Баба Жа,

встречающееся в книге, — тоже является сокращением (Жаба — Жа)? Как и следующее имя: «Дети же звали ее бабушкой Агатой, Ба Агатой, Багатой».

Содержательная противоречивость поддерживается неоднозначностью выражения «Закон джунглей», уходящего корнями, видимо, в «Книгу джунглей» Р. Киплинга. С одной стороны, «закон джунглей» означает — «каждый сам за себя», «всё для себя», «убей — или будешь убит», «выживание самого сильного». И это наиболее распространенное значение. Но с другой стороны, известное выражение у Р. Киплинга означало свод своеобразных законов, которым подчиняются животные в Индии: «Джунглей Заветы вечны, нетленны, точно небесная твердь. / Счастье законопослушному Волку, доля ослушника — Смерть!» Как это часто бывает, значение расширилось, приобрело социальный характер и даже стало использоваться в правовой литературе. Иногда выражение употребляют по отношению к жестоким законам улицы.

Наверное, в книге «Жунгли» есть и гоголевские мотивы — но они еще страшнее, еще противоречивее, чем у Н.В. Гоголя. Может быть, Г. Садулаев в повести «Я — чеченец!» обращается к традициям Н.В. Гоголя более явно: «Или думали, что это не про нас, это не с нами? Ответьте, по ком звонит колокол? Ну? По ком звонит колокол??? А колокол не звонит. Даже колокольчики — тренькают, бубенцы на хомуте тройки. Куда мчишься, тройка? Семерка, туз. Никуда уже ты не мчишься, катаешь новых тузов с их бубновыми дамами в дорогах мехах, с их шестерками, по Невскому проспекту, по Дворцовой площади. Подайте лошадам на корм! Подайте лошадам тройки, да на пропой возникшему, вот и вся Русь, вот и вся». Но в книге «Жунгли» — тот же мотив. Куда мчится карлик Карл, безобидный дурачок, лохматое чудовище, которых не обижали на Руси? «<...> и только Бог ведал, куда оно мчалось и где, не дай Бог, остановится... <...> Господи, куда? куда же он мчался? к какой такой цели, к какому такому идеалу, которого никто, конечно же, не мог разглядеть в глазах безумца, не

дававшего ответа, потому что он просто не мог дать ответа?»

Гоголевские традиции усматриваются и в употреблении слова «даже»: «<...> то и слова Бздо повторял все заковыристые: карфагеняне, перформанс или даже коридор (тогда как почти все нормальные люди говорили «колидор»)). Гоголевский юмор проецируется, например, и в прозе А. Рекемчука: «Некоторые двери приоткрыты, некоторые даже распахнуты настезь» (повесть «Время летних отпусков»). Известно употребление слова «даже» Н. В. Гоголем в комических целях. Приведем известные примеры из «Мертвых душ»: «Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки <...>»; «Прочие тоже были более или менее, люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские Ведомости», кто даже и совсем ничего не читал <...>».

В книге «Жунгли» отражена противоречивость: вдали от больших городов, в непроходимых джунглях, — живут люди. И они, как все на свете люди, могут одновременно привлекать и отталкивать, потому в них проявляется как низкое начало, так и светлое: «<...> и уже даже страшно было останавливаться, потому что, вознесенные на вершины сердца, люди боялись обрушиться в бездны дьявольские, где ждали их мрак, смрад и смерть...»; «Три ложки до рая, три ложки до геенны огненной». Не случайно в книге так много ненормальных, юродивых, карликов, шутов. Они могут позволить себе говорить то, что обычный человек не скажет, не решится: «У мира есть красота, — нравоучительно замечал Шут Ньютон, подворачивая штаны почти до колен, — но красоте мир не нужен»; « — И мы висим, еще как висим, еще как... — Старуха прикрыла глаза. — Над бездной лютой висим, над ужасной, и если б не душа, полетели бы мы все, человеки, в пасть...»

Жунгли — это «поселок за кольцевой автодорогой, входивший в состав Москвы <...>». Здесь живут старики, алкоголики, инвалиды, нелегалы... И живет мальчик с крыльями на спине — с уродливыми отростками, из-за чего он был похож на насекомое.

Появляется в книге и образ мусорных хрущевских джунглей.

Печальная песенка, которую поет Гальперия, наверное, ничего особенного не выражает, но опять приходит на память соответствие — теперь с романом «Щастье», автором которого является Фигль-Мигль: «Кегли, джунгли, фигли-мигли... Кегли, джунгли, фигли-мигли...» <...> — А про какие такие джунгли ты во сне бормочешь?

- Джунгли? А, джунгли... Кегли-джунгли, фигли-мигли... — Она рассмеялась. — Это стишок такой... шутка... Привязался — не отвязаться...».

Подобное противоречие, подобное взаимодействие светлого и темного, добра и зла — наверное, основной стержень литературы, в том числе и современной. В. Галактионова в романе «Спящие от печали» тоже пишет о подобном: «И снова не понимает юная Нюрочка, отчего и как это происходит — что жизнь, дремлющая веками в небытии, вдруг начинает пробиваться к свету в столь неурочный миг».

Низкий, жестокий быт, просторечное произношение, страшный порою внешний вид героев, странные имена — это с одной стороны. А с другой — свет, стремление к светлomu, надежда увидеть свет. Вот, пожалуй, две линии книги — такие разные, но пытающиеся воссоединиться.

Обратимся к первой линии — стилистически сниженной. Не будем говорить о грубых, ругательных словах и приводить их примеры. Они стали почти уже традиционным словесным рядом.

Стилистически сниженная линия проявляется, например, в выборе имен собственных: старик по прозвищу Енерал. С образом Енерала связана невольная (скорее всего!) языковая игра: «- Завидую. — Енерал нахлобучил кепку. — Пора и чай знать». В то же время этот пример также наводит на мысль о потере слова «честь», о незнании этого слова, исчезнувшего из жизни городских джунглей.

Другую героиню зовут Круглая Дуня — вполне возможно предположить аллюзию к выражению «круглая дура».

Еще одного персонажа книги зовут

Штоп. Можно и не объяснять написание имени собственного, все очень понятно, как в детских стихах Б. Заходера «Кавот и Камут»:

*Мне с постели вставать неохота:
Я боюсь наступить на Кавота, -
У меня под кроватью живет
Симпатичнейший в мире Кавот.*

*И еще с ним такая забота:
Накормить невозможно Кавота,
Так как каждый кусок почему-то
Попадает в желудок Камута.*

В книге «Жунгли» написано об этом старике, который любит зажигать спички и смотреть, как догорает огонь до самых ногтей — он любил смотреть на огонь часами: «На суде от него все пытались добиться ответа на простой вопрос — почему, зачем, с каким умыслом он это сделал, но он только и отвечал: «Ну штоп, значит, штоп...» «Штоп посмотреть, что из этого выйдет?» — не выдержал судья. «Ну, — с улыбкой ответил подсудимый, — просто, значит, штоп это самое». Так его и прозвали — Штоп».

Имя Климс в лексическом плане довольно бессмысленно, но его звучание становится значимым для маленького мальчика: «Ему было пять лет, когда отец ушел из семьи. Напоследок он избил жену, а сына запер в кладовке: «Сиди тихо, а если высунешься, тут тебя будет ждать климс». Слово «климс» прозвучало страшнее, чем «волк» или «смерть», и мальчик сидел в темной кладовке несколько часов, пока его не вызволила мать. За эти несколько часов «климс» стал людоедом, черной рукой и милиционером. Он жил в темноте и таился за каждым углом, за каждой закрытой дверью. «Климс» был огромным, как отец, и всемогущим, как отец, от него нельзя было спрятаться, он был всюду. «Климс-климс-климс», — то и дело принимался бормотать мальчик, заклиная чудовище».

Для русского языка характерно стилистическое значение фонетических средств. Возможно, в какой-то мере это субъективно, но положительная или отрицательная оценка звуков существует. И если слово

«климс» имеет отрицательную стилистическую окраску, то, например, слово «плим» из стихотворения И. Токмаковой вполне веселое и радостное:

*Ложка — это ложка,
Ложкой суп едят.
Кошка — это кошка,
У кошки семь котят.*

*Тряпка — это тряпка,
Тряпкой вытру стол.
Шапка — это шапка,
Оделся и пошел.*

*А я придумал слово,
Смешное слово — плим.
И повторяю снова:
Плим, плим, плим!*

*Вот прыгает и скачет
Плим, плим, плим!
И ничего не значит
Плим, плим, плим.*

Виртуальное произношение, отразившееся в названии книги, проходит через повествование и способствует реализации стилистически сниженной линии: «— Мое день рождение, — объявил старик».

Городские джунгли характеризуются своим городским диалектом: «А когда отутбил (по Лизиному выражению), рассказал о забавном случае». Глагол «Отудобеть (отудобить), отудбить (отутбить)» в современных словарях не зафиксирован, встречается во Владимирской области, Среднем Поволжье, означает «вернуться к нормальному состоянию; прийти в себя; оправиться; выздороветь». Приведем живые примеры из Интернета: «Урра, товарищи, я отудобила и отсудобила! 4 дня валялась болезная, а вот сегодня встала и пошла!»; «Ну вот я и дома! Немного отудоблю и отчёт напишу». В словаре В.И. Даля глагол «отудобеть» означает «ожить, отогреться, отойти; очнуться, опомниться; прийти в себя».

Как чаще всего бывает в жизни, — сниженная стилистическая линия (как и всякое зло) представлена шире и разнообразнее, чем высокая, светлая (добро всегда

менее вызывающее, не слишком заметное). Герой с именем Климс стремится к свету: «Иногда он жалел о том, что в душе человеческой нельзя зажечь огонь, чтобы осветить все углы и закоулки и выжечь тьму. Жалел об этом и боялся этого. <...> Климс не мог тронуться с места. Он почувствовал себя вдруг одиноким, преданным и омерзительным, как Иисус Христос, он задыхался, и хотелось ему сейчас только одного — света, света, черт возьми, света, а больше ничего ему не хотелось, ничего...» И образ света потом будет появляться в книге, усиливая и продолжая светлую линию повествования. Например, Анечка из рассказа «Отчет Анны Бодо» стремится к свету странным образом — погружая голову в аквариум с водой. Так ее научил знакомый — Эдик. Он говорит, что когда особенно плохо на душе, надо сделать это — погрузить голову в аквариум и увидеть свет. Да еще соседская старуха говорила с ней о тяжелой жизни: «— Очень уж одиноко на свете, — вздыхала старуха. — И бесчеловечно, особенно по ночам». И вот она попробовала, потому что вся ее жизнь сводилась к тому, чтобы считать шаги. Перед сном она записывала в тетрадку количество шагов, пройденных за день. Анечка думала, «что жить и считать шаги — это одно и то же». Свет она увидела впервые: «Открыв в воде глаза, она вдруг испугалась: вокруг был свет — много яркого света, такого невыносимого света, что Анечка испугалась, словно увидела вдруг что-то чудовищно постыдное, скрывающееся в самой заветной глубине жизни»; «Когда никто не видел, она опускала голову в аквариум и открывала глаза, чтобы снова увидеть тот свет»; «Она лежала поверх одеяла и смотрела на аквариум, в котором плавал свет уличного фонаря».

Стремление к свету называют врожденным человеческим чувством. В стихотворении М. Горького ярко звучит мысль о вечной попытке соединить две линии — темную и светлую:

*Не браните вы музу мою,
Я другой и не знал, и не знаю,
Не минувшему песнь я слагаю,
А грядущему гимны пою.*

*В незатейливой песне моей
Я пою о стремлении к свету,
Отнеситесь по-дружески к ней
И ко мне, самоучке-поэту.*

*Пусть порой моя песнь прозвучит
Тихой грустью, тоскою глубокой;
Может быть, вашу душу смягчит
Стон и ропот души одинокой.*

*Не встречайте же музу мою
Невнимательно и безучастно;
В этой жизни, больной и несчастной,
Я грядущему гимны пою.*

Стремление к свету связано с поисками смысла жизни. Анечка считает шаги. Дора считает ложки: «Когда сын как-то спяну спросил: «Зачем ты живешь, маман?» — Дора ответила не раздумывая: «Должен же кто-то ложки считать. <...> — Люди приходят и уходят, а ложки остаются, — ответила Дора. — Это все, что я поняла в этой чертовой жизни: люди уходят, а ложки остаются».

Поиски смысла жизни связаны с поисками нового языка, нового способа выражения вечных мыслей, вечных слов: «— Жизнь — лишь тень поэзии, — откликнулась тень Фили, — и кому придет в голову сравнивать высокое *люблю* с немощным *люблю*? Только не мне. *Сола...*»

Поиски смысла жизни, поиски счастья — это вечные неразрешимые вопросы. И счастье оказывается в чудесных ботинках (рассказ «Карлик Карл»): «Ботинки! Это была мечта. Это был некий рай — стоило решиться и руку протянуть, но в том-то, наверное, и русское счастье, чтобы отказать себе в нем и руку не протягивать!»; «— Посмотри, во что он их превратил, — сказала его мать Мария. — Вот тебе и счастье...»

— Счастье... — Бебе пыхнула сигарой, скрученной из палой листвы. — А что счастье? От счастья толстеют».

Герои книги переходят из одного рассказа в другой. В рассказе «Михель» вновь появляется старик Штоп, который любил зажигать спички и часами смотреть, как они гаснут одна за другой, как огонь подбирается к самым ногтям. В рассказе «Михель» детдомовский завхоз Иван Матвеевич

Михалев (Михель) зажигает огонь для детдомовского мальчика Миши Мезенцева (Мизинчика). Стремление к свету становится основой небольшого рассказа, наполненного несчастными людьми, страшными событиями, и потому даже в описании огня и света появляется темная линия повествования: «Спичка догорала и скорчивалась черным кривым трупиком, а пламя в бутылке продолжало трепетать, освещая слабым светом комнату. <...> Мизинчик погружался в это волшебное мерцающее сияние, млел, грезил, засыпал».

Каждому ли человеку дается Свет? Искра Божия? Пусть слабая, пусть неяркая — будто и не свет это вовсе, нет, не свет, а едва видимые отблески чужого пламени, чужого свечения. Ищут путь свой Божии люди. Ищут каждый из них свою дорогу, свою тропинку. Всем подарил Бог судьбу. Все обретут ее. В этом — высшая справедливость. Остается ли светлая Душа после смерти человека?

Можно говорить об этом высокими светлыми словами. Но в жизни всегда так сложно увидеть, где свет, где тьма, где Добро, где Зло.

Приведем больший фрагмент рассказа с размышлениями Михеля: «— Видал, сколько там света, — сказал однажды Иван Матвеевич, от которого пахло водкой. — Страшное дело, сколько света. Но ты не бойся, Миша. В человеке тоже есть свет. Ты вот опусти кожу на глаза и сам увидишь, сколько в тебе света. Никакая тьма этому свету не страшна. Вот интересно, где он там, в человеке, прячется, этот свет. Я спрашивал нашего доктора, а он говорит, что это эффекты. Какие ж это эффекты, если это самый настоящий свет. В мозгу его нет, в желудке нет, в печени тоже нет — так где ж он там, а? То-то, Миша. Никто не знает. Даже попы не знают. Попы говорят: душа. А где она — не знают. Не знают! Человек — вещество твердое, а свет — вещество непонятное, его руками не потрогаешь. Он как кровь или моча: бродит себе по организму и бродит... и ведь даже когда мертв человек, свет никуда не девается... — Иван Матвеевич понизил голос. — Ты понимаешь? Я

специально проверял. Зайдешь в камеру, где человек сидел, а там свет... Человека уже нет, а свет есть... Я ведь сам его только что застрелил, Миша. Боже ж ты мой, и точно знаю, что его больше нет, и знаю, что никакой души у этого гада никогда не было, он убийца и людоед, он маленького мальчика убил и съел... А свет есть... Может, это не его свет, а? Может, этот свет от человека не зависит? Как имя, например. Или как кровь. Не знаю... А свет — свет я сам видел, своими, Боже ж ты мой, глазами... Доктор говорит: это нервы... Нервы нервами, но свет-то — свет-то есть, Миша... Ты мне верь... Такой слабенький, чуть-чуть точный, то ли синенький, то ли совсем беленький... Жалкий такой. Боже ж ты мой, такой жалкий... Вот-вот погаснет, а не гаснет... Не гаснет, Миша... Человека нет, а свет есть...»

Рассказ, в котором совершаются убийства, в котором живут такие разные люди, заканчивается словами о свете: «Этот беспощадный, этот мучительный свет, этот свет любви, о, этот свет...»

Между двумя стилистическими линиями находятся устаревшие слова, имеющие разговорно-сниженную окраску: «<...> хлопоты пропали впусте». Слово «впусте» означает «попусту», «без толку». Сюда же отнесем языковую игру, часто основанную на народной этимологии: «- Зиф! — крикнула Лиза в столовую. — Это ты брал шумовку?»

Высокий мальчик лет двенадцати-тринадцати с плоским красивым лицом развел руками:

- Шумовку? Которая шумит?
- Которой мешают...
- Кому мешают?»

Языковая игра, связанная с фразеологизмами, не так часто встречается в современной прозе, в частности, употребление устойчивого сочетания в прямом значении: «<...> а потом пыталась сгореть от стыда во дворе: лила на голову спирт, чиркала спичкой <...>»; «Он не чуял под собой ни ног, ни ботинок <...>»; «<...> и мужики не осмелились поднять на нее ногу». Наверное, к этим же явлениям можно отнести выражение «красивые и страшные глаза», являющееся

неточным «отражением» сочетания «страшно красивые». Языковая игра проявляется в намеренно неправильном употреблении некоторых слов, что приводит к комическому эффекту: «Свинина Ивановна была женщиной вопиющей — рослой, с эпической грудью, широким лицом и великим носом. Она носила грозно шуршащие юбки, высокие каблуки и всегда была вся в чем-то черном, алом, бордовом с чем-нибудь золотым или темно-серебряным».

Но и эти процессы разноречивые. Например, такой языковой процесс, как «уход в метафору» выявляет низкие, страшные метафорические образы: «Крысоед стал для него метафорой русской жизни — тем более страшной, что это была и его жизнь»; «Приземистые кирпичные дома с окнами, слезившимися черной мглой, по-прежнему производили гнетущее впечатление».

Наряду с низкими метафорами есть и ставшие обычными антропоцентрические: «Тогда Муза будет принадлежать ему, Леве, принадлежать целиком — с длинными извилистыми ногами, маленькой грудью и пухлыми глупыми губами». Лева пишет прозу: «<...> стал писать дальше: «У нее были огромные глаза, дивная кожа, обворожительные пальчики и ломкие детские ножки...» Он зачеркнул «ломкие», написал «извилистые». В конце концов инопланетянка с извилистыми ногами умрет в страшных мучениях».

У Захара Прилепина встречается выражение «плавные ноги».

Метафор не слишком много в книге, которая и без того заполнена символами: «<...> выкинула провонявшую несчастьем и одиночеством мебель <...>»; «<...> надкушенный бутерброд с прослезившимся сыром <...>».

В словообразовании отмечаются окказионализмы: «Вот и сейчас в доме «дачники» дети из Карабаха и Чечни»; «Издати казалось, что это был не человек, а некое трехмеее существо».

Грамматические сдвиги, отразившиеся в несочетаемости друг с другом компонентов синтаксической конструкции, становятся нормой: «Муза на квадроцикле, Ан-

тон — косая сажень в плечах, седой ежик, длинные мощные ноги — на ослике, мать по грудь в бассейне с голубой водой...». Подобные конструкции встречаются у Захара Прилепина: «Пять человек, в дверь только бочком, плечи, большие руки и тяжелое спокойствие на лицах» (роман в рассказах «Грех»). Встречаются такие сдвиги и в прозе А. Рекемчука, что свидетельствует о традиции, с одной стороны, — а с другой, — о закономерности развития языка: «А платье на ней было шелковое, голубое, оборки понизу» (роман «Скудный Материк»).

Для синтаксиса книги «Жунгли» характерны также и длинные синтаксические конструкции, отличающиеся высоким стилем, который поддерживается ритмом.

Традиционные грамматические сдвиги (окказиональное употребление наречия) редко встречаются в книге: «Из конуры холодно пахло псиной». Редко встречается и невыделенная прямая речь, также ставшая традиционной в современной прозе: «<...> туда, только туда, куда ж еще, бормотала, выкрикивала Варвара, припуская и наддавая <...>».

Постмодернистский, почти дословный повтор встречается только один раз: «Он глубоко и размеренно дышал, слегка приседая при каждом шаге. Сердце его билось ровно и редко, как у лягушки во льду». — «Он скользил по кабелю, приседая при каждом шаге, и тренированное его сердце билось ровно и редко, как у лягушки во льду».

Окказиональными, неинтертекстуальными можно назвать сравнения: «Он холодно посмотрел на мужчину, присевшего перед ним на корточки, словно это был не человек, а существо среднего рода или какая-нибудь Швеция». Есть ли тут тонкая аллюзия к разным прочим шведам В. Маяковского? По крайней мере, мысль о такой аллюзии появляется. Есть ли тут аллюзия к фильму «Свадьба», поставлен-

ному по водевиллю А.П. Чехова? Современный писатель Эрнест Стефанович пишет: «Зачем же оставаться, если всё и попрощались? Почти, как у А. П. Чехова — позвольте вам выйти вон... Я не субъект какой-нибудь Баб-эль-Мандебский, я одушевленное имя существительное и у меня в душе свой жанр есть. У меня — далеко не все, потому — заседание продолжается. Или где?»

Приведем еще примеры сравнений: «<...> Климс говорил с трудом, словно рот у него был полон клея <...>».

Что же такое Жунгли? Может быть, современная Россия? Всегда русский народ искал счастье, искал судьбу. Всегда любил свою Родину и уходил за пределы ее в поисках лучшей доли. Противоречивость, переплетение темного и светлого, добра и зла, любви и ненависти — вот основа жизни, в этом основа книги: «Одни слова он любил, например, «голубчик» или «лесопилка», а других как будто побаивался — лицо его гасло, когда он слышал слова «трактор», «ризеншнауцер» или «Русь».

Современный человек боится искренности, прячет ее за непристойными словами, за страшными историями, за нелепыми именами: «В этом порыве смешалось невысказанное — одиночество, тоска, стыд, унижение, мечта, беззащитность, и карлик Жорж оторопел перед обжигающей, почти непристойной, почти позорной искренностью». Современный человек уверяет других, что никому не нужны патриотизм, верность, память. А. Рекемчук еще в восьмидесятые годы в повести «Железное поле» написал: «Но, вместе с тем, по нынешним понятиям, искренность смешна».

Да к тому же — на свете гораздо больше самых обычных людей, а мы порой требуем от них слишком много.

Но Свет, который непременно ожидает человека в пути, — этот Свет существует. И все это знают.

Литература

1. Буйда Ю.В. Жунгли. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
-

Коротко об авторе

Briefly about the author

Ахметова Г.Д., д-р филол. наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
galia.akhmetova@gmail.com

G. Ahmetova, Doctor of Philosophical Sciences, professor, Russian language as foreign department Zabaykalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: литературоведение, текстология

Scientific interests: literary criticism, textology

УДК 801:316

Оглезнева Елена Александровна
Elena Oglezneva

**ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ
РУССКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ)**

**LANGUAGE AND PERSONOLOGY ASPECTS
OF INTERLANGUAGE INTERACTION:
THE ANALYSIS OF RUSSION – CHINESE
INTERACTION IN THE FAR EAST**

Анализируется лингвоперсонологический аспект русско-китайского взаимодействия в Дальневосточном регионе России, а именно в Приамурье, в конце XX – начале XXI вв. в его обусловленности социальными факторами. Описаны уровни языковой компетенции рожденных в смешанных русско-китайских браках

Ключевые слова: языковой контакт, языковая ситуация, русский язык, китайский язык, языковая компетенция, смешанный брак

Interlanguage interaction primarily occurs on the individual level. Thus only the set of linguistic and personality characteristics allows to consider the results of interlanguage interaction as sociolinguistic facts. Sociolinguistic viewpoint on interlanguage interaction highlights situational and personological components of the research object. Each component in its turn demonstrates a specific result of interlanguage interaction

Key words: language contact, language situation, Russian language, Chinese language, language competence, mixed marriage

Проблема межъязыкового взаимодействия всегда была одной из центральных в языкознании [1; 2; 3; 4]. Исследователей интересовали различные собственно лингвистические и социолингвистические аспекты этого явления, среди которых изучение заимствований как самых очевидных фактов языкового взаимодействия, анализ языковой интерференции как результата нарушения норм одного языка под влиянием другого, выявление фактов диглоссии и др. [5; 6; 7; 8; 9 и др.].

Межъязыковое взаимодействие проявляется прежде всего на уровне языковой личности, и, безусловно, лишь совокупность лингвоперсонологических характеристик позволяет говорить о результатах межъязыкового взаимодействия как социолингвистических фактах.

Социолингвистический ракурс рассмотрения межъязыкового взаимодействия высвечивает ситуативную и персонологическую составляющие в объекте исследования. Каждая из составляющих, в свою очередь, демонстрирует свой результат межъязыкового взаимодействия.

Русско-китайское взаимодействие в Дальневосточном регионе в ситуативном плане демонстрирует функционирование на этой территории контактного языка – русско-китайского пиджина, который возникает всякий раз при возобновлении контактов между двумя государствами в ситуациях неофициального общения русских и китайцев примерно в одном и том же по своим лексико-грамматическим характеристикам облике [10; 11]. История возникновения и собственно языковые

особенности различных территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина подробно описаны нами в [12; 13]. Персоналогическая составляющая межъязыкового взаимодействия проявляется в такой характеристике языковой личности, участвующей в межъязыковом взаимодействии, как ее языковая компетенция. Языковая компетенция носителя языка рассматривается нами как совокупность языков и их форм, находящихся в активном и пассивном владении языковой личности. Под активным использованием языка мы понимаем говорение в различных коммуникативных ситуациях, пассивное же использование предполагает понимание речи на языке, а способность говорить проявляется слабо либо утрачена вовсе.

Условия приграничного существования русского и китайского населения неизбежно приводили и к более стабильным и прочным формам его взаимодействия, чем ситуативное прагматически направленное деловое (торгово-предпринимательское) общение, сопровождавшееся пиджином как средством коммуникации. Стабильной формой межэтнического взаимодействия в дальневосточном регионе являлся (и является) смешанный русско-китайский брак. Следует отметить, что модель смешанного русско-китайского брака асимметрична и в большинстве известных случаев соответствует следующей схеме: муж-китаец – жена-русская. Представляет интерес исследование языковой компетенции членов таких семей. Априори определим круг факторов, способных повлиять на уровень языковой компетенции членов семей, сложившихся в результате межэтнических браков. Во-первых, *место (страна) проживания семьи*. В нашем случае – это Россия или Китай. Сильным членом оппозиции из двух языков, являющихся родными для вступивших в смешанный брак, является язык, совпадающий с языком страны проживания супругов, поскольку он будет поддерживаться ситуациями официального и неофициального общения вне семьи и, следовательно, вынужденно доминировать в речевой практике. Обычно этот язык становится язы-

ком домашнего общения, на нем говорят с детьми и родственниками. Язык страны проживания может входить в состав языковой компетенции супруга нетитульной национальности, а может и отсутствовать, снижая уровень ее языковой компетенции. Во-вторых, *общественно-политическая обстановка в стране проживания вступивших в смешанный брак и проводимая этой страной языковая политика*. Лояльная по отношению к лицам нетитульной национальности языковая политика способствует сохранению родного языка супруга, живущего вне этнической родины, и, следовательно, поддерживает высокий уровень его языковой компетенции. В-третьих, для сохранения носителем своего родного языка вне этнической родины важно наличие *среды родного языка*, выходящей за рамки семейного круга: например, общение с соотечественниками схожей судьбы на языке своей родины. Коммуникация на родном языке в своей этнической группе способствует сохранению этого языка личностью в пределах своей языковой компетенции. В-четвертых, сохранению родного языка вне этнической родины способствует *осознание высокого социального и культурного статуса языка*, престижности знания этого языка его носителем, что также поддерживает высокий уровень языковой компетенции личности.

Максимальный уровень языковой компетенции личности, вступившей в брак с лицом другой национальности и говорящей на чужом языке, может быть выражен как $1/1$, где 1 – родной язык и 1 – родной язык супруга. Такой уровень языковой компетенции может быть достигнут личностью при условии, если страной ее проживания является страна супруга и постоянное нахождение в чужеродной языковой среде способствует изучению языка страны, являющейся родиной супруга, а также при условии, если на родном языке возможно общение в группе этнически близких людей и если отсутствуют ограничения и запреты на такую коммуникацию со стороны государства, что в совокупности способствует сохранению родного языка в арсенале язы-

ковой личности. Кроме того, поддержанию максимального уровня языковой компетенции способствует такой субъективный фактор, как признание высокого социально-культурного статуса обоих языков: родного и языка супруга. Уровень языковой компетенции личности по набору языков, находящихся в ее арсенале, может быть максимальным, но степень владения этими языками при этом может быть неодинаковой в пользу, как правило, родного языка.

Минимальный уровень языковой компетенции личности, вступившей в брак с лицом другой национальности и говорящей на своем языке, может быть выражен как $I/0$, где I — родной язык личности, а 0 — родной язык супруга. Личность с таким уровнем языковой компетенции не знает родного языка своего супруга. Это возможно, если второй супруг владеет неродным для себя языком, как правило, являющимся в такой ситуации и языком страны проживания супругов, и домашним языком, и, кроме того, обладает достаточно высоким социально-культурным статусом.

Названные общие схемы могут быть представлены различными своими вариациями, обусловленными сочетанием конкретных исторических обстоятельств и персональных характеристик языковых личностей. У потомков, родившихся в смешанных браках, данные схемы, характеризующие их языковую компетенцию, могут быть представлены в трансформированном виде.

Материалом для выводов об уровне языковой компетенции рожденных в смешанных русско-китайских браках явились записи речи информантов и другая информация собственно лингвистического и социолингвистического характера, собранная во время научной экспедиции 2011 г. в так называемые русские села Китая — Бяньцзян, Хатаян, Хундзян (уезд Сюньке, провинция Хэйлунцзян), расположенные на правом берегу Амура. Со слов информантов, были составлены родословные шести семей смешанного этнического состава. В Китае эти семьи оказались в большинстве своем в результате того, что русские женщины вышли замуж за китайцев и вместе с

ними в 30-40-е гг. XX в. покинули Россию или ушли с детьми за Амур — в Китай, а там вторично вышли замуж за китайцев и не вернулись в Россию. Лишь в одном случае русская семья — муж и жена — в 40-е гг., в конце Великой Отечественной войны, бежали из России с целью сохранить последнего сына, которого должны были призвать в действующую армию.

Потомки от смешанных браков русских и китайцев на приграничных территориях Китая обладают, как правило, минимальным уровнем языковой компетенции и показывают владение только языком страны проживания, являющейся в настоящее время их родиной. Возникает вопрос о причинах данного явления, о том, насколько такое положение естественно. В половине случаев мы видим утрату русского языка уже у детей, рожденных в смешанном браке, т.е. во втором поколении. Полагаем, что таких случаев большинство. Причины видятся в следующем. Во-первых, для членов смешанной семьи (жена — русская, муж — китаец), проживающих в Китае, доминирующей языковой системой, обслуживающей и неофициальное, и официальное общение, является китайский язык — язык страны проживания, на территории которой проходит жизнь семьи, а родной язык при этом постепенно становится неактуальным, он утрачивает статус даже домашнего языка (русская мать разговаривает на своем родном языке с детьми, но не с мужем-китайцем; дети в таких семьях в детстве владеют двумя языками — языком матери — русским, но основным для них становится китайский, который они, становясь взрослее, используют в большинстве коммуникативных ситуаций).

Во-вторых, на забывание и утрату русского языка русскими и их потомками на приграничных китайских территориях повлияла крайне нелояльная языковая политика Китая по отношению к русскому языку во время Культурной революции. Запрещенный язык оставался в пассивном владении у оказавшихся в Китае русских, обучать же ему своих детей становилось делом безрассудным.

В-третьих, утрате родного русского языка способствовало отсутствие на указанной территории в рассматриваемый период таких социальных институтов на родном языке, как церковь, школа, печать и др., которые могут выступать поддерживающими существование и функционирование языка факторами.

В-четвертых, носители русского языка, бежавшие в Китай, были крестьянского происхождения, как правило, не умевшими читать и писать по-русски и владевшими диалектной формой речи и, соответственно, не осознававшими высокого культурного статуса своего родного языка и его престижности. Этот субъективный, казалось бы, момент является важным и во многом определяющим результат межъязыкового взаимодействия на уровне отдельной языковой личности.

Указанные причины позволяют считать закономерным забывание и утрату русского языка потомками от смешанных браков русских и китайцев уже в первом поколении метисов. Языковая компетенция метисов в первом поколении:

а) может быть тождественна языковой компетенции родителя титульной национальности, ее составляет владение только одним языком — китайским;

б) языковую компетенцию составляет язык родителя титульной национальности — китайский (активное пользование) и язык родителя нетитульной национальности — русский (пассивное пользование).

Русский язык не был забыт теми, кто рожден в России и для кого этот язык был родным. Они навсегда, по воспоминаниям информантов, сохранили память о родине, тосковали о ней.

Заслуживает внимания противоположный факт, когда во втором поколении метисов можно наблюдать тенденцию к возрождению своей этнической памяти, которое происходит главным образом через сознательное восстановление в своей речевой практике родного языка своих предков — русского языка, расширение в своей жизнедеятельности сфер его использова-

ния. Практически во всех исследованных семьях во втором и третьем поколениях метисов среди детей и внуков имеются такие, которые сознательно изучают русский язык в среднем или высшем учебном заведении с целью его дальнейшего применения в профессиональной деятельности.

Аналогичные факты языкового существования имеют место и на приграничных с Китаем российских территориях, где отмечается компактное поселение потомков, рожденных в смешанных русско-китайских браках (например, в с. Климоуцы Свободненского р-на Амурской обл.) [см. 14], имеются китайские фамилии среди антропонимов г. Благовещенск и Амурской области.

В российском приграничье ситуация с языковой компетенцией в смешанных семьях та же, что и в китайском: потомки уже в первом поколении не знают китайского языка. Их уровень языковой компетенции также минимальный: ее составляет только один язык — русский. На формирование языковой компетенции личности, рожденной в смешанном русско-китайском браке на территории России, оказывали влияние следующие факторы.

Во-первых, язык страны проживания — русский, многофункциональный и престижный, который нивелировал значимость китайского языка в России как малофункционального, что вело к исключению этого языка из языковой компетенции потомков от смешанных русско-китайских браков.

Во-вторых, на Дальнем Востоке России в 30-е гг. сложились неблагоприятные для китайцев условия: в большинстве своем они были депортированы на родину или репрессированы. Отторжение народа не может сопровождаться привитием языка этого народа, чего и не произошло.

Однако отмечен факт возникающего и нескрываемого интереса к своим этническим корням и у «ославянившихся» потомков от смешанных браков русских и китайцев, что в настоящее время проявляется в их стремлении установить связь с родственниками в Китае, освоить китайский язык.

Литература

1. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979.
2. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Зарубежная лингвистика. III / Общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. С. 56-73.
3. Гринберг Дж. Определение меры разноязычия // Зарубежная лингвистика. III / общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. С. 88-98.
4. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
6. Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Под ред. Л.П. Крысина. М.: Едиториал УРСС, 2000.
7. Крысин Л.П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 131-156.
8. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004.
9. Крысин Л.П. Языковые заимствования как проблема диахронической социоллингвистики // Диахроническая социоллингвистика. М.: Наука, 1993.
10. Беликов В.И. Русский этнолект дальневосточного пиджина // Восток: прошлое и будущее народа: тез. докл. и сообщ. IV Всесоюзной конф. востоковедов (1991, Махачкала). Т. 1. М., 1991. С. 26-29.
11. Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура. СПб., 2006.
12. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: особенности функционирования и языковая специфика // Известия Рос. акад. наук. Сер. литер. и яз. Т. 66. 2007. № 299. С. 16-23.
13. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социоллингвистического описания. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007.
14. Архипова Н.Г., Белоусова Е.В. Соединение славянской и восточной культур в одной языковой личности // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: АМГУ, 2010. С. 130-136.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Оглезнева Е.А., д-р филол. наук, доцент, зав кафедрой русского языка, Амурский государственный университет (АмГУ), руководитель лаборатории региональной лингвистики
Служ. тел.: (8962)394583

E. Oglezneva, Doctor of Philological Sciences, assistant professor, head of Russian language department, supervisor of regional linguistics laboratory, Amur State University

Научные интересы: язык русского зарубежья, языковая контактология, социоллингвистика, диалектология, лингвоперсонология

Scientific interests: language of Russian near-abroad, language contact, sociolinguistics, dialectology, linguistic personology

УДК 398.23(571.54)

Санжитова Оксана Гомбоевна
Oksana Sanzhitova**СМЕХОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОСТИ В БУРЯТСКОМ
АНЕКДОТЕ****LAUGHING CONCEPTUALIZATION
MODERNITY OF BURYAT ANECDOTE**

Раскрывается идейно-художественная структура анекдотов о бурятах, выявляется специфика смехового начала, отражение глубинных процессов национальной культуры в юмористических жанрах народного творчества

Ключевые слова: жанр, структура анекдота, юмор, комическая ситуация, культурологические процессы, национальная ментальность

The article disclose ideologically-art structure of anecdotes about Buryats, emerge laughing source specificity, reflexing deep processes of national culture in humour genres of folk arts

Key words: genre, structure of anecdote, humour, comic situation, culturological processes, national mentality

Анекдот — жанр, который существует на протяжении веков и, вместе с тем, продолжает развиваться в условиях современности. Это один из малых жанров фольклора, который востребован и в условиях развития массовой культуры, в нем запечатлеваются и осмысливаются сложившиеся в народе стереотипы поведения, жизненные установки, модели. Для раскрытия специфики смеховой культуры бурят в ее историческом развитии важно выявить трансформационные процессы в бытовании такого малого эпического жанра как анекдот. В истории человеческой культуры значение смеховых жанров трудно переоценить, так как сферой смеха почти всегда была живая современность, самые злободневные и насущные вопросы жизни. Эта же закономерность продолжает действовать и сегодня. Исследование современного бытования устного народного творчества позволяет выявить и увидеть культурологические процессы в целом. С.Ю. Неклюдов отметил, что «жанровый ассортимент постфольклора — по сравнению с фольклором тради-

ционным — изменился самым радикальным образом... на первый план выдвинулись жанровые комплексы либо относительно недавнего происхождения (городские песни и анекдоты), либо существенно модифицированные — современные мемораты и предания...» [1].

Анекдот — краткий по своей структуре эпический жанр, с одной стороны, схож у всех народов мира; с другой, как у любого жанра, у него выявляется своя «память». Бурятский анекдот имеет свою историческую специфику. Складываясь в процессе освоения повествовательного искусства, он постепенно структурно вычленился из целого пласта устного народного творчества, в разных, в том числе и малых жанрах которого, была разлита стихия смеха. Анекдот связан с искусством новеллистического повествования. Он показывает ту же модель освоения жизненной реальности, но в предельно сокращенном варианте: так трансформируется неожиданный финал новеллы, парадоксальность сюжета в пунанте анекдота. Отражение всех этих про-

цессов прослеживается в идейно-художественной структуре и различных вариациях бурятского анекдота. Кроме того, наблюдается и национальная специфика юмора: особая пластичность в изображении мира, меткость и точность в выявлении сути явлений, в определении нарушения нормы. «Юмор национален», — отмечает П.Б. Коржева [2; С. 8]. Есть своя специфика и в бурятском юморе, основывающемся на смеховой традиции, уходящей в глубокую древность. Еще в бурятских сатирических сказках был тип героя — «хитрец», прикидывающийся дураком. В устном анекдоте он порою принимает вид отъявленного плута, и тогда неистощимые озорные проделки его становятся чуть ли не главной формой его самопроявления» [3; С. 34]. Архетипический образ плута своеобразно трансформируется в бытовании анекдота в современности. В рамках данной статьи мы прослеживаем идейно-художественное и структурно-семантическое своеобразие анекдотов о бурятах, созданных со смешением элементов бурятского и русского языков, чтобы выявить отражение в них глубинных ментально-психологических процессов в национальной самоидентификации бурят.

Как известно, «в фольклорном анекдоте важен общий контекст ситуации (логико-психологический)…» [4; С. 10]. В анекдоте особым образом моделируется материал реальной действительности, идет установка на выявление парадоксальности мира, его комическая «проверка» с точки зрения соответствия-несоответствия норме. Среди толкований понятия «комический» дается и такое понимание. Взгляд на анекдот как на «несерьезный» жанр нуждается в коррекции и теоретической разработке, так как, на наш взгляд, смеховое осмысление действительности отражает особый этап в общем осознании современности в культуре, это не просто критическое отношение, а скорее всего, пересмотр определенных ценностных установок, сформированных в коллективном сознании. Изучение анекдота как жанра устного народного творчества, таким образом, позволяет говорить и по-новому оценить культурные процессы

современности.

В бытовании бурятского анекдота еще в советское время, когда происходил постоянный взаимообмен между различными нациями и формировалось общее поле расплывались и растворялись традиционные черты, идущие от какой-либо одной национальной традиции, и происходило переосмысление жизни на другом языке — на русском. Специфически бурятские темы, тем не менее, отражают продолжающийся процесс живого освоения жизненных реалий в комическом ключе. Национальная смеховая традиция обусловила большую степень реализации именно комических жанров и в литературе, и в фольклоре. Из освоения характерных и характерологических примет меняющегося времени в конкретных жизненных ситуациях растет и современный бурятский анекдот, в котором происходит смеховое осознание трансформационных процессов в культуре и ментальности бурят.

В рассматриваемом нами пласте анекдотов, написанных на русском и бурятском языках, раскрывается национальный тип склада характера бурят, происходит претворение глубинных процессов культуры на уровне, который исторически назывался «низовым», а применительно к современности можно обозначить как массовый. В массовом сознании претворяются уже в пародийном ключе имеющиеся в национальной культуре коды и символы, так, возьмем идущее еще с советских времен обыгрывание такого образа бурят, как «налима», подразумевающего лень и инертность как черту национального характера. Как известно, любому качеству характера можно дать название с разных сторон, как с положительной, так и с отрицательной. С научной точки зрения происхождение тотема (из водной стихии) представляет собой интересную проблему, а в массовом сознании он претворяется в «образ» бурята. Понимание древности национальной культуры, которое утрачивается в современности, представляет, с одной стороны, культурологическую проблему, а с другой, в масскультуре становится объектом смеховой реакции, таков анекдот о взаимопонимании бурят и марси-

ан, говорящих на одном языке и прекрасно понимающих друг друга, в отличие от всех других просвещенных народов. Это в определенной степени и насмешка над собой.

В основе анекдота представление о совершенной «выключенности» бурятского языка из пространства современности вплоть до «инопланетности» его сути. «Прилетел на землю инопланетянин. К нему приходит англичанин: — Ду юу спик инглиш? Инопланетянин молчит. Подходит к нему немец: — Шпрехен зи дойч? Инопланетянин молчит. Подходит итальянец: — Паче ди итальяно? Он молчит. Подходит бурят: — Ши хэнбши? — Би марсианин». Комизм анекдота не только в том, что при кумулятивном сюжете — накапливании и повторе вопроса — попытке найти общий язык с иноземным существом, предстает неожиданный финал: общий язык находит представитель малой народности современного мира — бурят, но и в том, что он единственный сразу спрашивает: «Ты кто?» — «Ши хэнбши?», на что и получает адекватный ответ: «Я марсианин» — «Би марсианин».

Данный анекдот, зафиксированный в большей части своей на русском языке, конечно, понятен, в первую очередь, носителям бурятского языка. В анекдоте представители других наций, пытаясь установить контакт, деликатно спрашивают о знании именно их родного языка, бурят же сразу говорит на своем языке, задает вопрос, имеющий коммуникативную цель, который и становится общим с иноземным существом. Остается вопросом, что же тут обыгрывается в большей степени: вневположенность — «иноземность» бурятского языка в современном мире, вытесняемого под напором глобализации (это серьезный смысл, остающийся в подтексте) или же «сообразительность» и «доблесть» бурята, сразу устанавливающего контакт конкретностью своего вопроса. Скорее всего, реализуется тема второго варианта, так или иначе только бурят из ряда наций «помнит» о том, что такое общение. Но адекватность этого общения подвергается сомнению, и с точки зрения рационального сознания высеивается другой полюс — простодушие

бурята. Образ простака своеобразно преломляется в анекдоте. Сохранность веры в силу слова предстает с точки зрения современности как наивность. В структуре анекдота, таким образом, выделяется и гипертрофируется один полюс — в данном случае наивность как черта характера, что и вызывает смех, а семантическая оппозиция уходит в подтекст.

Закономерно, что при осмыслении «своего неземного лица» возникает сопоставление с представителями других наций. Общеизвестны культурологические схемы такого анекдота, так в «сравнительно-сопоставительных» анекдотах в образе русского всегда выделяются такие черты, как ловкость, находчивость, неожиданное везение, что является, в известной степени, «эхом» и отголоском фольклорных образов — персонажей русской народной сказки.

В анекдотах о бурятах же проявляется из стихии смехового и самоирония, возникает предельная степень обнажения комизма моделируемой ситуации. Так, в анекдоте, осмысливающим характерные черты бурят, привлекается необходимый контекст для объяснения тех или иных моментов внешности. В самом подходе объяснения происхождения и поиска истоков проявляется инерция мифомышления, традиционно присущего бурятам. «Раздавал Бог внешность. В первый день он раздавал глаза. Буряты опоздали и им достались маленькие. На второй день он раздавал носы, и буряты снова опоздали и получили маленький нос. На следующий день буряты пришли первыми. В этот день Бог раздавал щеки». В различных вариантах в качестве причин опоздания «на раздачу» называются определенные черты характера бурят, такие, как лень и медлительность и т.д. «Сообразительность» же и «обучаемость», извлечение урока из ситуации парадоксально оборачивается «наказанием» — большими щеками.

Отметим, что здесь обыгрывается определенный эстетический канон внешности человека — он условно отнесен к полюсу положительной оценочности: величина глаз и носа, ему противопоставлена эмоциональ-

ная «негативная» оценочность другой черты внешности: величины щек. В целом смеховое обыгрывание строится на скрытой насмешке над существованием и признанием самими же бурятами какого-либо «канона» внешности; в основе смехового — стремление к максимально возможному восстановлению объективной картины. В одном из вариантов анекдота можно увидеть предельную степень утрирования ситуации: «Когда Бог раздавал носы, бурят опоздал, а носов уже не было, только на дороге лежал маленький, затоптанный кем-то нос, который и пришлось взять». Любое преувеличение либо преуменьшение акцентирует и выявляет отход от задаваемых сознанием «норм», хотя здесь утрирование сигнализирует, что большой нос также далек от какого-либо идеала красоты. Самоирония, таким образом, становится одним из способов восстановления объективной картины мира.

Рассмотрим пласт современных анекдотов, показывающих образ бурята в контексте военных действий. В них наблюдается, прежде всего, смоделированность самой ситуации, то есть важна сама логика развертывания анекдотического повествования. Таковы, например, общеизвестные в бытовом сознании анекдоты о Штирлице, или же еще в советское время с утратой идеологического пиетета так возникли анекдоты о герое гражданской войны Чапаеве. В таких псевдоисторических анекдотах следует отметить разрушение идеологического модуса, конкретную, бытовую обусловленность житейской ситуации и самой проблемы. Она же коренится все-таки в живой современности, а возникновение комического осмысления требует своего объяснения в текущей культурологической ситуации. Возьмем, к примеру, следующий анекдот: «Война, немецкий снайпер ведет дуэль с нашими, кричит: — Эй, Иван! Тот поднимает голову — выстрел, нет Ивана. Немец: — Эй, Вася, и такая же история. Сидит бурят-снайпер и про себя думает: — А, фиг тебе, имя «Тудуп» ты точно не знаешь...».

На первый взгляд, объект комическо-

го проживания — опять же простодушная хитрость бурята, который выживает за счет малоизвестности своего имени, но не следует забывать, что здесь ситуация прежде всего моделируется. Само обращение к периоду войны и достаточно большое количество анекдотов, относящих место действия к этому периоду, симптоматично: война в любом модусе художественности ситуация экстремальная, ситуация на грани. Характерно, что в ряде анекдотов на данную тематику выживание бурята ставится в зависимость от знания или причастности родному языку, так происходит на уровне бытового сознания осмысление критической и достаточно острой ситуации заметного процесса — значительного сужения сферы функционирования бурятского языка. Национальное сознание уже в смеховой стихии показывает происходящую трансформацию по отношению к традиционным ценностям, самой национальной модели мира и фиксирует определенный момент развития ситуации.

«Взяли одного бурята немцы в плен. И говорят ему: «Шнель, шнель!» А бурят отвечает им: «Энэ шэнэль бэшэ, энэ муухай хахаршанхай телогрейка». Известный прием, столь часто используемый в бурятской литературе, а именно смешение двух языков и не просто сопоставление, а столкновение разных картин мира и комическое разрешение ситуации здесь обыгрывается дополнительно, усиливается и обостряется за счет введения третьего языка: немецкого. Прием «одно вместо другого» выявляет не просто ситуацию неадекватного восприятия ситуации бурятом, который на своем языке пытается сохранить якобы шинель (шкуру!), выдав её за плохонькую телогрейку, выявляется, как его простодушие, так и вскрывается сама его «хитрость» — обыгрывание сходства по звучанию слов: «шнель» и «шинель» как попытка ухватиться за соломинку в критической, по сути, ситуации. Здесь также показана ситуация попытки выжить, осуществляемой с помощью обращения к родному языку. «Берлин, 1945 год, славный бурятский парень сражается с фашистами, ну значит, служил

верой и правдою, дошел до самого Берлина, дойти дошел, а помирать по-глупому под конец войны че-то неохота и решил он засесть в каком-нибудь подвале и оттуда постреливать. Забегает в первый попавшийся, и смотрит: в полутемном подвальчике сидит куча народу, по каскам определив, что это свои, не растерявшись, он давай орать, достав автомат, мол, что вы тут расселись, там ваши братья гибнут, а вы тут прячетесь, щас всех перестреляю, и тут ему говорят спокойным бурятским голосом: «Болишнта, Бадма, эндэ ганса буряадууд...» (Перестань, Бадма, здесь же одни мы – буряты...). Итак, здесь три ситуации, где бурят пытается спрятаться от гибели, и комическое возникает за счет «вскрывания» его уловки, следует отметить, что это логическая уловка в первых двух анекдотах связана с формулировкой на своем языке, а в последнем анекдоте – констатация ситуации, ее массового характера. То есть в подтексте комического начала этих анекдотов – не насмешка и осмысление трусости как национальной черты характера, не забвение истории Отечественной войны, а претворение и проживание современной ситуации, что отражено в самой языковой структуре анекдота: при смешении нескольких языков бурятских предложений не только не меньше в разы, но речь на бурятском редуцируется вплоть до одного слова – до имени. «Война, перед атакой командир кричит: «Вперед, орлы!». Все несутся на врага с криком «Ура!». И только трое продолжают сидеть в окопе. Командир: – А вы почему сидите?!! – А мы не орлы, мы львы: Лев Моисеевич, Лев Абрамович и Арсалан Бадмаевич!” Комичность ситуации в выстраивании нового контекста: бурят органично «вписан» в круг евреев внутренней формой своего имени Арсалан (лев). Здесь также в основе ситуации – комическая уловка за счет игры слов, буквального исполнения команды; вскрывается и демонстрируется сама её суть: попытка избежать опасной для жизни ситуации с помощью

слова. «Неожиданным» для восприятия оказывается очевидное ранее носителям культуры значение имени Арсалан – Лев. Также здесь представлена одна из схем массового сознания, когда хитрость как черта характера осознается при сопоставлении с евреями: «Когда бурят родился, еврей заплакал». Достаточно распространенная схема «сопоставительных» анекдотов предполагает контекст также европейских народов: «Сидят как-то француз, англичанин и бурят. Ну и бурят все время загоняет про своих. Те ему: «Слышь, надоел ты про бурят рассказывать, давай про кого-нибудь другого». «Идут, — говорит тот, — два негра, Баир и Зоригто...» Имя как фактор национальной самоидентификации остается последним оплотом и носителем информации о «своем» мире в эпоху глобализации, в таком контексте очевидны и этот факт, и упорство героя-простака, чья «хитрость» так просто раскрывается и обнажается. В других фольклорных жанрах, например, в сказках, герой-простак оказывается, в конечном счете, не таким уж и простым, одно качество негласно предполагает и противоположное по модальности и оценочности.

В структуре анекдота комическая ситуация создается за счет обнажения наблюдаемого противоречия или отхода от нормы, и с помощью смеховой рецепции делается попытка восстановить изначальную целостность бытия и гармоничность мироощущения человека.

Как отмечает Н.М. Чуякова: «Анекдот как традиционный жанр фольклора развивается и распространяется очень активно. В силу быстрого реагирования на события, явления, случаи в жизни и деятельности общества анекдот является одним из популярнейших жанров устной словесности» [5; С. 208]. В анекдотах о бурятах прослеживаются современные процессы и явления, напрямую отражающие происходящий в сознании мировоззренческий сдвиг, утрату традиционных ценностей и смену жизненных установок.

Литература

1. Неклюдов С.Ю. Фольклорные традиции современного города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ongal.net>.
2. Коржева П.Б. Язык юмора и сатиры. Алма-Ата, 1979.
3. Соктоев А.Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ, 1976.
4. Курганов Е. Анекдот как жанр. М., 1997.
5. Чуякова Н.М. Сатира и юмор в устном творчестве адыгов: дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2009.

Коротко об авторе

Санжитова О.Г., ассистентка, национально-гуманитарный институт, Бурятский государственный университет
vip.mergen@mail.ru

Научные интересы: сатира и юмор в бурятском фольклоре; малые жанры бурятского фольклора, национальная картина мира бурят

Briefly about the author

O. Sanzhitova, assistant of Buryat literature department National-humanitarian institute of Buryat State University

Scientific interests: satire and humour in Buryat folklore; small genre of Buryat Folklore, national scene of Buryat world

Философские науки

УДК 129

Бернюкевич Татьяна Владимировна
Tatyana Vernyukevich

Чернявин Юрий Алексеевич
Yury Chernyavin

БУДДИЗМ И ИМПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО

BUDDHISM AND IMPERSONALISTIC CONCEPT OF L.N. TOLSTOY'S IDENTITY

Статья посвящена влиянию буддийских идей и буддийским реминисценциям в творчестве Л.Н. Толстого. В контексте буддийской философии рассматривается имперсоналистская концепция личности писателя. Особое внимание уделено работам И. Бунина и Н. Бердяева, в которых анализируется творчество писателя и проводятся аналогии между его миро- и жизнепониманием и антропологическими и сотереологическими идеями буддийской философии

Ключевые слова: буддийские идеи, философия буддизма, имперсонализм, концепция личности Л.Н. Толстого

The paper is devoted to Buddhist ideas and Buddhist reminiscences' influence on the literary creation of L.N. Tolstoy. Impersonal conception of L.N. Tolstoy personality is being interpreted in the context of Buddhist philosophy. The authors pay much attention to the papers of I. Bunin and N. Berdyaev due to both thorough analyzing of the writer's literary creation and drawing analogies between his world outlook, vital conception as well as anthropologic and Buddhist philosophic sothereologic ideas

Key words: Buddhist ideas, Buddhist philosophy, impersonalism, conception of L.N. Tolstoy personality

Изучение связей Л.Н. Толстого с Востоком началось еще при его жизни. Об этом подробно пишет автор известной книги «Толстой и Восток» Шифман. Так, он указывает, что в 1905 г. в Лондоне в журнале «Свободное слово» (№ 6) была опубликована статья В.Г. Черткова «Толстой и японцы», в которой впервые была приведена часть переписки Толстого с деятелями японской культуры. К восьмидесятилетию писателя вышел в свет альманах, содержащий высказывания ряда деятелей стран Востока о Толстом. Вскоре после смерти Толстого появился двухтомный сборник, в котором наряду со статьями и воспомина-

ниями деятелей русской культуры приведены высказывания деятелей стран Востока о Льве Толстом. В 1924 г. биограф и друг Толстого П.И. Бирюков опубликовал в журнале «Восток» (№ 6) статью, в которой изложил содержание подготовлявшегося им сборника «Толстой и Восток». Через год этот сборник вышел в свет на немецком языке. В него вошла часть переписки писателя с деятелями стран Азии, причем составителя интересовали главным образом религиозно-нравственные проблемы, и письма корреспондентов он группировал не по странам, а по религиям... [1; С. 5].

Изучение восточных связей Толстого продолжалось и в последующие годы. Шифман отмечал, что в 70-е гг. вопрос о всемирном значении Толстого, о его влиянии на мировую литературу стал объектом углубленного синтетического изучения (теоретическое осмысление этой проблемы представлено в научных трудах Н.И. Конрада, Д.Д. Благого, Н.К. Гудзия, М.Б. Храпченко, Б.Л. Сучкова, В.Р. Щербины, Б.С. Мейлаха, Б.И. Бурсова, А.В. Чичерина, К.Н. Ломунова, С.Я. Билинкиса, Е.Н. Купреяновой, С.А. Розановой и многих других литературоведов).

Идеи буддийской философии и буддийские реминисценции в работах Толстого нашли выражение как в художественных произведениях («Карма», «Очерк о Будде», «Этыты»), так и философских работах писателя («Исповедь», «О жизни», «Дневники»).

Говоря о влиянии на Толстого различных религиозных и философских концепций, следует отметить, что их выявление чрезвычайно затруднительно в силу отсутствия их терминологической, категориальной выраженности, цитирования и прочих «примет» влияния или заимствования. Следует заметить, что «контекстуальную общность» имперсоналистской концепции, рассуждений о личности и истинном смысле жизни Толстого и идей буддийской философии обнаружили и наиболее четко определили Н. Бердяев и И. Бунин.

В «переломном» произведении Толстого «Исповедь» нашел отражение мучительный процесс поиска смысла жизни, духовные искания писателя, его разочарование в том, что когда-то он считал в своей жизни важным и значимым. Писатель словно просеивает свою жизнь и жизнь тысяч таких, как он, через сито смысло-жизненных вопросов. Анализируя каждый этап своей жизни с точки зрения решения этих вопросов, Толстой описывает ту острую духовную ситуацию, когда ему казалось, что «... жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых и находил бы разумным» [2; С. 420].

Духовный кризис наступил тогда, когда Толстой имел все, что обычно называют «человеческим счастьем». Ему не было пятидесяти лет, у него была любящая и любимая жена, хорошие дети, увеличивалось его благосостояние. Росла писательская известность и уважение друзей. Он был здоров и вполне работоспособен. И именно в таком положении Толстой пришел к тому, «что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни», поскольку жизнь ему казалась «глупой и злой шуткой» [2; С. 421].

Толстой пытается узнать этот смысл жизни «во всех знаниях», обращается к истории знаний и ученым-современникам. Эти поиски привели к пониманию, что «все те, которые так же, как и я, искали в знании, точно так же ничего не нашли» [2; С. 432]. И все же, по мнению Толстого, в «истинной», а не «профессорской философии, служащей только к тому, чтобы распределить все существующие явления по новым философским графам и назвать их новыми именами», ответ всегда один и тот же, — ответ, данный Сократом, Шопенгауэром, Соломоном, Буддой». И эти ответы, в том числе и ответ Будды, Толстой приводит в «Исповеди». Толстой пытается «тезисно» представить «мудрость человеческую, когда она отвечает на вопрос жизни: «... “Жить с сознанием неизбежности страданий, ослабления, старости и смерти нельзя — надо освободить себя от жизни, от всякой возможности жизни”, — говорит Будда» [2; С. 432-433].

И это подлинно философское знание, как пишет Толстой, подтвердило его отчаяние, то, что его размышления не есть плод его заблуждения или «болезненного состояния ума», а в постановке этого вопроса он «сошелся с выводами сильнейших умов человечества»: «Обманывать себя нечего. Все — суета. Счастлив, кто не родился, смерть лучше жизни; надо избавиться от нее» [2; С. 432-433].

Подробно излагает Толстой легенду о принце Сиддхарте, увидевшем старость, болезнь и смерть: «... и Сакиа-Муни не мог

найти утешения в жизни, и он решил, что жизнь — величайшее зло, и все силы души употребил на то, чтоб освободиться от нее и освободить других. И освободить так, чтоб и после смерти жизнь не возобновлялась как-нибудь, чтоб уничтожить жизнь совсем, в корне. Это говорит вся индийская мудрость» [2; С. 432].

Из поиска смысла жизни Толстой видит четыре выхода. Один выход: не понимать, что жизнь есть бессмыслица, зло и суета. И этот выход был уже закрыт для самого Толстого, который «уже не мог не знать этого...». Второй выход: пользоваться жизнью, какая она есть. Но писатель не мог, по его выражению, «радоваться минутной случайности, кинувшей на мгновение наслаждение на мою долю»: «Я, как Сакиа-Муни, не мог ехать на охоту, когда знал, что есть старость, страдания, смерть». Третий выход: прекратить зло и глупость, убить себя — и герой-автор «Исповеди» был близок к нему. Четвертый выход — «жить в положении Соломона, Шопенгауэра — знать, что жизнь есть глупая, сыгранная надо мною шутка, и все-таки жить... и даже книжки писать. Это было «отвратительно», но герой произведения, по его собственному признанию, жил именно так [2; С. 435]. Этот выход не устраивал писателя, поскольку нельзя жить в мучительной раздвоенности отсутствия смысла жизни и выполнения тех самых действий, которые увеличивают ощущение ее ненужности и бессмысленности.

Духовные устремления привели Толстого к мысли о том, «что для того, чтобы человек мог жить, ему нужно или не видеть бесконечного, или иметь такое объяснение смысла жизни, при котором конечное приравнивалось бы бесконечному» [2; С. 441]. И тогда писатель обратился к поискам вечного, поискам Бога: «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога». И сильнее чем когда-нибудь все осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня» [2; С. 449]. Бога Толстой решил найти в той вере, которая есть у народа. Но оказалось, что ряд неотъемлемых черт наблюдаемой Толстым церковной жизни и православной жизни народа невозможно

объяснить, апеллируя к данной разумности и целесообразности. А без подобного подтверждения и рационального обоснования вера теряет для Толстого свое антропологическое значение (за что эта концепция человека подверглась жесткой критике со стороны Н. Бердяева и многих других русских религиозных философов) [3; С. 111-112].

Заканчивается «Исповедь» сном, который выразил в «сжатом виде» все то, что пережил и описал художник. Что же снилось автору? «Я гляжу вниз и не верю своим глазам. Не то что я на высоте, подобной высоте высочайшей башни или горы, а я на такой высоте, какую я не мог никогда вообразить себе... Я не могу даже разобрать — вижу ли я что-нибудь там, внизу, в той бездонной пропасти, над которой я вишу и куда меня тянет. Сердце сжимается, и я испытываю ужас. Смотреть туда ужасно. Если я буду смотреть туда, я чувствую, что я сейчас соскользну с последних помочей и погибну.... Вверху тоже бездна. Я смотрю в эту бездну неба и стараюсь забыть о бездне внизу, и, действительно, я забываю. Бесконечность внизу отталкивает и ужасает меня; бесконечность вверху притягивает и утверждает меня...

И я не столько оглядываюсь, сколько всем телом своим испытываю ту точку опоры, на которой я держусь. И вижу, что я уж не вишу и не падаю, а держусь крепко. Я спрашиваю себя, как я держусь, ощупываюсь, оглядываюсь и вижу, что подо мной, под серединой моего тела, одна помоча, и что, глядя вверх, я лежу на ней в самом устойчивом равновесии, что она одна и держала прежде... Оказывается, что в головах у меня стоит столб, и твердость этого столба не подлежит никакому сомнению, несмотря на то, что стоять этому тонкому столбу не на чем. Потом от столба проведена петля как-то очень хитро и вместе просто, и если лежишь на этой петле серединой тела и смотришь вверх, то даже и вопроса не может быть о падении. Все это мне было ясно, и я был рад и спокоен. И как будто кто-то мне говорит: смотри же, запомни. И я проснулся» [3; С. 460-461].

Что же держит автора-героя над пропастью? Что придает устойчивое равновесие ему — висящему над бездной? Что дает силы смотреть в бесконечность вверх и забыть о бездне внизу?

Вера в бесконечный смысл жизни — вот что держит человека над бездонной пропастью и ужасом конечной индивидуальной жизни.

Обоснованию этой веры в надындивидуальный, внепространственный и вневременной смысл человеческой жизни посвящено литературно-философское произведение Толстого «О жизни». По существу, именно в данной работе представлена в наиболее оформленном виде концепция личности Толстого. Хотя, бесспорно, все художественное творчество писателя есть ее выражение. Если говорить о созвучности идей Толстого и буддийской философии, нашедшей отражение в работе Толстого «О жизни», то, безусловно, это совпадение мировоззренческое, глубинное, трудно поддающееся экспликации. Это не сюжеты или сюжетные мотивы буддийских легенд (подобные рассказам «Карма», «Очерк о Будде», «Это ты» или реминисценциям в «Исповеди»). Это внутреннее совпадение с тем самым «отрицательным универсализмом» буддизма (о котором писал В. Соловьев), антиперсонализмом и идеями буддийской сотереологии.

Вероятно, это имел в виду Н. Бердяев, когда достаточно категорично относил способы рассмотрения личности и пути спасения человека у Толстого к нехристианским и, в частности, к буддийским: «... я всегда думал и продолжаю думать, что мировоззрение Л. Толстого не христианское, скорее буддийское... Зло для него есть ложное сознание, добро есть истинное сознание. Иррационально-волевого источника зла он не видит. Это совсем сократовская точка зрения. Он приближается также к буддизму, для которого спасение есть дело познания. Поэтому он не только не понимает тайны искупления, но относится к ней с отвращением. Сама идея искупления представляется ему безнравственной. Его возмущает учение о даровой благодати. Он пропове-

дует спасение, и в этом близок к буддизму. У него какое-то окамененное нечувствие к личности Христа-Спасителя» [3; С. 115].

Определение буддийских интенций в трудах Толстого невозможно без рассмотрения общего замысла и особенностей его работ. Во вступлении к работе «О жизни» писатель определяет цели исследования человеком его жизни. Эта цель, по его мнению, заключается в том, что человек исследует жизнь «только для того, чтобы она была лучше». Но в этой, реальной, исследуемой им жизни существует, казалось бы, непреодолимое противоречие, которое заключается в том, что человек стремится жить для достижения блага и ему кажется, что именно так он живет по-настоящему, но «эта единственно чувствуемая им жизнь оказывается чем-то обманчивым и невозможным. Тех, кто открывал человечеству с древнейших времен сущность жизни, писатель называет «просветителями человечества». Он перечисляет и характеризует определения этих величайших «просветителей»: Конфуция, Лао-Цзы, Христа и Будды: «... “Жизнь — это отречение от себя для достижения блаженной нирваны,” — сказал Будда, современник Конфуция...» [4; С. 433-434]. Эти «определения жизни», по мнению Толстого, «теоретически верны» и подтверждаются опытом миллионов людей [4; С. 433-434].

Значительное место в антропологической концепции Толстого занимает рассмотрение «животной личности». По мнению писателя, от смешения жизни животного с жизнью человеческой и происходит раздвоение сознания человека, его ложное сознание утверждает его в мысли, что его жизнь «есть период времени от рождения до смерти». Для того, чтобы жить не животной, а истинной жизнью, требуется «отречение от личности», понимаемое им как «подчинение ее разумному началу» [4; С. 476]. Поскольку в понимании Толстого личность — это, прежде всего, стремление к личному благу, поэтому нужно перестать считать жизнь личности истинной жизнью. Он писал о буддизме как учении, определяющем именно такой путь поиска истины: «С древ-

нейших времен учение о том, что признание своей жизни в личности есть уничтожение жизни и что отречение от блага личности есть единственный путь достижения жизни, было проповедуемо великими учителями человечества» [4; С. 476].

Если обратиться к оценке имперсоналистической концепции Толстого Бердяевым, то русский религиозный философ дает ее описание как вполне буддийской: «Границы толстовского сознания определились тем, что для него совершенно было закрыто христианское сознание о личности и о свободе. В этом отношении он был индусом. Индусское сознание не понимает личности и свободы, оно имперсоналистично и детерминистично. И для Толстого нет личности человека, нет личности Бога, есть лишь безликое божественное начало, лежащее в основе жизни и действующее по непреложному закону» [3; С. 116]. Другими причинами отнесения Бердяевым учения Толстого к ветхозаветной или буддийской религии являются особенности отношения Толстого к Любви, к личности Бога и Спасителя. По мнению Бердяева, «Л. Толстой последовательно исповедует религию закона, религию ветхозаветную. Религия благодати, религия новозаветная ему чужда и неизвестна. Уж скорее Толстой буддист, чем христианин. Буддизм есть религия самоспасения, как и религия Толстого. Буддизм не знает личности Бога, личности Спасителя и личности спасаемого. Буддизм есть религия сострадания, а не любви» [3; С. 124].

В работе «О жизни» Толстой пытается понять причины и смысл таких экзистенциальных составляющих человеческой жизни, как страдание и страх смерти. Страх смерти, по его мнению, связан с осознанием конечности жизни: «... Страх смерти происходит оттого, что люди принимают за жизнь одну маленькую, их же ложным представлением ограниченную часть ее. Эта ограниченная часть всего лишь видимая жизнь, являющаяся частью бесконечного движения жизни» [4; С. 494].

Рассмотрение темы смерти в творчестве Толстого занимает значительное место в проникновенной работе И. Бунина «Ос-

вобождение Толстого». О Толстом Бунин пишет: «Он, «счастливый», увидел в жизни только одно ужасное. В какой жизни? В русской, в общеевропейской, в своей собственной, домашней? Но все эти жизни только капли в море. И эти жизни ужасны, и в них невыносимо существовать, но ужаснее всего главное: невыносима всякая человеческая жизнь — «пока не найден смысл ее, (спасение от смерти)» [5; С. 125].

Но смерть при понимании смысла истинной жизни — это освобождение и пробуждение от конечной, мучительной животной жизни. Бунин приводит отрывки из «Войны и мира», описывающие предсмертный сон Андрея Болконского: «... «Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение», вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его...

С этого началось для князя Андрея вместе с пробуждением от сна пробуждение от жизни... <курсив Бунина> .

Сближая идеи Толстого с буддизмом и буддийской философией, Бунин выделяет в качестве специфически близкой буддизму черты особую память Толстого, нашедшую яркое отражение в воспоминаниях Толстого о своем младенчестве и раннем детстве. Для определения причины этого свойства памяти великого писателя («... Что же это такое? Нечто такое, с чем рождаются только уже совсем «вырождающиеся» люди: «Я помню, что мириады лет тому назад я был козленком», — говорил Будда уже совсем страшными словами. И что означает наличие такой «памяти»?» [5; С. 46-47]). Бунин обращается к своим впечатлениям от поездок на Восток: «Вскоре после смерти Толстого я был в индийских тропиках... И кое-что из того, что думал и чувствовал и в индийских тропиках, и в летние ночи на этих берегах, под немолчный звон ночных степных цикад, впоследствии написал:

— Некоторый род людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не

только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, «способностью перевоплощаться», и особенно живой и особенно образной (чувственной) «памятью». Для того же, чтобы быть в числе таких людей, надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его мышления и с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащенной за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью» [5; С. 47].

Другим особенным качеством Толстого является чувство всеобщего. Это чувство всебытия было свойственно великим людям и выражалось не только в целостности их жизни, но и в ее мучительном противоречии. Бунин пишет: «И вот — поэты, художники, святые, мудрецы, Будда, Соломон, Толстой... Все подобные им сперва с великой жадностью приемлют мир, затем с великой страстностью клянут его соблазны. Все они сперва великие грешники, потом великие враги греха, сперва великие стяжатели, потом великие расточители. Все они ненасытные рабы Майи — и все отличаются все возрастающим с годами чувством Всебытия и неминуемого в нем исчезновения...» [5; С. 48].

И Бунин, и Бердяев увидели удивительные совпадения миро- и жизнепонимания Толстого с метафизическими и сотериологическими идеями буддизма. Для Бердяева — это проявление схематичной рационализации бытия человека в творчестве писателя, бедности религиозного чувства Толстого и доказательство его отпадения от христианства. Для Бунина же — возможность понимания величия творчества и жизни великого русского писателя как одного из мудрецов, «разорвавших Цепь»,

освободившихся от пут тщетной и конечной индивидуальной жизни к жизни безграничной и вечной.

Бердяев о духовной значимости Толстого говорил, что «сила Толстого в деле религиозного возрождения [исключительно] (главным образом) отрицательно-критическая. Он безмерно много сделал для пробуждения от религиозной спячки, но не для углубления религиозного сознания... Л. Толстой самый последовательный и самый крайний анархист-идеалист, какого только знает история человеческой мысли. ... Но толстовский анархический бунт нужен был миру... Бунт этот предваряет грядущее христианское возрождение... Без толстовской критики и толстовского искания мы были бы хуже и проснулись бы позже... [5; С. 143].

Бунин попытался понять кризис и духовное преображение Толстого в ряду преображения святых и мудрецов. И жизнь Толстого, кажется ему, еще одной попыткой разорвать Цепь земной конечной жизни: «Есть два рода людей. В одном, огромном, — люди своего, определенного момента, житейского строительства, делания, люди как бы почти без прошлого, без предков, верные звенья той Цепи, о которой говорит мудрость Индии: что им до того, что так страшно ускользают в безграничность и начало и конец этой Цепи? А в другом, малом, не только не делатели, не строители, а сущие разорители, уже познавшие тщету делания и строения, люди мечты, созерцания, удивления себе и миру, люди того “умствования”, о котором говорит Екклесиаст, — люди, уже втайне откликнувшиеся на древний зов: “Выйди из Цепи!” — уже жаждущие раствориться, исчезнуть во Всеедином и вместе с тем еще люто страждущие, тоскующие о всех тех ликах, воплощениях, в коих пребывали они, особенно же о каждом миге своего настоящего...» [5; С. 49].

Литература

1. Шифман И.О. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971.
2. Толстой Л.Н. Исповедь // Избранные сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Художественная литература, 1989.
3. Бердяев Н. Л. Толстой / Типы религиозной мысли в России. Собр. соч.: Т. III. Париж: YMCA-Press, 1989.
4. Толстой Л. О жизни / Избранные философские произведения. М., 1992.
5. Бунин И. Освобождение Толстого / Собр. соч. в 9-ти т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1987.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Бернюкевич Т.В., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
bernyukevich@inbox.ru

T. Bernyukevich, Doctor of Philosophical Sciences, professor of philosophy, theory and culture's history department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: философия культуры, философия религии, буддийская философия

Scientific interests: philosophy of culture, philosophy of religion, Buddhism philosophy

Чернявин Ю.А., д-р филос. наук, профессор, кафедра философии, теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
bernyukevich@inbox.ru

Ya. Chernyavin, Doctor of Philosophical Sciences, professor, philosophy, theory and history of culture department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: философия культуры, философия религии

Scientific interests: philosophy of culture, philosophy of religion

УДК 340 +101.1:316

Дробышевский Владимир Станиславович
Vladimir Drobyshevsky

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

THE PRESENT STAGE IN LAW DEVELOPMENT: EXPERIENCE OF THE SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Основываясь на анализе российской философско-правовой традиции и современного состояния права, автор выявляет особенности современного этапа развития юриспруденции и кризиса права. Делается вывод о повышении значимости исследований философско-правовых аспектов, являющихся необходимой предпосылкой успешной реформы правовой системы. Особое внимание уделяется рассмотрению специфики аксиологического подхода в юриспруденции, самих правовых ценностей

Ключевые слова: юриспруденция, реформа правовой системы, кризис права, правовые ценности

Being based on the analysis of the Russian philosophical and legal tradition and current state of right, the author reveals features of the present stage development of law and right crisis. The conclusion about increase of researches importance of philosophical and legal aspects being the necessary precondition of successful reform of legal system is drawn. The special attention is given to consideration of specifics of an axiological approach in law, legal values

Key words: law, reform of legal system, right crisis, legal values

Современный этап развития права отражает основную тенденцию мирового развития, тенденцию становления единого правового пространства, возрастания роли нормотворческой деятельности и правовой науки, в частности. Однако данная характеристика современного развития права, по нашему мнению, носит односторонний характер и может быть представлена в виде проблемы кризиса права, понимаемого как важнейший момент развития, момент перехода права в новое качество, требующего возрастания роли философско-правовых исследований. Попытки решить назревшие проблемы правовой теории путём механического количественного увеличения числа нормативных актов без серьёзной проработки методологических вопросов в данном случае только усиливает кризисные явления. Следует иметь в виду, что кризис

права отражает, с одной стороны, кризис современной культуры в целом, а с другой – имеет свои специфические черты.

Кризис права, как проявление общего кризиса современной культуры, – не сегодняшнее явление. Он рассмотрен еще в работах П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, П.А. Сорокина и др. русских мыслителей.

Следует различать отдельные стороны кризиса права. Его проявлением стало «бегство от права», в основе которого лежит недоверие граждан к возможностям правовой системы решить их проблемы в законном порядке (для России «бегство от права» выступает в крайне опасной форме принятия криминальными кругами функций правоохранительных органов, судов).

Кризис права проявляется также в особенностях развития системы правоохрани-

тельных органов, количественный рост которых несоразмерен эффективности их деятельности.

Проявлением кризиса права является также уменьшение роли законодательных, представительных органов власти и соответствующее возрастание роли исполнительных органов.

Кризис права проявляется и в области теории. Например, можно говорить о кризисе философии права. Данный кризис, проявившийся в чрезмерном распространении позитивистской концепции права, был частично (и, что более существенно, временно) преодолен в результате использования социологических методов и возрождения концепции естественного права (напомним, что вынесение социологической школы права за рамки позитивизма характерно преимущественно для западной юридической мысли, в философии права, разработанной П.И. Новгородцевым, социологическое направление рассматривается как разновидность «позитивистической школы»). Это дало основание некоторым авторам говорить о данном кризисе как об историческом явлении, относящемся к концу прошлого — началу нынешнего веков.

Проблема кризиса государства и права интересовала многих западных и российских мыслителей. Апофеоз идеи права и государства, наблюдавшийся в трудах французских просветителей и Гегеля, уже ко второй половине XIX в. сменился пессимизмом.

Такое изменение в оценке государства и права отражает их (государства и права) реальный кризис. Представители разных поколений русских юристов, *«самый крупный из старых и самый выдающийся из молодых, Чичерин и Петражицкий — единогласно заявили о разложении правосознания в современной науке»* [1; С. 286], — отмечает в начале XX в. П.И. Новгородцев. Кризис права отмечается и такими крупными мыслителями, как С.Н. Булгаков и Б.П. Вышеславцев.

Однако, если для названных мыслителей кризис права был всего лишь одним

из моментов их творческой деятельности, то для П.И. Новгородцева кризис правосознания — предмет постоянного научного интереса. Еще одно достоинство рассмотрения проблемы кризиса права у П.И. Новгородцева — это то, что у него речь идет о сущностных моментах. Кризис рассматривается ученым как порождение кризиса определенной, западной культуры. Уже в его речи 1901 г. «Идеи права в философии Вл. С. Соловьева» начинает звучать тема кризиса права. Он пишет: *«Конец XIX века ознаменовался для науки права некоторыми печальными результатами. Не то чтобы специальная работа в ней уменьшилась, но руководящие идеи и существенные основы затемнились и утратились»*. Результатом этого стало то, что *«...высокий нравственный авторитет юриспруденции утрачен»* [1; С. 285-286]. Вслед за разработкой проблем естественного права П.И. Новгородцев в 1909 г. пишет работу «Введение в философию права. Кризис современного правосознания». Именно в этом произведении содержится основной критический анализ современного правосознания.

С 1917 г. начинается качественно новый этап эволюции философско-правовых взглядов П.И. Новгородцева. Этот этап связан с развитием религиозных моментов его учения. Кризис современной культуры и права представляется ему как кризис безрелигиозного Запада. П.И. Новгородцев различает две формы утопии, возникшие на Западе: индивидуалистическую и социалистическую. Гносеологические корни этих утопий, по его мнению, едины — это рационализированное сознание. В основной работе этого периода «Об общественном идеале» П.И. Новгородцев продолжает рассмотрение проблемы кризиса правосознания, но уже с позиции осуществимости на земле «общественного идеала». *«Тревожная сложность, представляющаяся безнадежной запутанностью»* [1; С. 285-286]. Так характеризует П.И. Новгородцев положение в социальной философии. Непредвзятый анализ современного положения как в социальной философии, так и в философии права показывает, что эта харак-

теристика полностью (а может быть, даже в большей мере, чем в начале XX в.) применима к современности.

С эволюцией философско-правовых взглядов П.И. Новгородцева меняется его понимание соотношения нравственности и права. Он отказывается от понимания их в отдельности, основывая право непосредственно на нравственности. Онтологической стороной этого процесса является синтез личности и общества, универсализма и индивидуализма. Это не означает отрицания права вообще. *«Когда отвергают право в самой идее, называя его насильем, — отмечал еще в начале своей творческой деятельности П.И. Новгородцев, — то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свобод»* [1; С. 298]. Идеалом при этом является вселенская солидарность. *«Не вера в земной рай, который оказывается по существу недостижимым, а вера в человеческое действие и нравственное долженствование — вот что становится здесь перед нами. Не обетованная земля, а непреклонная человеческая личность, такова наша последняя опора»*.

Основной задачей, которую решает ученый, является переход от принципа суверенитета к принципу личности. Цель правового государства — создание условий для развития личности.

Отсутствие общей воли в этом случае выступает как крушение идеи справедливого государства. Не изменяет положения, как показывает П.И. Новгородцев, и более поздняя замена идеи справедливой общей воли принципом народного представительства, дополненного разнообразными системами избирательного права. Предположение о том, что в результате использования выборных органов возможно раскрытие народной воли через представительство или ее (общей воли) образование, также оказывается несостоятельным. Рассматривая такое модное в настоящее время понятие, как «общественное мнение», П.И. Новгородцев приходит к неутешительному выводу. *«Будучи по способу своего образования го-*

раздо более пассивным, чем активным, общественное мнение, во-первых, не может быть прочным и устойчивым, во-вторых, не может охватывать область политических вопросов во всей полноте их практической постановки» [1; С. 88]. Общая воля оказывается нереальной как со стороны ее источника, так и со стороны органов, которые ставили своей задачей не только выражение общественного мнения, но и формирование его (этот вывод повторяется в работах Новгородцева: *«Принцип общей воли оказался загадочным и проблематичным»*) [1; С. 402].

Каждый из этих органов исходит *«не из того, каково есть общественное мнение, а из того, каким оно должно быть»* [1; С. 91]. В частности, речь идет о политических партиях, претендующих на выражение интересов тех или иных слоев. С одной стороны, политика правового государства не может обойтись без политических партий, а с другой, партийные организации *«вынуждены развивать дисциплину среди своих членов в ущерб их индивидуальности»*. В целом, органы не столько выражают это мнение, сколько формируют его.

Само народное представительство также оказывается чем-то самостоятельным по отношению к народному суверенитету. Ни мажоритарная, ни пропорциональная системы не решают этого вопроса. П.И. Новгородцев обосновывает парадоксальный, на первый взгляд, вывод, что *«в странах с наиболее развитыми демократическими формами народная воля в сущности определяется волей немногих, стоящих наверху»* [1; С. 113]. Данный вывод весьма близок мнению К.П. Победоносцева, что одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия. Воля народа заменяется волей большинства, воля большинства — волей активных граждан, умеющих заставить признать себя за большинство, и, наконец, волей нескольких политических деятелей.

Для П.И. Новгородцева несомненным является кризис демократии. *«Демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью, что вместо*

того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей» [1; С. 389].

Более того, в структуре разделения властей также происходят изменения, не благоприятствующие осуществлению идеи правового государства. Несмотря на формальное признание верховенства представительной власти, реальные властные полномочия оказываются монополизированы исполнительной властью.

Само понятие личности требует серьезного переосмысления. Здесь совершается то усложнение проблем, которое *«заставляет нас говорить о кризисе современного правосознания» [2; С. 163].* Основная проблема связана с резким усилением индивидуализма в современном обществе. П.И. Новгородцев рассматривает историю теории личности, начиная с XVIII в., и приходит к выводу о том, что *«опасная сторона нового либерализма (ставшего знаменем теоретиков правового государства) коренится в общих законах культурного развития» [2; С. 163].*

Отношения личности и культуры оказываются в центре проблемы правового государства. Между потребностями индивидуального развития лиц и общим ходом культурного развития существует извечный антагонизм. Участие государства в разрешении этого конфликта весьма и весьма ограничено, поскольку *«дисциплина, организуя и упорядочивая подвластную ей часть культурного творчества, вместе с тем, отбрасывает в последнем все, не соответствующее ее задаче, т.е. сужает его и делает более скудным» [2; С. 239].* Новгородцев приходит к выводу, что *«одними средствами политики и права не преодолеть этих затруднений»*, следовательно, речь идет о воспитании людей в духе общественного долга. Такое воспитание может быть результативным лишь при условии, что оно будет основано на учении о солидарности. П.И. Новгородцев отбрасывает представление о той естественной солидарности, которая *«осуществляется между людьми силою вещей, ввиду того, что человек есть «животное об-*

щественное» [2; С. 245], поскольку из факта солидарности нельзя вывести социального долга. Сам социальный долг не есть продукт естественных соотношений, *«это требование нравственного сознания, ставящего перед собой задачи, еще не осуществленные и не осуществляющиеся простою силою вещей» [2; С. 245].*

Кризис правового государства связан с тем, что, *«с одной стороны, пала вера и возможность совершенной и безошибочно действующей государственной организации, с другой стороны, функции государства бесконечно расширялись. В то время как от государства стали требовать несравненно более, в него стали верить гораздо менее» [2; С. 256].* Само рассмотрение проблем кризиса права возможно, согласно П.И. Новгородцеву, только в рамках анализа культуры как западной, так и российской.

Существенно и другое замечание П.И. Новгородцева. Ф.М. Достоевский, по словам П.И. Новгородцева, заложил основы русской философии права. В этой связи П.И. Новгородцев ставит вопрос о том, что взгляды Ф.М. Достоевского *«состоят в теснейшей связи с ходом развития русского народного характера и что поэтому они находят в русском сердце столь живой отклик, — тогда как все эти западноевропейские учения остались скорее изолированными абстракциями отдельных философов, нашедших лишь малое распространение» [2; С. 386].* Таким образом, отмечается важнейшая грань анализа — целостности русской культуры.

Существенный шаг в анализе кризиса права делает ученик П.И. Новгородцева И.А. Ильин. Развитие идей кризиса правосознания И.А. Ильиным ведется в нескольких направлениях. Прежде всего, И.А. Ильин определяет кризис правосознания как процесс *«секуляризации культуры»*, как *«великий иррациональный кризис, который захватил подсознательные корни веры, нравственности, науки, искусства и правосознания» [3; С. 220].* Важен и другой аспект проблемы. Это вопрос о *«русском национальном самостоянии» [4;*

С. 186-189]. Высказывая обоснованные сомнения в том, что возможно преодоление кризиса через некритическое заимствование чужого опыта, И.А. Ильин исходит из идеи необходимости развития собственного культурного опыта, органичного российской культуре. Таким образом, выход из кризиса возможен только на путях собственной и самостоятельной духовной деятельности, опирающейся на культурный опыт всех россиян как органической целостности.

В современных условиях правовой кризис принял ясно выраженный методологический характер. В то же время правовой кризис в России имеет свои особенности. Развитие российского общества в настоящее время большинством исследователей определяется как кризисное. Охвачен кризисом и основной инструмент социальной организации современного общества – право (вопросы кризиса права отражены в своих специально-частных аспектах, прежде всего, в публикациях юристов) [5; 6; 7]. Тем не менее, будущее России во многом связывается с развитием правовых начал, формированием правового государства, правовой культуры и правосознания. Наличие данного кризиса неоспоримо. В то же время недостаточно исследованы общие вопросы современного этапа кризиса права.

Существуют разные подходы к трактовке кризиса права в России. Есть попытка рассматривать кризис права в нашей стране как проблему роста, проблему становления правового государства в трудных условиях сохранения многочисленных элементов тоталитарного (неправового) государства. При таком подходе кризис права рассматривается как феномен, характерный только для нашей страны. Утверждается, например, что «кризис современного правосознания обусловлен общими кризисными явлениями, происходящими в обществе, переоценкой прежних взглядов, представлений и идей» [8]. Акцент на правосознании несколько ограничивает возможности анализа кризиса, являясь, по нашему мнению, следствием узко легистского подхода, сознательного отказа от рассмотрения пра-

ва как культурного феномена. В то же время этот узко юридический подход позволяет сосредоточиться на специфических проблемах правовой культуры, правового сознания, правопонимания. С позиций такого подхода можно говорить о двух типах российской правовой культуры, которые сложились во второй половине XIX в. Субъектом первого была большая часть населения – крестьянство, которое не воспринимало право, а продолжало руководствоваться в повседневной жизни обычаями вековой давности. В нем очень слабо было развито понятие личности. Второй тип правовой культуры был присущ европеизированным верхам России [9]. Дуализм правовой культуры, правового сознания российского общества, верно подмеченный цитируемым автором, тем не менее, не позволяет согласиться с его выводом о правовом нигилизме – как одной из характерных особенностей русской психологии. Скорее это повод для анализа методологических проблем исследования правосознания.

Осознание проблемы правопонимания также является существенным продвижением на пути выработки современной теории права [10; 8]. Такой подход позволяет вскрыть специфические, особенные условия развития правовой системы России на ее современном этапе. Именно в рамках такого подхода был сформулирован тезис о неизбежности этапа полицейского государства для России [11; 12].

Возможен и другой подход. Кризис права может быть рассмотрен как глобальное явление, проистекающее из выбора тупикового пути развития (можно согласиться с утверждением, что «мировая цивилизация все более оказывается в ситуации тупиковой модернизации, что наглядно проявляется в экстенсивном растрачивании природных, культурных, человеческих ресурсов») [13], как кризис правового регулирования западного образца [14].

Наиболее приемлемым для анализа мы считаем третий вариант, являющийся модернизацией подхода П.И. Новгородцева. Кризис права в России является сложным

результатом специфики культурного и правового развития как самой России в качестве специфического культурно-исторического типа, так и западной цивилизации. При этом современный кризис культуры и права в России находится как под косвенным влиянием западного кризиса в генетическом и историческом плане (революция 1917 г. была попыткой преодолеть трудности, вызванные заимствованием западной модели развития без учета культурно-исторических особенностей России), так и непосредственным влиянием сегодняшнего заимствования модели «правового государства».

Важнейшими факторами, определяющими развитие данного кризиса, являются культурные детерминанты, система ценностей, зафиксированная в базовых элементах западной культуры, прежде всего в религиозной системе (в связи с этим следует отметить необходимость анализа такого сложного явления, как протестантизм и его влияния на западный мир. Представляется, в частности, что вывод М. Вебера об исключительно прогрессивном характере влияния протестантизма на развитие капитализма у нас понимается весьма упрощенно. Если учесть, что капитализм, с точки зрения большинства западных исследователей, уже уходит, то и значение протестантизма для новой современной западной системы, вероятно, не должно абсолютизироваться).

Итак, распространены следующие трактовки детерминант кризиса права:

1) детерминантами кризиса права является отсутствие правовой базы проводимых реформ, точнее, неадекватность этой правовой базы направленности и характеру преобразований, происходящих в России. Выводом из такой трактовки кризиса права в России является требование усиления законотворческой деятельности: частным случаем этого подхода является признание, в качестве причины, недостатков законотворческой деятельности законодательных органов (по причине их некомпетентности, политизации и т. д.);

2) кризис права определяется, прежде всего, неправильной политикой исполни-

тельной власти, проводящей реформы, противоречащие тенденции становления правового государства;

Данные концепции представляют верхний, политический уровень анализа, суть которого сводится к рассмотрению политических, властных условий осуществления реформирования общества, государства и правовой системы. Естественно, что преодоление кризиса в этих случаях связано с развитием политической системы, совершенствованием законодательства, Конституции РФ.

Есть иные трактовки кризиса права:

1) распространено утверждение, что кризис права определяется традиционно низким уровнем правосознания народов, населяющих Россию. Это в свою очередь связывается с особенностями ее исторического развития. При этом могут существенно различаться в частности утверждения, касающиеся вопроса о том, на каком этапе развития начался отход от формирования правосознания по западноевропейскому образцу (возможные варианты: а) принятие православия; б) реформы Петра Великого в XVIII в.; в) большевизм, 1917 г.; г) 30-е гг.);

2) своеобразна трактовка нашего кризиса, связывающая его с некоторыми ценностными, цивилизационными основами России, культурой народов, населяющих страну. В таком случае речь идет о «разломе цивилизаций», восточном или даже азиатском характере нашей культуры.

В обоих случаях лекарство предлагается практически одно. Это переход к другой системе ценностей, которая в настоящий момент не существует, но сохранена в каком-то другом качестве. Последнее различие весьма существенно в рамках данной трактовки кризиса. Первый вариант предполагает обращение к национальным традициям, отстоящим от нас на больший или меньший срок. Это имеет существенное значение для практики, но, тем не менее, принципиально не отрицает развития элементов своей культуры, в разной степени отстоящей от современной, но базирующейся на определенных языках и истории российских ценностей.

Второй вариант предполагает изменение самой ценностной основы российской истории, отрицание значимости большей части ее культуры. Такого рода трактовка кризиса предполагает утверждение об отсутствии будущего у российской культуры. Из этой трактовки вытекает необходимость отказа не только от культурной истории России XX в. и не только от существенной части истории постпетровского времени, но и от такой ее существенной части, как православие.

Постановка вопроса о праве и в целом о кризисе современной науки, ее методологии великим российским социологом, юристом по образованию, П.А. Сорокиным (непосредственным учителем П.А. Сорокина, получившего степень магистра уголовного права, был Л.И. Петражицкий) позволила наметить новые перспективы в решении данной проблемы. Исходным принципом права будущего мыслитель считал принцип «самоценности личности», при этом правовой прогресс представлялся ему не чисто и не исключительно правовым, а скорее, морально-правовым. Цель права, по его мнению, в раскрепощении личности, увеличении ее свободы и ее основных прав. Эти идеи, являющиеся развитием подхода патриарха российской правовой теории Б.Н. Чичерина, отразились в предложении П.А. Сорокина о возможном дополнении уголовного права, основанного на принципе наказания, его прямой противоположностью — «наградным правом» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Основные идеи, связанные с теорией права, изложены П.А. Сорокиным в следующих трудах [15-18].

Проблема кризиса права в его глобальном аспекте рассматривается в настоящее время теоретиками, работающими в области философии права [19]. С.С. Алексеев

отмечает, что драма права является отражением негативной стороны экономической и политической свободы. При этом существенным является тревожный факт, «*надежды*» (или «*потери*») права в практических делах и общественном мнении — его бессилие перед сложными и жесткими реалиями жизни, упадок его престижа, утрата былой безусловной веры в него как в универсальное и безотказно действующее средство решения социальных проблем» [19; С. 190]. Суть драмы права в том, что «юридические формы и принципы в высших значениях понятия права (т.е. как права человека) могут стать предпосылкой и даже опорой для явлений антиправового характера..., для новых витков спирали насилия, нарушений основных прав и свобод человека» [19; С. 199].

Российскими учеными была выдвинута «либертарно-юридическая концепция различения права и закона, обосновывающая понимание права как всеобщей формы и равной нормы (меры) свободы индивидов» [20; С. 321-325]. При этом В.С. Нерсесянц характеризует ее качественное отличие от классического гегелевского либертаризма, с одной стороны, и от марксистской трактовки права — с другой, выдвигая свою концепцию «цивилитарного права», преодолевающего как гегелевскую абсолютизацию буржуазного права, основанного на частной собственности, так и марксистский правовой негативизм, основанный на отрицании частной собственности, а следовательно, и права, и свободы человека.

Приведённый анализ позволяет с большой уверенностью говорить о приоритетности исследования изменений, происходящих в области методологии права, философско-методологических основ права, прежде всего аксиологических и синергетических аспектах развития правовой теории.

Литература

1. Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 286.
2. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 163.

3. Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1993. С. 220.
4. Ильин И.А. О русском национальном самостоянии // Избранное. Смоленск, 1995. С. 186-189.
5. Бойков А.Д. Судебная реформа: обретения и просчеты // Государство и право. 1994. № 6.
6. Кризис судебной системы не преодолен // Российская юстиция. 1995. № 4.
7. Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5.
8. Право и политика современной России (Научно-исследовательский институт правовой политики и проблем правоприменения. Российская правовая академия. Министерство юстиции Российской Федерации). М.: Былина, 1996.
9. Ильин И.С. Правовой нигилизм русского сознания // Человек – Философия – Гуманизм: тез. докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г.). В 7 тт. Т. 4. Социальная философия и философия политики. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1997.
10. Нерсесянц В. С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. М., 1978.
11. Мартышин О. В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5.
12. Соловей Ю. П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. № 6.
13. Наливайко Н. В. Философия права в условиях российской модернизации // Человек – Философия – Гуманизм: тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г.). В 7 тт. Т. 4. Социальная философия и философия политики. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1997.
14. Берман Г. Западная традиция права: Эпоха формирования. М., 1994.
15. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919.
16. Сорокин П.А. Система социологии. В 2-х тт. Т. 1. Петроград, 1920.
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Культура. М., 1993.
18. Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics: A System of General Sociology. N.Y., 1947.
19. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000.
20. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 652 с.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Дробышевский В.С., д-р филос. наук, профессор, кафедра политологии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
drobysh45@rambler.ru

V. Drobyshevsky, Doctor of Philosophical Sciences, professor, political science department Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: современный этап развития юриспруденции и кризиса права

Scientific interests: present stage development of law and right crisis

УДК 101

Кошелев Михаил Иванович
Mikhail Koshelev

Фомина Марина Николаевна
Marina Fomina

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИРОДЫ ДИАЛОГА РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

SPATIAL AND TIME CHARACTERISTIC OF DIALOGUE'S NATURE OF REGIONAL CULTURE

Статья посвящена проблеме онтологичности диалога региональных культур в контексте пространственных и временных характеристик

Article is devoted to a problem of dialogue's ontology of regional cultures in the context of spatial and time characteristics

Ключевые слова: диалог, региональная культура, пространственные характеристики, временные характеристики

Key words: dialogue, regional cultures, spatial characteristics, time characteristics

В пространственно-временном измерении культура, воскрешая прошлое, реконструируя по современным образцам, воссоздает его в настоящем. Мысль О. Шпенглера, который утверждал, что культуры представляют собой замкнутые несоизмеримые миры, была опровергнута вначале в условиях цивилизационного, а в современном мире — глобализационного развития. Существовая в ограниченном пространстве как интракультура, испытывая на себе влияние, а порой и подавление со стороны экстракультур, культуры образуют новые пространственные характеристики. Так, например, походы Александра Македонского способствовали тому, что культуры народов Азии, испытав на себе влияние эллинизма, сформировали новый культурный пласт. В последующем школы платонизма, эпикуреизма закрепили становление пространства культуры в Европе. Говоря о векторе существования восточных и европейских культур, К. Ясперс заложил основы понимания культурного пространства.

Формирование культурного пространства сопровождалось интеграцией высших достижений человеческого разума. В этих условиях целостное образование пространства культур Древнего Рима, Греции, Египта, Востока образовали единое культурное пространство «осевого времени», или метакультурное пространство. Другим показателем данного процесса является христианство. Выйдя за пределы Римской империи, оно стало образующим началом западноевропейского пространства культуры, а в последующем — российского. Став мировой религией, а в последующем — духовной основой зарождающихся глобализационных процессов (как идеология и методология протестантизма), христианство способствовало формированию нового культурного пространства. Поэтому понятие «культурное пространство» фиксирует наличие экстра- и интраполярного начал. Это говорит о том, что культурное пространство воплощает в себе неоднородность пространств локальных (региональных) культур.

Логика исследования сущности пространства региональной культуры предполагает обращение как к культуре в целом, так и к механизмам ее реализации в пространственном измерении [1; С. 569]. Утверждение Гегеля, что культура есть единство бытия и мышления, позволяет определить сущность пространства региональных культур, локальной культуры, культурного пространства как мыслительных категорий, что может объяснить адаптивные возможности человека в мировоззренческом поле «культура человека».

Среди множества трактовок культуры останавливаемся именно на тех, которые позволяют определить ее пространственную характеристику, которая может быть раскрыта через уточнение понятий «пространство культуры», «локальные культуры», «культурное пространство», «региональная культура». Сказанное дает основание определить, что методологическим принципом философско-культурологического анализа пространственных характеристик региональной культуры является логико-культурологический, согласно которому следует учитывать, что формирование пространственных характеристик культуры сопровождается экстра- и интраполярностью, пространственной обособленностью, онтологическим диалогизмом культур.

В последние годы в философии культуры появился новый объект исследования — пространственные категории культуры. Развиваясь в рамках философии на стыке культурологии (так как речь идет о духовном феномене), психологии (так как рассматриваются проблемы диалогичности сознания), антропологической лингвистики (так как представлена суть коммуникации), теория взаимодействия культуры и пространства становится сферой междисциплинарных исследований. Одной из важнейших характеристик современной социокультурной реальности является ее многообразие (многоликость, многозначность), что накладывает отпечаток и на различные уровни (аксиологический, этический, психологический) жизни человека. Современные философы, куль-

турологи, антропологи обращают внимание на пространственно-временной сдвиг, вызванный онтологическими противоречиями многоликой реальности, с одной стороны, и тенденциями к «омассовлению» и универсальности — с другой. Человеку необходимо определить, конкретизировать пространство собственной идентификации среди множества возможных жизненных миров. В данном аспекте отмечаем, что современные исследования в области культурного пространства имеют уже некоторые теоретические результаты, среди которых необходимо выделить следующие: культурное пространство вмещает в себя пространства культур, которые сохраняют прошлое в настоящем; если в пространстве культуры — вертикальная динамика, то в культурном пространстве — горизонтальная; пространство культуры создает человека культуры, а культурное пространство — культурного человека и т.д.

Сказанное позволяет определить необходимость дальнейшего осмысления пространственных характеристик культуры. Обращение к данной области исследования обусловлено происходящими изменениями в культуре. Вчера — история цивилизаций, сегодня — назревшая глобализация показали, что культура представляет себя как «двуликого Януса», как воплощение «Дао», как начало, так и конец единичного в общем. Как Гесиод в «Трудах и днях», как О. Шпенглер, заявляющий о крахе культуры в наступающей цивилизации, как А. Швейцер, отмеряющий нравственные границы западной культуры, так и Г. Вагнер, утверждающий, что XXI в. — век духовной культуры, были единодушны в одном: культура — единственное, что сохраняется, когда исчезает народ. Но что этому способствует? Учитывая, что культура имеет две ипостаси — понятийную и воплощенную (реальную), необходимо проанализировать механизмы трансформации реального мира в понятийный, так как благодаря этому процессу реальность становится осмысленной только в философском контексте. В этом случае необходимо обратиться к феномену культуры как точке пересечения

осмысливаемых в последующем понятии: пространство культуры, локальная культура, региональная культура, культурное пространство. Понятие культуры весьма многозначно и отражает широчайший спектр человеческих представлений о ней. К перспективным ее трактовкам относятся те, которые пытаются охватить ее в целом. Это обусловлено тем, что необходимость системного подхода к пониманию культуры объясняется реалиями современного мирового развития, обусловленными глобализационными процессами.

Осмысление культуры как одной из таких систем наиболее совершенно по сравнению с «односторонними» трактовками, которые ограничиваются ее рассмотрением только в связи с деятельностью, с ценностями или совокупностью материального и духовного. Если предшествующие трактовки культуры учитывали результат ее осмысления в конкретно-историческое время, то здесь речь идет о контексте многоуровневых пространственных взаимоотношений.

Следовательно, учитывая сказанное, мы можем сделать вывод о том, что, хотя по своей структуре и функциям региональная культура — достаточно устойчивое образование, по своим признакам она характеризуется развитием и изменением. Поэтому, когда мы говорим о культуре прошлых цивилизаций, то обращаемся наряду с памятниками духовной культуры к сохранившимся образцам материальной культуры, которые также пронесли и сохранили специфику и колорит своего времени через прошлое в настоящее. К этому можно добавить и то, что культура — жизнеобразующая, судьбоносная выраженность не только времени, но и пространства жизни человека. Здесь необходимо обратиться к словам О. Шпенглера, который отмечал, что культура под влиянием цивилизационных процессов испытывала на себе модернизацию. Это мнение относится и к пониманию культуры в целом. В частности, необходимо заметить, что даже в условиях XXI в. гробницы фараонов, роспись Микеланджело, буддийские дацаны являются «визитной карточкой» уникальных региональных культур. Пози-

ция О. Шпенглера раскрывает историю как чередование культур, представленных им в виде неких изолированных друг от друга организмов, каждый из которых обладает некой символической «прадушой», «генетическим кодом». Культура, в соответствии с этим, развивается, расцветает, стареет и гибнет. Помимо «души», каждая культура имеет свою «физиогномику», т.е. меняющееся выражение «лица» и «жестов», отражающуюся в ходе истории. Своеобразие этой «души» раскрывается в виде искусства и особенностей народной жизни, а следовательно, региональной культуры. Наличие таких признаков региональной культуры, как изолированность, символическая «прадуша», «генетический код», которые определяют ее уникальность и специфичность, дает основание остановиться на выяснении природы таких понятий, как традиционная и этническая культура, что соответствует рамкам понятия «региональная культура» [1; С. 570].

Если сопоставить такие понятия, как «этническая культура» и «традиционная культура», то традиционная культура — одно из наиболее часто употребляемых и при этом весьма неопределенных понятий в этнографической и культурологической литературе. Как его синонимы часто употребляются понятия «народная культура», «фольклор», «архаическая культура». Существует точка зрения, согласно которой традиционная культура — это явление уходящее, постепенно умирающее. Обсуждение времени исчезновения традиционной культуры происходит на фоне отсутствия четкого определения понятия, отражающего данный феномен. Подавляющее большинство этнографов убеждено в сопряженности традиционной культуры и этноса, в имманентной этничности традиционной культуры. Некоторые этнографы считают, что традиционная культура является одним из основных маркеров этноса. В этом и состоит парадоксальность методологической ситуации: если традиционная культура, выполняющая основные этнодифференцирующие функции, исчезает, то, следовательно, исчезают и этносы. В реальности

же трансформация и даже исчезновение традиционных компонентов этнической культуры не влекут за собой гибель этноса.

Традиционная культура порождает совершенно особый тип ментальности и специфические нормы социальной жизни, поведения. Родовые и общинные связи в рамках традиционной культуры являются наиболее актуальными и значимыми. Выход индивидуума или какой-либо группы за пределы замкнутого коллектива людей, живущих в рамках традиционно-культурного социума, означал начало «размывания» традиционной культуры. Коллективы людей, существующих в рамках традиционной культуры, могут занимать значительные ареалы, но, в любом случае, они будут локальными, замкнутыми сами на себя.

Процесс «конструирования» региональной культуры занимает продолжительный отрезок времени, в течение которого господствующее положение занимает традиционная культура. Этот процесс завершается мощным социальным катаклизмом, после которого этнос и этническая культура выступают в оформленном виде. И вполне закономерна ситуация, что исходные комплексы традиционной культуры, реконструируемые этнографами, имеют порой весьма мало общего с представлениями о культуре этноса, сформировавшегося на месте бывшего функционирования традиционно-культурных социумов.

Традиционная культура существует в рамках замкнутого коллектива людей, занимающего определенный микроландшафт (т.е. регион, а следовательно, речь уже может идти о региональной культуре). Цельное, взаимосвязанное единство традиционной культуры, людей и окружающей природы составляет сущность локальных культурных комплексов. В этом случае региональная культура существует в конкретное историческое время в конкретном физическом пространстве. Впоследствии она может при определенных условиях остаться традиционной, а при других — стать глобальной. Это определяется глобалитетом, локалитетом и менталитетом каждой куль-

туры, где под глобалитетом понимается возможность культуры стать глобальной, так как в ней заложены изначально эти потенции, а под локалитетом понимается процесс самосохранения традиционной культуры в условиях глобализации, то есть речь идет о интер- и экстрополярности культуры. Менталитет культуры рассматривается как условие ее самоидентификации. Таким образом, сказанное позволяет отметить, что этническая и традиционная культура воплощаются в пространстве региональных культур.

Говоря об универсальности культуры, можно ли говорить о реальном существовании некоей всеобщей, универсальной культуры? На наш взгляд, такая культура существует только в виде абстракции, скрывающей живое «наличное» бытие множества различий и особенностей. Также необходимо отметить, что в некоторых исследованиях звучит мысль о существовании больших и малых культур. Малые культуры внутри каждой культуры феноменизируются не только в противопоставлении большой культуре, но и на базе языковых признаков и особенностей. Эти характеристики являются вариантом осмысления бытия локальных культур через уровни интра- и экстрополярности.

Представленный анализ понятия региональной культуры в рамках ее пространственных характеристик дает нам основание отметить, что развитие культуры как системы сопровождается выделением экстра- и интраполярных отношений. Основанием для этого утверждения служит следующее: культура как целостное образование содержит в себе информационные системы (социокоды), способствующие ее самоорганизации и саморазвитию; культура характеризуется способностью быть «озвученной» как универсальное образование и быть доступной для влияния других культур, что характеризует ее экстра- и интраполярность; специфичность культурных форм, типов культуры реализуется через пространственные измерения.

Литература

1. Фомина М.Н. К полиэтническому пространству: векторы диалога // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. № 1-2. С. 569-571.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Кошелев М.И., д-р филос. наук, профессор, кафедра философии, теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) marf_05@mail.ru

M. Koshelev, Doctor of Philosophical Sciences, professor, professor of philosophy, theory and history of culture department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: философия культуры, культура и язык, культура и религия

Научные интересы: философия культуры, культура и язык, культура и религия

Фомина М.Н., д-р филос. наук, профессор, кафедра философии, теории и истории культуры ЗабГУ, проректор по инновационному образованию, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) marf_05@mail.ru

M. Fomina, Doctor of Philosophical Sciences, professor, professor of philosophy, theory and history of culture department, prorector on innovative education, Zabaikalsky State University

Научные интересы: философия культуры, диалогичность природы культуры

Scientific interests: philosophy of culture, dialogism of culture and language

УДК 297.1

Льянов Муслим Магомедович
Muslim Lyanov

ИНТЕГРАЦИЯ МУСУЛЬМАН В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

THE INTEGRATION OF MUSLIMS INTO EUROPEAN SOCIETY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Рассматриваются проблемы интеграции мусульман в европейское общество и пути их решения. По мнению автора, мусульманам необходимо интегрироваться, а не ассимилироваться.

Мультикультурализм полностью совместим с европейскими ценностями. Можно придерживаться главных ценностей Европы, – которые уважает каждый европейский мусульманин – и при этом позволить разным общинам иметь свои особенности. Компромиссы должны быть с обеих сторон. Мы приходим к мнению, что только компромиссы с обеих сторон приведут к миру и пониманию, помогут снизить напряжение и снять противоречия, возникающие между мусульманами и европейским сообществом. Автор приходит к выводу, что непременным условием должно стать взаимное уважение культуры друг друга при сохранении религиозных основ

Ключевые слова: интеграция, компромисс, мультикультурализм, диалог культур

The author considers problems of Muslim integration into European society and their solutions. According to the author Muslims should integrate, not assimilate. Multiculturalism is fully compatible with European values. You can stick to values of Europe – which respects every European Muslim – and have different communities with their own characteristics.

Compromises must be from both sides only compromises from both sides will lead to peace and understanding. And it will help to reduce stress and remove the contradictions that arise between Muslims and European society.

The author concludes that indispensable condition is a mutual respect for each other's culture while maintaining the religious foundations

Key words: integration, compromise, multiculturalism, cultural dialogue

Развитие событий в Западной Европе свидетельствует о провале интеграционной политики западных правительств в отношении представителей мусульманских народов, которую они проводили с самого начала их массовой миграции в Европу. Имело место и пренебрежение религиозным фактором, так как мусульмане, в частности, арабы, не поддаются ассимиляции, а, наоборот, сохраняют свою национально-конфессиональную идентичность [2].

Газета «Монд» приводит данные опроса IFOP (Institut français d'opinion publique, 2011), из которых следует, что 68 % фран-

цузов и 75 % немцев считают, что мусульмане «недостаточно хорошо интегрировались» в их общество. На результаты этого опроса, по мнению журналистов, оказали влияние и многочисленные речи правых политиков об опасности «исламизации», и признания руководителей французского и немецкого государств в том, что их политика интеграции провалилась, а также возрастающий объем требований религиозного характера.

Всё это способствовало тому, что в обществе возобладала точка зрения, что процесс интеграции мусульман в европейское общество потерпел фиаско. Например, 42

% французов и 40 % немцев считают, что присутствие мусульманской общины на их территории представляет угрозу для национального своеобразия (национальной идентичности) страны. По данным опроса, причиной этого является, во-первых, нежелание самих мусульман интегрироваться (это мнение самое распространённое, его разделяют 61 % французов и 67 % немцев). Во-вторых, — слишком большое культурное различие между мусульманами и христианами (так считают 40% французов и 34 % немцев). В-третьих, мусульмане формируют своеобразные гетто, живут изолированно (так считают 37 % французов и 32 % немцев). И только 20 % французов и 10 % немцев считают, что интеграции мусульман в европейское общество мешают экономические трудности, но они не являются главными [9].

По мнению опрошенных, у мусульман есть некоторые личностные качества, которые мешают им — пусть даже при наличии доброй воли — интегрироваться в европейское общество. Французы и немцы считают, что мусульмане «отрицают западные ценности», что они «фанатичны» и «покорны религиозным догмам». Этот вопрос анкеты интересен тем, что на нём можно проследить эволюцию опроса общественного мнения. В 1994 г. так считали 12 % французов, в 2001 г. — 17 %, а в 2011 г. этой точки зрения придерживаются уже 31 % опрошенных. Вместе с тем, на вопрос о том, может ли быть избран мэром города человек, исповедующий ислам, 52 % французов и 49 % немцев ответили утвердительно [13].

Однако только ли мусульман можно обвинить в нежелании интегрироваться? Какие же ответы находят правительства западных государств на вызовы, появившиеся в связи со значительной миграцией мусульман?

Приходится констатировать, что, как и прежде, проблемы пытаются решать либо административными, либо полицейскими методами. Ошибкой западноевропейских политиков явилось то, что, прежде всего, надежды возлагались на так называемую

аккультурацию, т.е. усвоение эмигрантами местной культуры и обычаев.

Французское правительство считало, что наиболее эффективной может стать политика абсорбции или ассимиляции, т.е. поглощение господствующим этносом прибывших, преимущественно выходцев из стран Магриба, чтобы они в следующем поколении потеряли свою исламскую и этническую идентичность и растворились среди местного французского населения [4]. Однако оказалось, что мусульмане держатся за свою веру и обычаи, поэтому попытки правительства Франции достичь успеха путем запрета, например, на ношение «исламских» платков в школах или так называемой бурки (плаща, покрывающего женщину с головы до пят) лишь обостряют внутривнутриполитическую обстановку и вызывают протесты последователей ислама.

В Великобритании и Германии пошли по пути развития политики «многокультурности», но и она не исключает геттоизации и дискриминации мусульман. В настоящий момент становится очевидным, что описанные меры не имеют ожидаемого эффекта. И в условиях глобализации ислам стал мощным фактором консолидации и сохранения идентичности: мусульмане сохраняют самобытность и требуют удовлетворения своих прав, ссылаясь на принципы демократии и конституционные нормы своих государств, поскольку многие из них живут на Западе в течение многих лет и стали гражданами стран своего пребывания [13]. Малоэффективными оказались и полицейские методы. Более того, самым худшим результатом возникающих противоречий является то, что в среде европейских мусульман проникают проповедники крайних радикальных течений, которые, прикрываясь исламским учением, сеют ненависть и раздоры, подрывая основы нормального сосуществования мусульман и христиан. Настоящим шоком для западного истеблишмента стал факт участия мусульман, которые родились, получили образование и жили на Западе, в подготовке и осуществлении громких террористических актов [7].

Обострение ситуации приобретает такие масштабы, что становится очевидной возможность перерастания локальных конфликтов и столкновений на Ближнем Востоке в новый Армагеддон, учитывая наличие в мире запасов оружия массового уничтожения и перспективу его распространения, а также размах терроризма. Это заставляет трезвомыслящих и ответственных людей разных стран искать выход из сложившейся ситуации в мирных дискуссиях.

Именно поэтому возникла идея создания так называемого евроислама, т.е. европейского ислама, который отвечал бы интересам европейских государств, помогая снизить напряжение в обществе и нейтрализовать влияние сторонников радикальных течений. Впервые этот термин был использован в середине 1990-х гг. в публикациях двух ученых – директора Института истории Татарстана Р. Хакимова и профессора политологии Геттингенского университета Б. Тиби. По мнению Б. Тиби, «евроислам» – это светский ислам, который вполне может уживаться с демократическим государственным устройством и приводит повседневный уклад жизни мусульман в соответствие со стандартами своих европейских христианских соседей, это либеральное течение в исламе, проникнутое европейской культурой [2].

Этот термин имеет широкую сферу применения и, следовательно, содержание, вкладываемое в это понятие, различно. В частности, в Европе это обоснование евроислама как нового явления связано с именем Тарика Рамадана, в Иране – Абдолкарима Соруша, иранского философа и реформатора, а также с именем Рафаэля Хакимова, татарского историка и общественного деятеля России.

На наш взгляд, с определенной долей условности в евроисламе можно выделить несколько течений, взяв за основу отношение к интеграции в европейское общество при сохранении своих моральных ценностей.

Прежде всего, это сторонники либерального ислама и интеграции мусульман в

европейское общество при сохранении своих религиозных ценностей. Представителями этого направления евроислама являются профессор богословского факультета Оксфордского университета Т. Рамадан и датский политик Насер Хадер. Они подчеркивают глобальную угрозу безопасности со стороны радикальных исламистских движений и призывают страны Евросоюза объединиться и совместно осуществлять борьбу с общей угрозой.

Т. Рамадан выступает за разграничение ислама и арабской культуры. Он считает, что мусульмане, рожденные в Европе, должны получать европейское образование и активно участвовать в европейской общественно-политической жизни, чтобы содействовать распространению ислама. Главным условием для развития евроислама является перенос исламских принципов на европейскую почву с учетом культурных, религиозных и социальных особенностей стран данного континента. «...Я призывал мусульман к более глубокому пониманию своей веры и стремился доказать им, что человек может быть мусульманином и в то же время принадлежать к западной цивилизации» [2]. Однако при этом он выступает в поддержку мусульманского мира, например, в Великобритании критиковал введение дополнительных мер безопасности и поддержки по введению войны в Ираке, а также подверг критике французских интеллектуалов за их поддержку войны в Ираке.

Сторонником интеграции ислама в европейский социум является и Насер Хадер, депутат парламента Дании, в 2006 г. основавший движение «Демократические мусульмане Дании» и Ассоциацию критиков ислама, которые придерживаются умеренной формы ислама, критикуя его изнутри, с позиций либерального ислама. Он придерживается более либеральных взглядов, чем Т. Рамадан.

Другое направление – это радикальное направление в евроисламе. Представители этого направления настаивают на применении радикальных мер по отношению к европейскому обществу, ведение пропа-

ганды и вооруженных действий в Европе. К его сторонникам причисляют Абу Хамза Аль-Масри, одного из духовных лидеров мусульман в Евросоюзе, получившего образование в Великобритании, а после 1979 г. ставшего настоятелем мечети Финнсбери-Парк в Лондоне, которая считается неофициальным отделением «Аль-Каиды» [10].

Тем не менее, на наш взгляд, термин «евроислам» не удачен, так как ислам является целостным вероучением, поэтому делить его на европейский, российский или американский не представляется возможным.

Вслед за сторонниками либерального ислама мы считаем, что ключом к решению проблемы может и должна стать интеграция. Мусульманам необходимо интегрироваться в европейское общество, но не ассимилироваться с ним. Как полагают европейские ученые, такие, как Джассер Ауд, шейх Юсуф Аль-Карадави, глава Еврокомиссии Хосе Мануэль Барросо, именно сохранение различных культур мусульманских стран, их этических и моральных принципов является краеугольным камнем успешной интеграции мусульманских общин Евросоюза [12].

Европейский Совет по фатвам и исследованиям (ECFR), который возглавляет учёный шейх Юсуф Аль-Карадави, принял решение сформировать комиссию, которая будет заниматься основными проблемами интеграции мусульман в европейское общество. В заявлении ECFR говорится: «За достижение интеграции мусульман в соответствующие европейские общества несут ответственность как сами мусульмане и мусульманские организации, с одной стороны, так и остальное европейское общество в лице своих организаций и каждого европейца в отдельности, с другой стороны» [12].

Результаты исследований, которые были рассмотрены на сессии ECFR, показывают, что мусульмане должны придерживаться золотой середины, не изолируя себя от общества, но и не теряя свою религиозную индивидуальность. Необходимым требованием становится сопротивление

всем формам дискриминации мусульман и избежание факторов, питающих исламофобию, особенно в СМИ [6].

Глава Еврокомиссии Хосе Мануэль Барросо отметил, что Европа должна осуществить интеграцию всех меньшинств, в том числе мусульман, которые не должны ставиться в положение выбора между своими религиозными убеждениями и европейскими ценностями [9].

Агата Налборщук, профессор Варшавского университета, подчеркнула, что не существует «единой [исламской] ситуации в Европе, есть только различные уровни религиозной и национальной идентификации». Она отмечает, что «религиозные верования британских мусульман из Пакистана отличаются от тех, которых придерживаются мусульмане-татары из Польши», делая вывод, что «исламские ценности» часто зависят от страны происхождения и общины, в которую входит определенная личность, а не от некоего универсального склада ума. По ее мнению, даже архитектура европейских мечетей показывает различный уровень интегрированности мусульманских общин в широкое общество. Например, выстроенные из местного кирпича мечети Бирмингема отражают явное стремление вписаться в окружающий пейзаж [14]. И наоборот, недавние протесты, вспыхнувшие в германском Кельне, где минарет планируемой мечети должен был подняться выше городского собора, отражают усиливающуюся проблему восприятия мечетей европейцами. «Многие воспринимают мечети как угрозу, хотя на самом деле к ним нужно относиться как к месту встречи для проведения межконфессиональных дискуссий и шагу к интеграции мусульманских общин», — подчеркивает она. Анализируя роль государства и его влияние на религиозные объединения в Европе, она приходит к выводу, что правительства должны сосредоточиться именно на интеграции, а не на ассимиляции [5].

Мы согласны с ее мнением, что «основная проблема, с которой столкнулась Европа, это законы о гражданстве и религии. Французское правительство надеется

на ассимиляцию — иммигрантов призывают думать «Я француз». Великобритания придерживается иной политики, позволяя иммигрантам помнить о своих корнях».

Доктор Джассер Ауда (Jasser Auda), профессор Катарского факультета исламских исследований, один из основателей и член Международного союза мусульманских ученых, а также многих авторитетных научных организаций, таких, как академический совет Международного института исламской мысли, Международного института исследования передовых систем, совет Центра исследования мировых цивилизаций, исполнительный совет Ассоциации мусульманских социологов, Форум против исламофобии и расизма, считает, что ситуации в Америке и Европе действительно разные. И эту разницу определяют отличия между европейским и североамериканским обществом. Что касается европейского общества, ислам уже стал его неотъемлемой частью, даже более важной, чем ислам в Америке и по количеству людей, и по роли, которую эти люди играют в обществе, их вкладу в общество.

Тем не менее, по мнению доктора Джассера Ауда, европейцы пока не нашли ответа на вопрос, что такое ислам в Европе. «На конференциях, лекциях и т.д. я всегда говорю, что мои друзья-европейцы — британцы, немцы, французы — должны со всей чистосердечностью пересмотреть идею о том, что значит быть британцем или немцем, или французом. Потому что, когда в британском, немецком или французском обществе появляется много новых людей, общество начинает меняться, и это значит, что пришла пора выработать новые представления о самих себе» [6].

Он считает, что необходимо заново обдумать идею мультикультурализма. Многие европейские лидеры говорят, что мультикультурализм потерпел крах — мы слышим об этом и в Германии, и в Англии. Джассер Ауда считает, что он провалился не из-за ошибочности самой концепции мультикультурализма, а из-за ошибочной политики в отношении мусульман. Например, в Канаде мультикультурализм имеет успех,

несмотря на определенные проблемы, которые создают экстремисты в Канаде, хотя сами мусульмане, конечно же, против них, как и большая часть канадского общества. Однако связывать мультикультурализм с терроризмом, беспорядками, проблемами, необходимостью поступиться европейскими ценностями, правами человека — это политические разговоры, часто направленные на завоевание электората [11].

По нашему мнению, мультикультурализм полностью совместим с европейскими ценностями, и политикам, вместо того, чтобы говорить, что политика мультикультурализма провалилась, следует найти в нем новые подходы и поставить новые цели. Можно придерживаться главных ценностей Европы, — которые уважает каждый европейский мусульманин — и при этом позволить разным общинам иметь свои особенности [7].

Христиане, мусульмане, иудеи, например, однополые браки считают грехом. Однако закон государства приемлет такие браки, другое дело, что религии имеют право считать это грехом. Но ведь никто не навязывает это всему обществу.

Мусульмане считают грехом употребление спиртного, и, по мнению мусульман и многих немусульман, это положительный момент, и мы снова сталкиваемся с политикой, когда слышим, что европейскому гражданину или хорошему гражданину обязательно считать, что в спиртном нет греха — человек свободен, чтобы самостоятельно определять свои нравственные убеждения, если только они не противоречат закону [3].

Поэтому прежде чем говорить об «исламе в контексте Европы» или «интеграции ислама в Европу» не только мусульмане должны избавиться от предрассудков, но и те, кто ведет диалог с другой стороны, те, кто считает себя коренными европейцами [13].

Компромиссы должны быть с обеих сторон: в исламе необходимо продолжать искать новые интерпретации, которые позволили бы мусульманам найти свое место и создать свою новую культуру на евро-

пейской почве, а другая сторона должна научиться по-новому толковать европейские ценности и идеалы, чтобы мусульмане могли найти свое место, стать частью общества, и не только мусульмане, но и другие религиозные и культурные меньшинства не были бы выброшены на обочину общества, потому что все проблемы происходят от маргинализации, а не от ислама [8].

По мнению Д. Ауда, «основное — это разделять ислам как религию и ислам как культуру. Между ними есть разница, не обязательно привозить с собой в Европу свой культурный багаж, чтобы потом навязывать его другим, потому что этот культурный багаж в том или ином смысле бесполезен общине. Все разногласия, которые существуют на Востоке, например, между иракцами и кувейтцами и т.п., мы не должны везти их с собой на Запад, их и другие проблемы. Нам нужно везти с собой в Европу самую суть ислама, и исповедовать эту суть только как ислам сам по себе. Мне кажется, это главная рекомендация. Другая рекомендация — быть активными в политике. Демократия — лучшая система из известных человечеству на сегодняшний день, это идеал, на котором сходятся даже мусульманские мыслители, поэтому я считаю, что мы должны пользоваться нашими демократическими правами, чтобы добиться перемен в европейском обществе, приблизить его к нашему идеалу».

Ученый считает, что мусульмане должны быть более активными в политическом смысле, стараться приобщаться к главным тенденциям, уметь демократическими способами изменить систему, если, по их мнению, она требует изменений.

Что касается образования, то исламское образование в Европе должно быть более широким. Исламские школы должны стать более открытыми, пусть они остаются при своей самобытности, но они должны уметь привлечь даже немусульманских учащихся хорошим уровнем обучения, как, например, католические школы процветают и привлекают мусульман, потому что в них они могут практиковать ислам в достаточно здоровой и терпимой атмосфере.

Мусульманские школы, мусульманское образование в целом должны стать ближе обществу, повернуться к обществу лицом. Конечно, им нужно пересматривать свою учебную программу в соответствии со своими приоритетами, но при этом оставаться открытыми [15].

Что касается медресе в Великобритании и других странах Европы, то Д. Ауд считает, что и им нужны реформы. «Нельзя брать программу из Деобанда или Пешавара и давать ее в европейских медресе, потому что они растят детей, которые принадлежат к другому обществу, а порой — давайте признаемся — и другой эпохе. Эти дети становятся частью британского общества, поэтому такие медресе приносят мусульманской общине больше вреда, чем пользы. Поэтому, да, в медресе нужно учить Корану и арабскому языку, но они должны стать другими, необходимо изменить программу, коренным образом пересмотреть методики обучения. Честно говоря, я считаю, что система исламского образования требует серьезной ревизии изнутри. Я не говорю, что нужно спрашивать у правительства, какими должны быть мусульмане, мы должны начать пересмотр сами, и в самом исламе есть все, что нужно для таджида, т.е. обновления» [1].

В плане подготовки имамов Д. Ауд придерживается мнения, что нужно разработать сертификацию имамов с помощью правительственных программ, разработанных мусульманскими учеными, консультантами, преподавателями. Эти программы должны быть усвоены всеми, кто приезжает с Ближнего Востока и хочет стать имамом, например, в Нидерландах; он должен сдать экзамен и доказать, что разбирается в основных принципах жизни данного общества, знает язык хотя бы на элементарном уровне и владеет хотя бы элементарными знаниями о культуре этого общества. Этой проблемой должны заниматься сообща общины и государство, но если община не берет инициативу на себя, её должно взять государство.

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу, что только компромиссы

с обеих сторон приведут к миру и пониманию, помогут снизить напряжение и снять противоречия, возникающие между мусульманами и европейским обществом. Непременным условием должно стать вза-

имное уважение культуры друг друга при сохранении религиозных основ. Мы уверены, что интеграция присуща уже самой природе ислама.

Литература

1. Бернард Л. Ислам и запад. М: Логос, 2002. 162 с.
2. Бибикова О.П. «Евро-ислам» или «исламская Европа». М.: Прогресс, 2004. С. 125-128.
3. Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М.: КомКнига, 1989. 352 с.
4. Ланда Р.Г. Мусульманская диаспора и исламо-экстремизм в Великобритании // Мусульмане на Западе. М.: Логос, 2002. 300 с.
5. Нечитайло Д.А. Ислам в Австрии // Ближний Восток и современность. М.: Моск. филос. фонд, 2005. 209 с.
6. Нечитайло Д.А. Мусульмане Бельгии // Ближний Восток и современность. М.: Моск. филос. фонд, 2005. № 23. 55 с.
7. Соболев В. Г. Мусульманские общины в государствах Европейского союза: Проблемы и перспективы. СПб.: Прайм-Еврознак: Нева, 2003. 152 с.
8. Старченков Г.И. Рост исламской диаспоры в странах запада. М.: Прогресс, 2001. 269 с.
9. Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов. М.: ОЛМА-Пресс, 2006. С. 65-68.
10. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: Аспект Пресс, 2001. 237 с.
11. Sloam David, James D. The Media in America. Vision press, 1996. 588 p.
12. Tyler Aaron. Islam, the West, and tolerance: conceiving coexistence. Palgrave Macmillan, 2008. 219 p.
13. Religious Traditions and Limits of tolerance / Ed. By L.J. Hamman and H.M. Buck. Aima Books, 2006. P. 121.
14. Friedmann Yohanan. Tolerance and coercion in Islam: interfaith relations in the Muslim tradition. Cambridge University Press, 2003. 233 p.
15. Amjad-Ali Charles. Text and interpretation: Superfluity on issues of Human rights. Geneva: Religion and Human Rights, 1996. P. 31.

Коротко об авторе

Льянов М.М., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
lyanov_muslim@mail.ru

Briefly about the author

M. Lyanov, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: религия, культура, политика, международные отношения

Scientific interests: religion, culture, politics, international relations

УДК 2.274

Макаров Владимир Андреевич
Vladimir Makarov

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

EMPIRICAL ANALYSIS OF THE MAIN AMERICAN VALUES

Делается попытка анализа отношения американцев к основным ценностям своего общества: опоре на личные достижения, священности труда и идеи воздаяния за труд в земной жизни, а также религиозных и этических аспектов мотивации экономической деятельности и отношения к труду

Ключевые слова: американская культура, пуританство, протестантизм, имплицитность, личные достижения, воздаяние за труд

Analysis of American attitude to their main values such as individual merit, linking hard work with divine salvation and principle of earthly reward and punishment is given by the author of the article. Besides, an attempt was made to analyze the religious and ethical aspects of economic activities motivation and work ethics

Key words: American culture, Puritanism, Protestantism, implicitness, individual merit, earthly reward and punishment

В суждениях и действиях американцев **XXI** в. прослеживается имплицитное влияние пуританско-протестантского наследия Америки. Американцы превозносят индивидуальные достижения, являющиеся следствием протестантской идеи о личной связи с Богом, а также воздаянии и наказании, получаемых в земной жизни. Американцы-протестанты в своем большинстве остаются глубоко религиозными и придерживаются традиционных ценностей, даже в условиях процветания, достигнутого не в последнюю очередь благодаря следованию основным постулатам протестантов-пуритан. Американцам присуще внутренне связывать работу с духовным спасением и демонстрировать иные суждения, характерные для пуританизма. Согласно теориям неявного социального познания, считается, что влияние традиционных культурных ценностей является самым сильным на имплицитном уровне, поскольку даже мало религиозные американцы и американцы — непуританты с высокой долей вероятности придерживаются таких же суждений,

что и благочестивые протестанты-американцы.

В своем классическом произведении «Демократия в Америке» Alexis De Tocqueville [15] выдвинул теорию исключительности Америки, которая получила развитие в трудах таких исследователей, как Baker [1], Kingdon [6], Lipset [10]. Несмотря на разные направления, по которым проводились исследования, — от небольших проектов на уровне федерального правительства, реализованных Kingdon [6], до анализа американского кризиса ценностей Baker [1] — все они разделяют идею качественного отличия Америки от других стран, а также то, что такое отличие нуждается в объяснении. Вслед за этими учеными утверждаем, что большинство уникальных качественных основ американской культуры является частью ее пуританско-протестантского наследия. Кроме того, современные проявления пуританско-протестантских ценностей часто характеризуются как имплицитные и автоматические. В исследовании этого феномена

мы опирались на труды Sanchez-Burks [13; 14], доказывающего, что американские протестанты неосознанно следуют протестантской идеологии, предписывающей беспристрастность в трудовых отношениях. В данном исследовании труд по своей значимости ставился в один ряд с моральными ценностями, сосредотачиваясь на случаях, в которых непротестанты и умеренно религиозные американцы демонстрировали суждения, характерные для приверженцев традиционных пуританско-протестантских ценностей.

Остановимся на двух ключевых отличиях американских моральных ценностей, которые берут свое начало в пуританско-протестантском наследии Америки. Во-первых, американская культура превозносит личные, индивидуальные достижения, что в значительной степени основывается на протестантской идее о личном отношении с Богом, а также понятии воздаяния и наказания в земной жизни. Во-вторых, не менее значимым является то, что процесс развития американской культуры значительно отличается от общемирового. Как правило, благосостояние и демократия порождают светские, менее традиционные ценности [4; 5]. Поскольку исторически протестантские страны стали индустриальными и богатыми раньше других культур, они секуляризировались первыми и сегодня являются наименее традиционными обществами. Исключением стали Соединенные Штаты, основанные благочестивыми протестантами – пуританами, которые были и остаются страной очень религиозной и исповедующей традиционные ценности,

Несмотря на высочайший уровень экономического развития, современные американцы по-прежнему придают большое значение религии, традиционным семейным ценностям и отвергают в своем большинстве разводы, гомосексуализм, аборт, эвтаназию и самоубийства. Опираясь на результаты опроса, проводимого Всемирной ассоциацией исследования национальных ценностей в период с 2005-2010 [5], мы можем утверждать, что имплицитность в восприятии современных американцев,

наиболее вероятно, будет основываться на традиционной пуританско-протестантской нравственности.

Особенный интерес для нас также представляет отождествление американцами работы и божественного спасения. Мы считаем это несомненным имплицитным проявлением пуританизма.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Max Weber [18] утверждал, что протестантство явилось основным фактором, оказавшим влияние на развитие современного капитализма. Он предположил, что протестантская этика каждодневного поведения, подчеркивая важность христианских добродетелей и веру в спасение, содействовала росту экономики и развитию предпринимательства.

Кальвинистский принцип предопределения также сыграл свою роль, сняв клеймо осуждения с открытого стремления к материальному благосостоянию. Поскольку материальный успех предполагал избранность Богом, достижение его было не только морально, но даже обязательно. Экономический эффект протестантской Реформации был огромен. До реформации южная Европа была экономически более обеспечена, чем Северная Европа. Но за следующие три столетия капитализм расцвел именно в протестантских, а не католических странах [4; 7]. В течение первых полутора столетий индустриализация была ограничена исторически протестантскими странами северо-западной Европы, протестантскими областями католических европейских стран и протестантскими регионами обеих Америк [4]. Как отмечают Inglehart и Welzel [5; С. 75], индустриализация была «всецело сконцентрирована в обществах, где преобладал протестантизм, и среди протестантского сегмента смешанных обществ. Как правило, с ростом благосостояния общества, влияние религии уменьшается и заменяется светскими ценностями» [4]. В силу данного процесса, большая часть протестантских стран стала жертвой собственного материального успеха. Страны с преобладанием протестантского населения развивались как промышленно, так и экономически

раньше и интенсивнее, чем католические, мусульманские, индуистские и другие страны [7]. В результате они раньше секуляризовались [11]. Протестантство стало чем-то вроде затухающего костра в месте его зарождения – северо-западной Европе. Самое яркое исключение – Соединенные Штаты, которые в новом тысячелетии являются фактически столь же религиозными, как и на заре протестантизма [11].

То, что выделяет Америку из ряда других стран – это не высокий уровень религиозности, который не выше, чем в любой из множества латиноамериканских и исламских стран, а то, что американцы сохранили высокий уровень религиозности даже на пике экономического процветания. Согласно опросу, более половины американцев утверждает, что религия очень важна для них лично, но не влияет на экономическую составляющую их жизни. Наиболее вероятная причина – уникальное культурное наследие Америки как страны, основанной протестантами-пуританами, покинувшими Европу из-за религиозных гонений. Благочестивые иммигранты надеялись создать религиозную утопию в Новом Свете. В некоторых случаях в Новую Англию эмигрировали целые конгрегации. Этот процесс вынужденной селекции привел к необыкновенному уровню религиозности в новых колониях. В то время как за первыми английскими колонистами последовали другие, преследующие чисто меркантильные экономические цели, именно благочестивые протестанты заложили основы американской культуры. Поскольку набожные колонисты стали первоосновой нового общества, они оказали огромное влияние на то, что, в конечном счете, стало известно миру как вероисповедание по-американски. Многие ученые утверждают, что Протестантизм продолжает оказывать значительное, хотя часто и неявное влияние на ценности современных американцев [1; 7; 10; 13; 14].

Одной из наиболее значимых американских ценностей является идея личных достижений. В то время как идеал индивидуализма частично базируется на про-

тестантской идее о личных отношениях с Богом, вера в меритократию, т.е. достоинство, отчасти исходит из протестантского догмата воздаяния за земные труды. Яркое выраженный индивидуализм Америки выделяет ее из остального мира, ориентированного больше на коллективизм или работу в команде.

Однако одно из базовых отличий американского индивидуализма проявляется в отрицании протестантизмом определенных постулатов католической веры [5; 18]. В ответ на разложение Католической церкви и отход от священного писания Протестантизм стало настаивать на значимости личного отношения с Богом. Тогда как католики уделяли большое внимание сплочению верующих, протестанты сосредоточились на обретении личных отношений с Богом. Мартин Лютер писал, что каждый христианин – «сам себе господин, неподвластный никому» [12].

Протестантские страны эмпирически являются более индивидуалистическими, чем католические страны [2; 16]. Даже в этом случае Соединенные Штаты являются значительно более индивидуалистическими, чем другие исторически сложившиеся протестантские культуры [16]. Соединенные Штаты – уникальная протестантская страна со множеством сект, в которых люди вольны выбрать деноминацию, наиболее соответствующую их личному пониманию духовности [9; 10]. Согласно теории Weber [18], сектантский Протестантизм в наибольшей степени способствует индивидуалистическому поведению. De Tocqueville [15] отмечал, что американские протестантские секты являются больше общинными, чем иерархическими, способствуя индивидуализму и придавая большое значение личностной связи с Богом, минуя церковные институты.

В то время как большинство религий обещают, что верность вере будет вознаграждена в загробной жизни, некоторые из них обещают получение благ при жизни. К ним, безусловно, относятся определенные протестантские идеи, идущие в разрез с общепринятыми религиозными догмами,

в особенности утверждение Кальвина, что все предопределено и только избранные Богом могут достигнуть рая, а материальный успех — доказательство этой благодати. Кальвин также утверждал, что Христос умер ради избранных, а не для всего человеческого рода.

Кальвинистский принцип воздаяния при жизни внес существенный вклад в веру американцев в личные достижения. Более 96 % американцев полагают, что детей нужно учить принципу «усердно работая... любой может преуспеть в Америке», что эту идею необходимо адаптировать в такой степени, чтобы она побуждала детей к достижению успеха [1]. Из множества народов, опрошенных в рамках мониторинга мировых ценностей, проведенного Всемирной ассоциацией исследования национальных ценностей, американцы были наиболее склонны считать, что труд каждого человека должен оплачиваться, исходя из качества выполненной работы [10]. Идея оплаты труда в зависимости от личных достижений настолько неопровержима для американского бизнеса, что как-то забывается, что в других странах имеются совсем другие идеи относительно найма на работу и повышения по служебной лестнице. Например, карьерный рост в японских компаниях реализуется в значительной степени по принципу старшинства. В то время как 79 % американцев полагают, что полномочия начальника основаны на его или её способности справляться со своими обязанностями, только 27 % японцев разделяют это мнение. Японцы, голландцы, австралийцы, британцы и другие более склонны, чем американцы, рассматривать полномочия начальника как производную власти над другими [2]. В то время как американцы полагают, что всеобщие правила, основанные на личных достижениях, должны применяться ко всем без исключения, личностные нормы и ценности во многих других обществах понуждают людей отдавать предпочтение лояльности друзей, а не принципу личных достижений.

Можно утверждать, что приверженность идее меритократии помогла возвы-

шению Америки в качестве экономической супердержавы [7]. Очевидно, что исторически протестантские нации доминируют в мире с экономических позиций. Неудивительно, что некоторые азиатские компании активно стремятся освоить американскую бизнес-модель, в основу которой положен принцип личных достижений взамен моделей, основанных на найме по принципу старшинства. Как отмечалось ранее, протестантская трудовая этика может быть адаптивной в том смысле, что она побуждает индивидуума добиваться успеха как в образовании, так и в профессии. Однако протестантская вера как в земные наказания, так и воздаяния за труды при жизни имеет некоторые особенности, не все из которых можно одобрить. Вера в то, что плохие люди будут наказаны при жизни, играет на руку идеологиям, оправдывающим социальное неравенство. Согласно последним опросам, американцы, в отличие от многих других культур, включая и другие богатые демократические государства, придерживаются мнения, что люди получают то, чего они заслуживают [5]. 82 % американцев полагают, что все, что происходит с людьми, является следствием их собственных деяний, это мнение разделяют лишь 33 % венесуэльцев и 39 % китайцев. Вполне предсказуемо, что люди в бедных странах — где жизнь значительно более тяжелая, чем в Америке — считают мир несправедливым. Однако в справедливость в мире верит большее число американцев, чем японцев, немцев и шведов (63, 66 и 71 % соответственно).

Кроме этого, отличительной чертой американцев является практически неосознаваемое, почти автоматическое отношение к труду как к священной обязанности, ведущее отсчет от морали пуритан. Хотя, в конечном итоге, протестанты отстранились от учения о божественном предопределении Кальвина, его идея о труде как источнике божественного спасения осталась неизменной. В отличие от других религий, которые обычно осуждали стремление к накоплению личного состояния, протестанты активно поощряли такую деятельность,

поскольку, по Кальвину, материальное благосостояние означало ниспосланное богом воздаяние за труд.

Подводя итог сказанному, можно прийти к выводу, что пуритано-протестантское наследие, несомненно, продолжает оказывать влияние, хотя часто и неосознанное, на формирование взглядов, суждений и поведения современных американцев. В национальной иерархии ценностей американцы ставят личные заслуги значительно выше, чем представители других протестантских стран, основываясь на идее личной связи с Богом и кальвинистском принципе воздаяния за труд и наказания за грехи в земной жизни. В то время как в других странах с доминирующей протестантской религией

по мере накопления материальных благ и под влиянием демократических процессов произошла секуляризация основных протестантских ценностей, американцы в основном остаются их приверженцами. В результате идеи протестантской трудовой этики оказали большое влияние на экономические достижения не только стран Северо-Западной Европы, но и, в первую очередь, Соединенных Штатов [7].

Таким образом, в результате эмпирического анализа выявлена значимость следующих американских ценностей: индивидуализма, трудолюбия и меритократии, по сей день остающихся важнейшими факторами в доминанте современной трудовой этики.

Литература

1. Baker W. America's crisis of values. NJ: Princeton University press. 2005. 307 p.
2. Hampden-Turner C., Trompenaars F. The seven cultures of capitalism: Value systems for creating wealth in the United States, Britain, Japan, Germany, France, Sweden, and the Netherlands. New York, NY: Doubleday. 1993. 405 p.
3. Hofstede G., Hofstede G.J. Culture and organizations: Software of the mind. New York, NY: McGraw-Hill. 2010. 576 p.
4. Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University press. 1997. 453 p.
5. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Cambridge, MA: Cambridge University press. 2005. 344 p.
6. Kingdon J.W. America the unusual. Boston, MA: Worth publishers. 1999. 111 p.
7. Landes D.S. The wealth and poverty of nations: Why some are so rich and some so poor. New York, NY: W.W. Norton & Co. 1999. 658 p.
8. Lipset S.M. Continental divide: The values and institutions of the United States and Canada. New York, NY: Routledge. 1990. 337 p.
9. Lipset S.M. American exceptionalism reaffirmed. Is America different? A new look at American exceptionalism. New York, NY: Oxford University press. 1991. pp. 1-45.
10. Lipset S.M. American exceptionalism: A double edged sword. New York, NY: W.W. Norton & Co. 1997. 352 p.
11. Norris P., Inglehart R. Sacred and secular: Religion and politics worldwide. New York, NY: Cambridge University Press. 2004. 348 p.
12. Sampson E.E. Reinterpreting individualism and collectivism: Their religious roots and monologic versus dialogic person-other relationship // American Psychologist. 2000. № 55. pp. 1425-1432.
13. Sanchez-Burks J. Protestant relational ideology and (in)attention to relational queues in work settings // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. № 83. pp. 919-929.
14. Sanchez-Burks J. Protestant relational ideology: The cognitive underpinnings and organizational implications of an American anomaly // Research in Organizational Behavior. 2005. № 26. pp. 267-308.
15. Tocqueville A.D. Democracy in America. New York: Vintage Books. 1990. 480 p.

16. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the waves of culture: Understanding diversity in global business. New York, NY: McGraw-Hill. 1997. 274 p

17. Voss K. The making of American exceptionalism. Ithaca, NY: Cornell University press. 1994. 290 p.

18. Weber M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism. New York, NY: Courier Dover Publications. 2003. 320 p.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Макаров В.А., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
b1ohazard@chita.ru

V. Makarov, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: религия, политика, экономика

Scientific interests: religion, politics, economics

Экономические науки

УДК 331:330.332(571.14)

Черняков Михаил Константинович
Michael Chernjakov

СТАТИСТИКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ВЛОЖЕНИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

STATISTICS OF INVESTMENTS OF MUNICIPALITIES

Рассмотрены области инвестиционной привлекательности г. Новосибирск на основе статистического анализа

Ключевые слова: статистика, маркетинг, анализ, прогнозирование

In the article the areas of investment appeal of Novosibirsk on the basis of statistical analysis are considered

Key words: statistical, marketing analysis, forecasting

В условиях ограниченности собственных финансовых средств, требующихся для реализации планов социально-экономического развития муниципальных образований, а также отдельных целевых программ, необходимо привлекать дополнительные средства за счет инвестирования, создания условий для привлечения капитала, в том числе и иностранного, в хозяйствующие объекты на территории города. Кроме того, привлечение инвестиций представляет собой один из наиболее эффективных способов преодоления кризисного, посткризисного состояния российской экономики, а также социально-экономического развития государства либо региона, города, отрасли.

Финансовые вложения организации – одна из составляющих инвестиционной деятельности. Динамику таких вложений можно рассмотреть на примере г. Новосибирск [1]. Анализ инвестиционной деятельности осуществлялся на платформе 1С: Предприятие [2].

Общий объем финансовых вложений (рис. 1) за январь-декабрь 2009 г. по крупным и средним предприятиям г. Новоси-

бирск составил 99 167,7 млн руб., из них наибольший объем приходится на краткосрочные финансовые вложения 84 275,5 млн руб. (85 %). Долгосрочные финансовые вложения составили 14 892,2 млн руб. (15 %).

Инвестиции в нефинансовые активы по крупным и средним предприятиям города в 2009 г. составили 44 679,2 млн руб., из них 98,4 % приходилось на инвестиции в основной капитал (43 978,3 млн руб.).

Основным направлением использования инвестиций в основной капитал (табл. 1) по видам основных фондов были инвестиции на машины, оборудование, транспортные средства – 46,0 %, здания (кроме жилых) и сооружения – 39,1 %.

Значительная доля инвестиций крупных и средних предприятий (рис. 3 и табл. 2) была направлена на развитие таких видов экономической деятельности, как операция с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 30,8 %, транспорт и связь – 28,6 %, обрабатывающие производства – 12 %, производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 6,6 %.

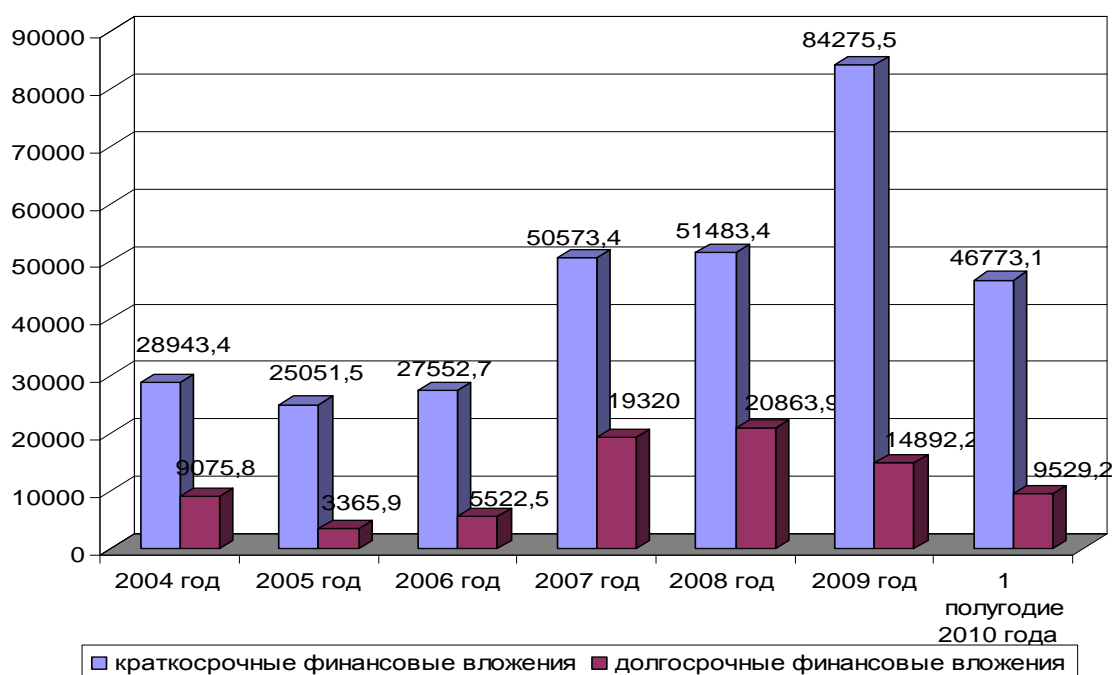

Рис. 1. Динамика финансовых вложений крупных и средних организаций города, млн руб.

Индекс физического объема инвестиций в основной капитал к соответствующему периоду 2008 г. составил 67,9 % (рис. 2).

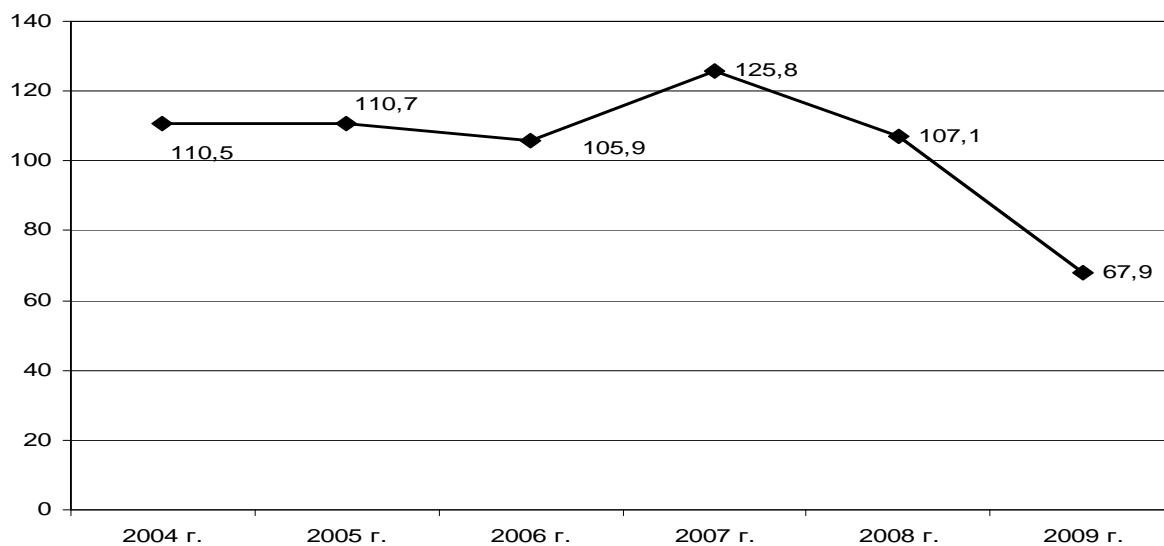

Рис. 2. Изменение индекса физического объема инвестиций в основной капитал крупных и средних организаций города

Инвестиции в основной капитал, осуществленные крупными, средними и малыми предприятиями г. Новосибирск (млн руб.)

Инвестиции	2004	2005	2006	2007	2008	2009	1 полугодие 2010 г.
Общий объем инвестиций в основной капитал, осуществленных крупными, средними и малыми предприятиями г. Новосибирск, млн руб.	16229	21444	29319	52833	78795	58348	Нет данных
в том числе:							
инвестиции в основной капитал, осуществленные крупными и средними предприятиями г. Новосибирск, млн руб.	13958	18802	26402	44168	59426	43978	16525
из них:							
инвестиции в основной капитал, осуществленные крупными и средними промышленными предприятиями г. Новосибирск	4697	5506	6674	9280	13953	8190	2474
инвестиции в основной капитал, осуществленные малыми предприятиями г. Новосибирск, млн руб.	2271	2642	2917	8665	19369	14370	Нет данных

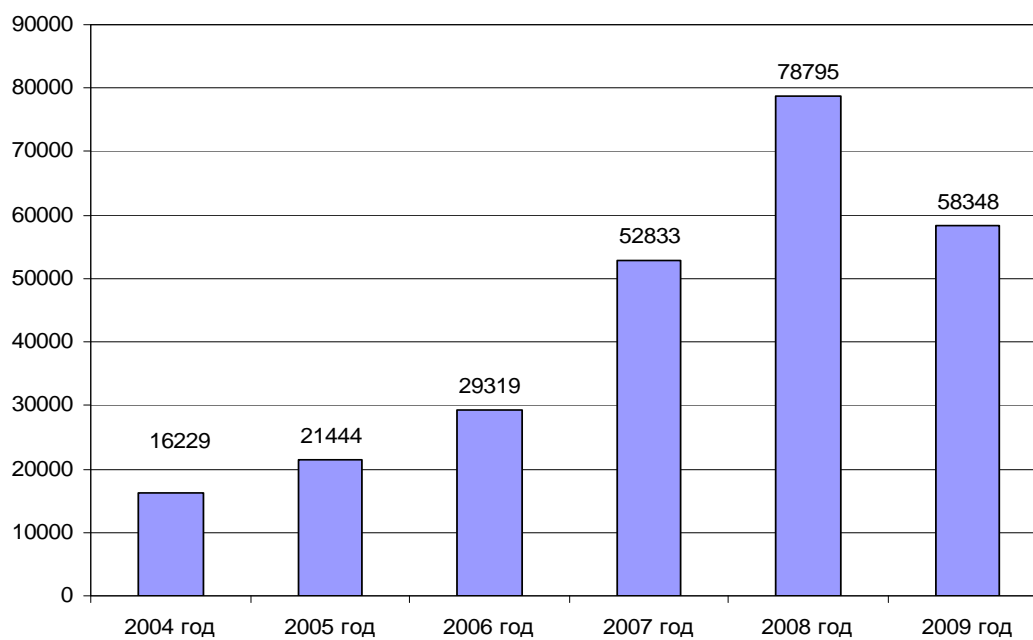

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал, осуществленных крупными, средними и малыми предприятиями г. Новосибирск, млн руб.

Таблица 2

Темпы роста инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году

Инвестиции	2004	2005	2006	2007	2008	2009
По крупным и средним предприятиям города	138,2	134,7	140,4	167,3	134,5	74,0
По промышленным предприятиям	142,6	117,2	121,2	139,0	150,4	58,7

Объем инвестиций в основной капитал, осуществленных крупными, средними и малыми предприятиями г. Новосибирск, по итогам 2009 г. составил 41,4 тыс. руб. на душу населения.

На инвестиционную активность и привлекательность города оказывают влияние:

- многоплановая интеграция материально-технического и интеллектуального потенциала;
- развитие международного делового партнёрства;
- развитие международных транспортных услуг с транзитной специализацией;
- перспектива создания мультимодального транспортного узла.

В последние годы наблюдается активизация градостроительной деятельности на территории города. Инвесторов привлекают значительные материальные ресурсы мегаполиса:

- развитая городская инфраструктура;
- промышленные и строительные площадки;
- телекоммуникационные сети;
- жилищный фонд;
- социально-культурные объекты.

Перспективными направлениями инвестирования являются:

- наука и высокотехнологичное производство;
- инфраструктура туризма и отдыха;
- гостиничный бизнес;
- жилищное строительство;
- строительство объектов соцульббыта.

Выполняя задачу повышения инвестиционной привлекательности Новосибирска, в последующие годы администрации области и города планируют продолжить работу по совершенствованию системы и порядка работы по оказанию государственной поддержки инвестиционной деятельности, модернизацию и реконструкцию действующих производственных мощностей; создание новых предприятий и производств, способствующих обновлению ассортимента и выпуску конкурентоспособной продукции.

Таким образом, привлечение инвестиций в настоящее время остаётся одним из главных инструментов стимулирования экономики г. Новосибирск, который пока ещё не задействован в полной мере. Создание оптимального климата для работы крупных и средних инвесторов – главная задача правительства РФ и руководства администрации Новосибирской области.

Литература

1. Новосибирск и Новосибирская область с точки зрения территориального маркетинга // Вестник Забайкальского института предпринимательства: науч.-практич. журнал. (Выпуск 6/2006). Чита, 2006. С. 133-140.
2. Методы анализа и прогнозирования в маркетинговой деятельности на платформе IC: Предприятие // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права: междунар. науч.-теоретич. журнал. Белгород, 2011. № 4. С. 113-119.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Черняков М.К., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента, Сибирский университет потребительской кооперации
mkacadem@mail.ru

M. Chernjakov, Doctor of Economical Sciences, professor, head of management de-partment, Siberian University of Consumers' Cooperative

Научные интересы: экономика и управление народным хозяйством

Scientific interests: economy and management of a national economy

Юридические науки

УДК 342.71

Никитин Алексей Николаевич
Alexey Nikitin

Столяренко Владимир Михайлович
Vladimir Stolyarenko

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

STANDARD AND LEGAL FIXING OF SYSTEM OF GUARANTEES SOCIAL RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSON AND CITIZEN

Представлены особенности нормативно-правового закрепления системы гарантий социальных прав и свобод человека и гражданина. Обосновывается, что обязанность государства обеспечивать социальные права человека должна распространяться на все государственные и муниципальные органы, в том числе и на специально созданные

Ключевые слова: социальные права, конституционно-правовое регулирование, гарантии прав и свобод, права человека и гражданина

Features of standard and legal fixing of system of guarantees of social rights and freedoms of person and citizen are presented. Locates that a duty of the state to provide social human rights should extend on all state and municipal authorities, including on the specially created

Key words: social rights, constitutional and legal regulation, guarantees of the rights and freedoms, human right and citizen

Одно из фундаментальных направлений конституционно-правовой политики – признание, соблюдение, защита прав и свобод личности, обеспечение её достойной жизни и свободного развития [1; С. 147]. Природа конституционного принципа социального государства становится ясной при анализе конституционных прав второго поколения, а также системы юридических гарантий их реализации и требований основного закона к распределению компетенции, порядку осуществления ряда процедур и актам органов государственной власти [2; С. 63].

Применительно к понятию «гарантии социальных прав» можно выделить следующие моменты:

– в качестве *общего социального права* (как родового понятия) можно рассматривать право на достойную жизнь и свободное развитие, а такие права, как право на индивидуальные и коллективные споры, право на вознаграждение за труд, право на безопасные условия труда, право на жилище, право на охрану здоровья, право на получение пенсий, пособий и иное социальное обеспечение со стороны государства, можно рассматривать как своего рода гарантии указанного *общего социального права*;

– в качестве непосредственных социальных прав, объединяемых в теории в одну группу и отражённых во второй главе конституции, соответственно, будут выступать права, закреплённые в статьях 37...43,

которые также будут требовать собственной системы гарантий, обеспечивающих, не только факт осуществления социального обеспечения со стороны государства, но и его определённый уровень (важным является не просто выплата, например, пенсии, но и её размер; не просто установление прожиточного минимума, а его соответствие реальному положению дел).

Применительно к социальным правам в конституциях делается акцент на материальные гарантии (установление законом минимальной заработной платы, доплата на иждивенцев, законодательно установленный уровень «потребительской корзины» и др.). Однако в этом отношении требуется особая осторожность. Необходимо прежде всего учитывать реальные возможности государства, иначе соответствующие нормы превратятся в пустые обещания [3; С. 170].

Социальное обеспечение представляет собой систему социально-экономических мероприятий, гарантирующих материальное обеспечение граждан в старости, в период временной нетрудоспособности, при потере кормильца в семье; обеспечение пособиями и предоставление льгот женщинам-матерям, семьям со сравнительно низкими среднедушевыми доходами и др. [4; С. 6]. К непосредственным гарантиям социальных прав можно отнести следующие: создание условий для безопасности и гигиены труда, оплата труда без какой-либо дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, запрет принудительного труда, институт государственных инспекторов в сфере труда, меры юридической и политической ответственности государственных органов и должностных лиц, индивидуальные и коллективные трудовые споры, ограничение максимальной продолжительности рабочего времени, выплата пенсий, пособий, институт социального страхования, целевые программы в социальной сфере («Жилье», «Образование», «Дети России»), льготное предоставление жилья, система налоговых вычетов, введение образовательного кредита и дру-

гие. Требуется установление законодателем чётких социальных стандартов, которые соответствуют конкретно-историческому содержанию концептов «достойная жизнь» и «социальная справедливость». К ним относятся прожиточный минимум различных категорий населения; минимальный размер оплаты труда; ставка первого разряда единой тарифной сетки; минимальный размер пенсий; минимальные значения ряда социальных пособий; нормы обеспечения бесплатными образовательными и медицинскими услугами; нормативы социального обслуживания инвалидов, престарелых, детей, оставшихся без попечения родителей, и других лиц; нормативы обеспечения жильем и его доступность; форма типового трудового контракта для профессионалов и молодежи [5; С. 11-12]. Для иллюстрации состояния этих стандартов в РФ можно привести следующие показатели.

Перечень гарантий является «открытым» и достаточно объёмным и устанавливается специальным отраслевым законодательством. Он может быть дополнен и расширен, и для этого не обязательно вносить поправки в Конституцию РФ, о чём свидетельствует упоминание об «иных гарантиях социальной защиты» (ч. 2 ст. 7) и о гарантиях социального обеспечения «в иных случаях, установленных законом» (ст. 39).

Получается, если какая-либо новая жизненная проблема или личное качество граждан вдруг станут «социальной проблемой», то может быть инициирован и сравнительно легко завершён процесс создания нового типа социальных гарантий [4; С. 6].

Одной из важнейших гарантий социальных прав рассматривается институт частной собственности. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что обладание гражданином собственностью является условием и дополнительной гарантией, так или иначе приближающей его к «достойной жизни» и обеспечивающей его «свободное развитие». Интересна точка зрения Б.Н. Алейникова, в соответствии с которой собственность является тем объектом, грамотное использование которого даёт человеку

возможность без вмешательства государства самостоятельно пополнять свое благосостояние. Это важно, поскольку у государства в отношении такого собственника отпадает необходимость затрачивать силы и механизмы на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие данного конкретного человека — собственника. Означает это и снижение «социальной» (читай — финансовой) нагрузки на государство. В то же время, финансирование процесса реализации социальных гарантий осуществляется за счёт налогоплательщиков, которые по закону сами не нуждаются в государственной социальной поддержке. Но налоги [6] берутся с чего-то, в частности, с собственности, которой обладают граждане и юридические лица (например, гл. 23 «Налог на доходы физических лиц», гл. 25 «Налог на прибыль организаций», гл. 30 «Налог на имущество организаций», гл. 31 «Земельный налог» Налогового кодекса РФ от 5 августа 2000 г.). Следовательно, собственность как экономическая и правовая категория с помощью налогообложения её обладателей — собственников является одним из элементов, формирующих бюджет, с помощью которого реализуется социальная государственная политика [4; С. 7-10].

В связи с этим можно обратить внимание на ещё один аспект. В ст. 7 Конституции РФ закреплён перечень (не исчерпывающий) групп населения, которым требуется особая поддержка со стороны государства. В соответствующих статьях гл. 2 также закрепляются социальные права и, таким образом, можно определить круг субъектов, которые могут ими воспользоваться и в отношении которых предусматривается и система гарантий. При этом отношения, связанные с социальной защитой, возникают между гражданами, коллективами и без непосредственного участия государства. В этом случае последнее «распределяет» гарантии в соответствии со статусом участников отношений. Наёмные работники в соответствии со ст. 37 Конституции РФ нуждаются в большем наборе средств социальной защиты, чем лица, занимающи-

еся предпринимательской деятельностью. Очевидно, что работодатель и наёмный работник находятся в заведомо неравных отношениях и по этой причине последнему устанавливается больший набор юридических гарантий.

Своего рода «индикаторами» состояния социальных прав являются уполномоченные по правам человека и уполномоченные по правам ребёнка. 29 марта 2005 г. создана Ассоциация Уполномоченных по правам ребёнка. Например, при анализе причин обращения к уполномоченному по правам ребёнка становится очевидно, что практически половина всех обращений составляют жалобы на нарушения жилищных прав. На втором месте — жалобы на нарушения имущественных прав ребенка. На третьем — жалобы на нарушения прав ребенка на проживание с родителями, их воспитание и заботу. Далее — жалобы на нарушение права на жизнь, безопасность, неприкосновенность личности, уважение человеческого достоинства детей, охрану здоровья, жалобы на злоупотребление родителями родительскими правами, иные жалобы (нарушение прав потерпевших; тяжелое материальное положение семей; отказы в паспортизации и т.д.) [7; С. 137-138]. В последние годы существенно увеличилось количество обращений граждан о нарушениях их прав и свобод, поступающих в адрес Администрации Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, аппарата Правительства РФ, Конституционного Суда РФ, других федеральных судов, Прокуратуры РФ, МВД России [8; С. 85].

Обязанность государства обеспечивать социальные права человека, распространяется абсолютно на все государственные и муниципальные органы, в том числе и на специально созданные [9; С. 163]. В Конституции РФ в п. «в» ст. 71 сказано: «В ведении Российской Федерации находится «регулирование и защита прав, свобод человека и гражданина...». То же самое записано в п. «б» ст. 72: «...защита прав и свобод человека и гражданина; защита национальных меньшинств». Однако

в этих двух статьях Конституции РФ (статьи 71 и 72) говорится и о других предметах ведения, которые относятся и к федеральному центру, и к совместному ведению [10; С. 32]. Таким образом, необходимо учитывать федеративное устройство, специфику и уровень развития регионов для анализа возможности и степени обеспечения социальных прав граждан, гарантий, устанавливаемых тем или иным субъектом РФ дополнительно к федеральным. Наряду с судом (в том числе конституционными судами) права человека охраняют другие органы государства: прокуратура [11], омбудсмены (уполномоченные по правам человека [12]), Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека и т.д. Среди мер по преодолению кризисных явлений в социальном государстве важное место должен также занять постоянный контроль за деятельностью государственного аппарата как с точки зрения её эффективности, так и законности. При этом недостаточно ограничиваться внутренним контролем в пределах самой администрации или внешним (бухгалтерским, финансовым) контролем. Требуется расширение парламентского контроля за всей совокупностью государственной деятельности [13; С. 12]. В качестве своего рода гарантии социальных прав можно рассматривать и деятельность, например, Счётной палаты РФ, поскольку зачастую невозможность реализации указанных прав объясняется со стороны власти финансовыми затруднениями, которые выражаются и в том, что выделяемые «на бумаге» средства не доходят до своих адресатов, растрачиваются. А чтобы этого не допустить, требуется проведение контроля, проверок целевого расходования средств. Пройдя все стадии защиты прав в государстве пребывания и будучи неудовлетворенным, индивид (теперь и российский гражданин после ратификации парламентом в 1997-1998 гг. ряда документов Совета Европы) может обратиться в международные органы [14; С. 54]. К международным гарантиям следует отнести международные декларации,

хартии, пакты и другие акты о правах человека, Генеральную Ассамблею ООН; Совет Безопасности ООН; Комитет по правам человека ООН; Международный суд ООН в Гааге; Европейский Суд по правам человека в Страсбурге [15; С. 176-177].

Нормативное закрепление конституционной характеристики РФ как социального государства должно сопровождаться установлением системы гарантий, обеспечивающих её фактическую реализацию во взаимодействии личности, общества и государства. Помимо материальных гарантий должны формироваться процессуальные гарантии, должна складываться организационно-правовая деятельность по их реализации. Обеспечение достойной жизни и свободного развития может осуществляться посредством разработки и установления системы социальных стандартов. На них должна основываться деятельность органов государственной власти и должностных лиц, а также частного бизнеса. Они могут выступать одним из критериев оценки их деятельности, в частности, применяться при разработке административных регламентов, устанавливающих порядок исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг, а также технических регламентов, устанавливающих обязательные для применения и исполнения требования к объектам технического регулирования.

Одной из наиболее эффективных гарантий социальных прав является, прежде всего, организация судебной защиты против случаев их нарушения. С целью повышения эффективности института судебной защиты равенства прав граждан в настоящее время предпринимаются реальные шаги для создания административной юстиции — специальных судов, призванных рассматривать жалобы граждан на действия и решения органов управления и их должностных лиц. По мнению Н.Ю. Хамановой, учреждение системы административных судов стало бы естественным продолжением укрепления судебной власти как третьей власти в государстве [16; С. 146]. Конституционный Суд РФ, активно

занимаясь соответствующими вопросами, оказывает своими решениями весьма позитивное влияние на законотворческую и правоприменительную практику, способс-

твует разрешению существующих противоречий в сфере социально-экономической и политической жизни [17; С. 62].

Литература

1. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
2. Танчев Е. Социальное государство (всеобщего благосостояния) в современном конституционализме // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61).
3. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005.
4. Алейников Б.Н. Социальное государство и собственность // Государство и право. 2008. № 1.
5. Кочетков В.В. Ещё раз о сущности социального государства // Закон и право. 2009. № 7.
6. Налоговый кодекс РФ (Ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. Ст. 3824; Налоговый кодекс РФ (Ч. 2) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.
7. Гуль Н.В. Конституционное право на защиту семьи, материнства и детства // Журнал российского права. 2007. № 4.
8. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2001. № 12.
9. Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М.: Городец, 2000.
10. Габоев А.Б. Защита прав и свобод человека – важнейший составной элемент при осуществлении государственной национальной политики // Государство и право. 2005. № 1.
11. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.
12. Федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в РФ» от 26.02.1997 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 03.03.1997. № 9. Ст. 1101.
13. Жирнов Н.Ф. Социальное государство: политико-теоретический анализ // Власть. 2008 № 9.
14. Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. М.: Юристъ, 1999.
15. Зиновьев А.В. Проблемы теории и практики прав человека // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13-14 ноября 2008 г. / Отв. ред. В.Д. Зорькин. М.: Норма, 2009.
16. Комгова Г.Н. Конституционно-правовой механизм защиты равенства прав и свобод в России / Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. Вып. 4.
17. Бондарь Н.С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Никитин А.Н., д-р юрид. наук, профессор, кафедра государственно-правовых дисциплин, Московский гуманитарный университет
Тел. моб.: 916-177-88-64

A. Nikitin, Doctor of Law Sciences, professor, professor of state law disciplines department, Moscow Humanitarian University

Научные интересы: конституционное право, конституционно-правовое регулирование, государственное регулирование

Scientific interests: constitutional law, constitutional and law regulations, state regulation

Столяренко В.М., д-р юрид. наук, профессор, кафедра государственно-правовых дисциплин, Московский гуманитарный университет
Тел. моб.: 916-177-88-64

V. Stolyarenko, Doctor of Law Sciences, professor, professor of state law disciplines department, Moscow Humanitarian University

Научные интересы: конституционное право, конституционно-правовое регулирование, государственное регулирование

Scientific interests: constitutional law, constitutional and law regulations, state regulation

Содержание

Культурология

- Гомбоева М.И.
Экспликация образа мироустройства народов Внутренней Азии и его значение для культурологического знания
M. Gomboeva
Explication of the World Order Image of the Peoples of Inner Asia and its Significance for Cultural Knowledge 3

Науки о Земле

- Герасимов В.М.
Применение волокнистых полимерных материалов в фильтровании оборотных и сточных вод на горных предприятиях
V. Gerasimov
Application of the Fibrous Polymeric Materials in Filtering Turnaround and Sewage at the Mountain Enterprises..... 9

- Мязин В.П.
Геосистемный подход к классификации обогатительных фабрик и перерабатывающих комплексов
V. Myazin
Geosystem Approach to Classification of Concentrating Factories and Processing Complexes 14

Педагогические науки

- Горлачев В.П.
Экологическое образование в контексте устойчивого развития
V. Gorlachev
Ecological Education in the Context of the Sustainable Development..... 21

- Дугарова Д.Ц.
Инновационная инфраструктура внешней и внутренней оценки гарантии качества высшего образования
D. Dugarova
Innovative Infrastructure of the External and Internal Assessment of Higher Education Quality Assurance 27

- Малышев Е.А.
Система образования как одна из основ формирования саморазвивающихся регионов
E. Malyshev
Education as a Basis of Forming Self-Developing Regions 33

Политология

- Иванова Ю.В., Крикунова В.А.
Тенденции и механизмы воздействия молодежной политической культуры на политический процесс
Ju. Ivanova, V. Krikunova
Tendencies and Mechanisms of youth Political Culture Influence on Political Process 48

- Макарова Т.Б.
Развитие государственной образовательной политики России в XXI в.: факторы, сущностные характеристики
T. Makarova
State Education Policy Development of Russia in the XXI c.: Factors and Characteristic Features 56

- Родионова А.К.
Демократические практики в России
A. Rodinova
Democratic Practices in Russia 61

Психологические науки

- Сараева Н.М.
Общее теоретическое представление о состоянии психики человека, проживающего в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды
N. Sarayeva
The General Theoretical Idea about the Condition of Mentality of Person Living in Conditions of Ecologically Unsuccessful Vital Environment..... 66
-
-

Филологические науки

- Ахметова Г.Д.
Российские джунгли: есть ли путь к свету? (Юрий Буйда. Книга «Жунгли»)
G. Ahmetova
Russian Jungle: Whether there is a Way to Light? (Yury Buyda. Book «Zhungli») 74
- Оглезнева Е.А.
Лингвоперсоналогический аспект межъязыкового взаимодействия (на примере русско-китайского взаимодействия в Дальневосточном регионе)
E. Oglezneva
Language and Personology Aspects of Interlanguage Interaction: the Analysis of Russian – Chinese Interaction in the Far East 82
- Санжитова О.Г.
Смеховое осмысление современности в бурятском анекдоте
O. Sanzhitova
Laughing Conceptualization Modernity of Buryat Anecdote 87

Философские науки

- Бернюкевич Т.В., Чернявин Ю.А.
Буддизм и имперсоналистическая концепция личности Л.Н. Толстого
T. Bernyukevich, Yu. Chernyavin
Buddhism and Impersonalistic Concept of L.N. Tolstoy's Identity 93
- Дробышевский В.С.
Современный этап в развитии юриспруденции: опыт социально-философского анализа
V. Drobyshevsky
The Present Stage in Law Development: Experience of the Social-Philosophical Analysis 100
- Кошелев М.И., Фомина М.Н.
Пространственные и временные характеристики природы диалога региональных культур
M. Koshelev, M. Fomina
Spatial and Time Characteristic of Dialogue's Nature of Regional Culture 108
- Льянов М.М.
Интеграция мусульман в европейское общество: проблемы и решения
M. Lyanov
The Integration of Muslims Into European Society: Problems and Solutions 113
- Макаров В.А.
Эмпирический анализ основных американских ценностей
V. Makarov
Empirical Analysis of the Main American Values 120

Экономические науки

- Черняков М.К.
Статистика инвестиционных вложений муниципальных образований
M. Chernjakov
Statistics of Investments of Municipalities 126

Юридические науки

- Никитин А.Н., Столяренко В.М.
Нормативно-правовое закрепление системы гарантий социальных прав и свобод человека и гражданина
A. Nikitin, V. Stolyarenko
Standard and Legal Fixing of System of Guarantees Social Rights and Freedoms of Person and Citizen 131

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (83)

2012

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.04.2012

Сдано в производство 27.04.2012

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 86

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РИК ЗабГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
